

Г. Г. ФРУМЕНКОВ

Узники

СОЛОВЕЦКОГО
МОНАСТЫРЯ

ГЕОРГИЙ ГЕОРГИЕВИЧ ФРУМЕНКОВ

УЗНИКИ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ

Политическая ссылка в Соловецкий монастырь в XVIII - XIX веках

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1965

Автор, кандидат исторических наук Г.Г. Фруменков, уже неоднократно обращался к истории Соловецкого монастыря. Большой популярностью пользуются ранее изданные его работы «Соловецкий монастырь и оборона Поморья в XVI – XIX веках» и «Из истории ссылки в Соловецкий монастырь в XVIII веке».

В настоящее издание вошли некоторые уже известные читателю очерки. Заново написана третья и большая часть четвертой главы

В книге рассказана история тюрьмы Соловецкого монастыря в XVIII – XIX веках. В ней приводятся сведения о строительстве тюремных помещений на Соловках, о тюремном режиме и о судьбах известных в истории русского революционного движения борцов, томившихся в соловецких казематах, таких, как декабрист А.С. Горожанский, сподвижник Т.Г. Шевченко Г.Л. Андрузский, знаменосец Казанской демонстрации Я. Потапов и другие.

Автор использовал много новых материалов из московских, ленинградских и архангельского архивов.

Книга имеет большое антирелигиозное значение и будет полезна всем, кто интересуется историей родного края.

* * *

Со школьной скамьи мы помним, какую большую роль в феодальную эпоху играли монастыри, в том числе крупнейший из них – Соловецкий. Он был богатейшим северо-русским духовным феодалом и пограничной военной крепостью русского государства, колонизатором земель и распространителем христианства, значительным культурным центром. Но в целом такая характеристика Соловецкого монастыря является неполной, однобокой.

Нельзя забывать другой стороны деятельности Соловецкого монастыря, его изуверских, сугубо реакционных тюремных функций.

Духовные и государственные власти тщательно скрывали от общества сведения о монастырском заключении вообще, о соловецкой тюрьме в особенности. Лишь изредка в печать проникали отдельные сообщения о том, что тот или иной человек отправлен в монастырь на покаяние. Никто не знал, что существовала целая система никем не контролируемого монастырского заточения, что тюремные обязанности были важнейшей и неотъемлемой частью деятельности наших монастырей, что в соловецких казематах погибли в трагической неизвестности многие сотни неугодных царской власти и церкви людей. Эти компрометирующие «святую церковь» материалы монахи держали в строгом секрете и никому не разрешали пользоваться документами монастырского архива.

Великая Октябрьская социалистическая революция раскрыла архивохранилища. Появилась возможность сорвать покрывало с тайн, которые столетиями окутывали Соловецкую обитель.

Монастырь и тюрьма! Кажется, что может быть общего между этими понятиями? На самом деле сочетание религиозных обязанностей монастыря с тюремными являлось естественным, закономерным и неизбежным. Связанный с самодержавием и всем ему обязанный, Соловецкий монастырь всегда действовал бок о бок с царизмом, ревностно искоренял «крамолу», угрожавшую в одинаковой степени как светским, так и духовным эксплуататорам.

Страшная тюрьма Соловецкого монастыря занимала исключительное по своему положе-

нию место. Она была секретной государственной темницей. Сами цари замуровывали туда наиболее опасных врагов абсолютизма. Соловецкий острог был также главным монастырским застенком, каторжным центром духовного ведомства.

По жестокости режима соловецкая тюрьма не имела себе равных. Там царили более суровые порядки, чем в других монастырях и во всех светских местах заключения. В земляных ямах, в крепостных казематах и в чуланах острога гноили, доводили до умопомешательства, заживо хоронили узников. «Духовные пастыри» стада Христова, как заправские жандармы, выполняли обязанности надзирателей, стражников, шпионов и палачей.

Глава первая

СОЛОВЕЦКАЯ ТЮРЬМА В XVIII ВЕКЕ. ПОЛОЖЕНИЕ АРЕСТАНТОВ

Монастырская тюрьма на Соловецком острове была самой древней, самой суровой и до XIX века самой вместительной из всех монастырских тюрем. Туда ссылали не одних религиозных вольнодумцев. В соловецкий острог, как в самый строгий застеночек синода, заключали наиболее опасных врагов политического строя, всяких «супротивников» властей, обвиняемых в «дерзновении и буйстве», произносителей «злохулильных слов» на особы царской фамилии, распространителей «воровских бредней», государственных «преступников», которые тогда именовались «ворами и бунтовщиками».

Соловецкий мартиролог насчитывает многие сотни человек. Мрачную, кровавую память оставил о себе в сердцах русских людей острог Соловецкого монастыря.

Долгое время глубокая тайна окутывала все, что творилось в соловецкой тюрьме. До конца XIX века в печать не проникало никаких сведений о монастырском заточении вообще, о соловецкой тюрьме и ее режиме в частности. Лишь в народе бродили глухие таинственные толки да распространялись различные слухи о соловецких казематах.

Первым приподнял завесу наш земляк М. А. Колчин, опубликовавший в «Русской старине» за 1887–1888 годы два очерка: «Флигель-адъютант М. А. Шуйский в Соловках» и «Ссылные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI–XIX веках». В 1908 году, уже после смерти М. Колчина, обе эти работы вышли отдельной книжкой.

М. Колчин лично осмотрел сохранившиеся до 70–80-х годов XIX века места заключения, дал им описание, привел часть документальных данных, касающихся ссылки в монастырь, и проследил судьбу многих узников соловецкой тюрьмы за период со второй половины XVI века и до конца XIX века.

Ограниченность архивного материала, находившегося в то время в монастыре, не позволила исследователю глубоко осветить многие вопросы соловецкой ссылки и явилась причиной отдельных неточностей, погрешностей и ошибок. Автор видел недостатки своей работы и извинялся перед читателем за то, что не может «дать полной истории соловецкой ссылки, но только страницы из нее, вернее, – историю с вырванными страницами».¹ Большого при всем своем желании, трудолюбии и таланте М. Колчин не мог совершить. В его распоряжении находилось всего лишь полсотни арестантских дел, что далеко не достаточно для составления обстоятельной истории соловецкой ссылки.

М. Колчину пришлось восстанавливать историю монастырского заточения главным образом по ведомостям колодников, которые составлялись архимандритом – комендантом тюрьмы – по форме: «с какого времени они (арестанты. – Г. Ф.) содержатся, откуда и по какому (повелению присланы и как содержать велено, каково они свое житие препровождают». Списки эти, представляющие собой далеко не первосортный материал, со второй половины XVIII века высылались регулярно каждое полугодие (реже – по третям года) в синод.

При всей неполноте книга М. Колчина не утратила своего значения в наше время. Историк-любитель опубликовал несколько документов, подлинники которых утеряны. В части же описания казематов, не сохранившихся до наших дней во всей своей страшной неприкосновенности, работа М. Колчина является незаменимым первоисточником. (Земляных тюрем

---

¹ Колчин М. А. Ссылные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI–XIX веках. Исторический очерк с предисловием А. С. Пругавина. М., 1908, стр. 2.

уже не было в монастыре в годы пребывания там М. Колчина).

Последующие историки соловецкой тюрьмы А. С. Пругавин¹, А. П. Иванов² не внесли в разработку вопроса ничего нового, если не считать вымыслов, встречающихся в очерках А. Иванова вроде того, что в соловецкой тюрьме содержались одно время декабристы Ф.П. Шаховской, В.Н. Бантыш-Каменский, а их единомышленник А.С. Горожанский был выслан в монастырь за участие в Казанской демонстрации³. Не пошел дальше М. Колчина и профессор М.Н. Гернет. В его многотомном обобщающем труде «История царской тюрьмы» разделы, посвященные соловецкому острогу и его узникам, написаны в значительной своей части по материалам, заимствованным у М. Колчина⁴. И только в книге Д. Венедиктова можно найти ряд новых документов, разысканных автором в фондах Ленинградского архива⁵.

По своему внешнему виду Соловецкий монастырь напоминал Шлиссельбургскую и Петропавловскую крепости. Подобно упомянутым оплотам самодержавия, он расположен на острове одноименного названия, который отделен от большой земли морским проливом. К западу ближайший материковый населенный пункт город Кемь находится от монастыря в 60 верстах. От острова до города Онеги (юго-восток) – 180 верст, до Архангельска – 300 верст.

Была и существенная разница, выгодно отличавшая в глазах властей Соловки от Шлиссельбургской и Петропавловской крепостей. Монастырь находился вдали от центра, на крайнем острове, который к тому же две трети года (с октября до конца мая) был окружен плавающими льдами и совершенно отрезан от мира.

В последние годы XVI века Соловецкий монастырь обнесли каменной стеной из необтесанных валунов. Периметр ограды 509 трехаршинных сажень (более километра), высота до 9 метров, ширина 5–6 метров. Стена пересечена восемью массивными башнями.

До самого конца XVIII века в монастыре не было специального тюремного замка. В XVI–XVIII веках местом заточения служили здесь каменные ниши, сделанные строителем кремля монахом-зодчим Трифоном по куртинам в самой городской стене и внутри башен Корожанской, Головленковой и других.

По замыслу соловецкого архитектора, каменные мешки должны были служить погребам для снарядов и пороха в военное время, но предприимчивое монастырское начальство нашло им другое применение. Погреб превратили в казематы монастырской тюрьмы.

Башенная или внутрстенная каюта – это полое пещерообразное пространство неправильной формы от 2 до 4 аршин длины, от 1,5 до 3 аршин ширины. Каменная скамейка (место для сидения и сна) – вся обстановка клетушки. В некоторых уединенных башенных казематах узник не мог лечь, вытянувшись во весь свой рост. Он вынужден был спать в полусогнутом положении. Через всю толщу стены в каморку было прорублено окошко, перегороженное тремя рамами и двумя металлическими решетками. В клетушке стоял вечный полумрак, сырость и холод.

В каменный мешок заживо замуровывали несчастных узников. Многих из них бросали в эти гробы окованными по рукам и ногам после истязаний, с вырванными языками и ноздрями, иных еще приковывали цепью к стене.

Кто попадал в каземат Соловецкого монастыря, того можно было вычеркивать из описки живых. О нем ничего не знали ни родственники, ни друзья, никто не видел его слез, не слышал его стонов, жалоб и проклятий.

Узники светских тюрем время от времени получали дарственные манифесты, сокращавшие им сроки заключения или освобождавшие их из заточения. На соловецких арестантов подобные документы не распространялись. Так было, в частности, в 1787 году. 28 июня 1787 года по случаю 25-летия дворцового переворота в пользу Екатерины царским манифестом

¹ Пругавин А. С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством М., 1905.

² Иванов А. П. Соловецкая монастырская тюрьма. Краткий историко-революционный очерк. Соловецкое общество краеведения. Материалы. Вып. 6. Соловки, 1927.

³ Журнал «Соловецкие острова», 1926, № 5-6, стр. 199.

⁴ Гернет М. Н. История царской тюрьмы. Изд. 3-е. М., т. 1, 1960, стр. 266–280; т. 2, 1961, стр. 458–467 и 485–488; т. 3, 1961, стр. 348–352.

⁵ Венедиктов Д. Палачи в рясах. Прошлое русского духовенства. Леноблиздат, 1933, стр. 113–150.

освобождались заключенные некоторых тюрем центральной России, а соловецких мучеников предлагалось оставить в монастыре «на основании прежде учиненных о содержании их предписаний». И так всякий раз. Проходили годы, десятилетия, но, кроме лица своего часового, многие узники никого не видели.

Сотни людей были замучены здесь только за то, что они имели и отстаивали свои мысли и убеждения. Большинство арестантов кончало свою жизнь в казематах монастырского острога. В советское время местные краеведы обнаружили в некоторых камерах сгнившие человеческие кости.

Нельзя назвать не только точного, но даже приближенного числа соловецких казематов. В одном архивном деле хранится документ под многообещающим заголовком «Опись находящимся в Соловецком монастыре тюрьмам». К сожалению, в ведомости названы лишь пять главнейших тюрем, но этот описок далеко не исчерпывал всех тюремных помещений «святой обители». После описания пяти тюрем следует ничего не поясняющая обобщающая фраза: «Протчие же тюрьмы под братскими кельями и в других местах, в кладовых палатках и в братских кельях имеются».¹

Кроме множества башенных и внутрстенных склепов, в монастыре, к стыду «святой обители», были еще более жуткие земляные, или, правильнее, подземные тюрьмы, воскресавшие в памяти времена средневековой инквизиции. Как и каменные ячейки в стенах и башнях кремля, их широко использовали в XVIII веке. Одна земляная тюрьма, «огромная, престрашная, вовсе глухая», как характеризует ее соловецкий архимандрит Макарий, находилась в северо-западном углу под Корожанской башней. Под выходным крыльцом Успенской церкви была Салтыкова тюрьма. Еще одна яма в земле для арестантов находилась в Головленковой башне, что у Архангельских ворот. По существу не отличались от подземелий Келарская и Преображенская тюрьмы, находившиеся первая под келарской службой, вторая под Преображенским собором.

Земляная тюрьма представляла собой вырытую в земле яму глубиной в два метра, обложенную по краям кирпичом и покрытую сверху дощатым настилом, на который насыпали землю. В крышке прорубали дыру и закрывали ее дверью, запиравшейся на замок после того, как туда опускали узника или пищу.

Потолком ямы иногда служил пол крыльца, хозяйственной или церковной постройки. В боковой двери, которую наглухо забивали, оставляли щель для подачи пищи арестанту. Дверь расшивали в тех редких случаях, когда нужно было вытащить заключенного из погреба, и вновь забивали, когда несчастного сажали туда.

Заключение в земляную тюрьму считалось самым тяжким наказанием. Трудно представить себе большее варварство, чем то, когда живого человека «навечно» опускали в вырытый в земле темный и сырой погреб, часто после экзекуции, закованного в «железа».

В земляных тюрьмах водились крысы, которые нередко нападали на незащитного арестанта. Известны случаи, когда они объедали нос и уши у колодников. Давать же несчастным что-либо для защиты строго запрещалось. Один караульщик был нещадно бит плетью за то, что нарушил это правило и выдал «вору и бунтовщику Ивашке Салтыкову» палку для обороны от крыс.

Узники земляных тюрем годами не видели солнца, не отличали дня от ночи, теряли счет суткам, неделям и годам. Только некоторых из них иногда вынимали из ямы, водили в церковь, а по окончании службы снова опускали туда.

Последний официальный правительственный указ о заключении в земляную тюрьму датирован 7 июня 1739 года. Он касался князя Дмитрия Мещерского, которого повелевалось «за некоторую его важную вину содержать в земляной тюрьме до смерти его неисходно под крепким караулом»². Однако указом от 27 апреля 1741 года Д. Мещерский был освобожден из земляной тюрьмы и определен на жительство среди соловецких монахов.

Некоторые узники томились в соловецких подземельях, трудно даже поверить... десятки

¹ ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 23, 1742, д. 54, л. 13; «Описание документов и дел, хранящихся в архиве синода за 1742 год», т. XXII, стб. 891.

² ЦГАДА, ф. 1201, оп. 5, ч. 2, 1729–1763, д. 4488, л. 3.

лет. Так, расстрига Иван Буяновский, присланный Петром I в 1722 году в земляную тюрьму «навсегда» (Петр отдавал предпочтение земляным тюрьмам перед другими местами заключения), продолжал томиться в ней в 1751 году.¹

В виде комментария здесь следует отметить, что в век «просвещенного» абсолютизма земляные тюрьмы стали таким вопиющим анахронизмом, настолько противоречили духу времени, что правительство вынуждено было специальным указом от 1742 года приказать засыпать все имевшиеся в Соловецком монастыре ямы для колодников. Указ тотчас был доведен до сведения монастырских властей. В том же году архангелогородский епископ Варсонофий, ранее несколько лет управлявший монастырем, сообщал в синод, что в Соловецком монастыре никогда не было земляных тюрем, а «первотяжкие тюрьмы» (самые строгие. – Г. Ф.) Корожанская и Головленкова, которые он именуется наземными, «каменем закладены».

Это была грубая ложь, вызвавшая возмущение даже членов синода. Последние напомнили северному владыке, что он сам прислал в 1742 году в столицу ведомость соловецких колодников, в которой перечислены узники земляных тюрем: «расстрига Иван Буяновский с 1722 года, расстрига Матвей Непеин с 1725 года, да раскольник Авраам Иванов с 1733 года в Головленковой тюрьме»². На этом основании синод делал вывод, что «в оном Соловецком монастыре земляная тюрьма есть, да не одна». Синоду было также известно, что в темной подземной Корожанской тюрьме «напрядь сего содержался монах Подвинский и прочие по важным делам ссыльные». Разоблачив лжецов, синод повторил содержание правительственного распоряжения: перевести колодников из земляных тюрем в наземные, а сами ямы засыпать.

Соловецкие монахи не выполнили и это указание. Они не хотели расставаться с подземельями. Правительство вынуждено было в 1758 году направить в Архангельск сенатского курьера Василия Степанова. Совместно с секунд-майором архангельского гарнизона Иваном Путимцевым, выделенным губернской канцелярией, он должен был осмотреть места заключения на Соловках, засыпать или запечатать земляные тюрьмы, если они окажутся, а их «жилецов», не делая свободными, переместить в каменные кельи.

Монахи, предупрежденные синодом, подготовились к приему «непрощенных гостей» и временно заделали погреба.

В апреле 1758 года ревизоры осмотрели острог Соловецкого монастыря и не нашли там земляных тюрем, о чем поставили в известность губернскую канцелярию и сенат. В благодарность за такое «открытие» местные власти выдали Степанову дополнительно 12 рублей прогонных денег.

Выводы комиссии окрылили соловецких монахов. Архимандрит Геннадий «возмущался» тем, что «злые люди» долгое время распространяли «весьма несправедливо и ложно» слухи о земляных тюрьмах на Соловках, которых «по осмотру... (торжествующе заявлял он) не обыскалось и не имеется, да и напредь сего не бывало».

Использовали выводы комиссии для реабилитации соловецких тюремщиков и клерикалы позднейших времен. В 1872 году в «Архангельских губернских ведомостях» появилась статья под заглавием «Были ли когда-нибудь в Соловецком монастыре подземные тюрьмы, или погреба для колодников»³. Автор, не пожелавший быть известным, отвечает на поставленный вопрос отрицательно. Доказательства простые: комиссия 1758 года не обнаружила таких тюрем. Следовательно, их не было. Иными словами, не пойман – не вор.

После ревизии 1758 года соловецкие инквизиторы совсем обнаглели. Как только буря поутихла и Петербург, успокоенный Степановым и Путимцевым, перестал интересоваться погребами для колодников, монахи опять распечатали их и стали помещать туда «упорствующих в своей ереси» раскольников, а позднее и революционеров. Земляные тюрьмы использовали до самого конца XVIII века, а наиболее опасных политических врагов самодержавно-крепостнического строя содержали в ямах и в первой половине XIX века.

Уже отмечалось, что Соловецкий монастырь приобрел известность как место заточения

¹ ЦГАДА, ф. 1201, оп. 2, ч. 2, 1745, д. 1066, л. 7.

² ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 23, 1742, д. 54, л. 6 об.; ЦГАДА, фонд госархива, разряд 7, оп. 1, 1758, д. 1846, л. 65 об.

³ АГВ, 1872, часть неофициальная, № 55.

и со второй половины XVI века стал государственной тюрьмой. Но до петровских времен ссылка на Соловки носила эпизодический характер и практиковалась редко, хотя право заточать в монастырь имели тогда, кроме царя, патриарх, митрополиты, архиереи.

Положение резко изменилось в XVIII веке, когда стали ссылать на Соловки людей партиями сначала по распоряжению канцелярии тайных розыскных дел, которая карала (особенно в период бироновщины) всех «произносителей важных и непристойных слов», а позднее – по резолюциям синода. Ссылка в Соловецкий монастырь становится обычным явлением. В XVIII веке в земляных тюрьмах и казематах монастыря перебивало более половины общего числа соловецких узников. Не приходится удивляться тому, что от этого времени осталось много «ссылного материала».

Порядок ссылки был такой: из канцелярии тайных розыскных дел или из синода направляли архангельскому губернатору и соловецкому настоятелю «с братией» указ об отправке в монастырь такого-то (имярек) человека. Содержание преступления арестанта указы XVIII века, как правило, не раскрывали, а ограничивались общими выражениями: «за великоважную вину, о которой явно по делу», «за злодейственные поступки», «за происшедшее от него тягчайшее богохулением согрешение, о чем явно по делу», «за непристойные его монашескому чину непорядочные поступки и сказывания за собою слова и дела ложно», «за предерзостные вины и в нераскаянии состоящего», «за буйство», «за явное его с женским полом грехопадение», «за раскол» и так далее.

Зато все указы подробно излагали правила содержания арестантов: одних предписывалось сажать в земляную тюрьму, других содержать в казематах «под крепким караулом до смерти», скованными в ручные и ножные кандалы или без них, привязанными цепью к стене или без привязи, третьих использовать «вечно в тягчайших трудах», четвертых поместить «в среде братии» (то есть сослать под надзор монахов). В некоторых грамотах указывались тюрьмы: так раскольника Авраама Иванова направляли «в вечное содержание в Головленкову тюрьму», а расстригу Варлаама Овсянникова – в Корожанскую.

Закованных в кандалы арестантов под конвоем доставляли в Архангельск (реже прямо на остров). В дороге и на привалах караул должен был действовать согласно путевой инструкции, которую выдавала канцелярия тайных розыскных дел. Инструкция представляла собой большой документ, включавший до дюжины параграфов. В качестве примера приведем выдержки из инструкции капралу Михаилу Власову, сопровождавшему вместе с солдатами от Петербурга до Соловков закованного в ручные и ложные кандалы раскольника Ивана Яковлева: «По приеме тебе из тайной конторы помянутого колодника и указа за печатью в пакете, не заезжая никуда и не объявляя о нем, ехать прямо настоящим трактом до объявленного монастыря со всяким возможным поспешанием и по приезде в оный монастырь означенный указ подать и оногo колодника объявить того монастыря архимандриту Геннадию в самой скорости и в приеме его требовать расписки и по взятии той расписки ехать тебе обратно в Санкт-Петербург и по приезде оную расписку объявить в тайной конторе.

Будучи в пути содержать тебе оногo колодника под наикрепчайшим и весьма осторожным караулом и посторонних до разговоров и ни для чего к нему не допускать и видеться ему ни с кем, також и писем никаких ни к кому писать [не давать]; бумаги, и чернил, и пера и прочего, чем можно написать... ему не давать, и об нем никому ни под каким видом не сказывать, чего ради дабы о нем никто не мог звать. На ночлегах становиться тебе с тем колодником на таких дворах, на которых бы никакого другого постоя и жительствующих того дому не было. Пищу ж и питье оному колоднику покупать и ему давать сперва отведывая тебе самому и смотреть над ним накрепко, чтоб он каким случаем в пути и на ночлегах утечки [не учинил], тако ж над собой и над тобой с солдатами какова повреждения не учинил и для того ножа и прочего, чем можно себя умертвить, отнюдь бы при нем не было. А ежели, паче чаяния, оный колодник, будучи в дороге, станет произносить каковыя не пристойные слова, тогда класть ему в рот кляп, который вынимать только тогда, когда пища давана быть имеет, а о том его непристойном произношении содержать секретно и записывать тебе самому и по приезде оную записку объявить в тайной конторе».¹

¹ ЦГАДА, ф. 1201, оп. 5, ч. 1, 1753, д. 2868, л. 3–3 об.

Если колодника доставляли не на Соловки, а в Архангельск, местный губернатор должен был принять на себя хлопоты, связанные с пересылкой арестанта на острова. В этом случае архимандрит обязан был по прибытии узника немедленно уведомить синод и отправителя о приеме нового ссыльного.

В монастыре колодников охраняли солдаты, находившиеся после конфискации соловецкой вотчины на иждивении государства. Военное начальство дало такое указание командиру соловецкого отряда: «Строже охранять ссыльных, а при необходимости силой усмирять их потому, что архимандриту делать это неудобно и неприлично». Генерал-губернатор Т. Тутолмин лично распорядился учредить в монастыре в дополнение к четырем имевшимся караулам главный караул при Святых воротах. Не полагаясь на указания военных властей, архимандрит снабжал охранников своими строжайшими инструкциями.

Все эти меры предосторожности оказались излишними. При существующем монастырском режиме никакого организованного выступления обреченных на верную и мучительную смерть арестантов не было на Соловках, да и быть не могло.

По прибытии в монастырь арестанта обыскивали, отнимали у него деньги, вещи и принимали имущество на хранение. Деньги выдавались заключенному казначеем под расписку по мере надобности в них, а вещи – в тех редких случаях, когда колодника освобождали из заточения или переводили в другую тюрьму. «Новичку» давали одежду с указанием срока носки, посуду, простейшие постельные принадлежности, отправляли в каземат и велели страже «содержать по указу без всякого упущения». К поступившему арестанту прикрепляли монаха для увещевания.

Пищей заключенных не баловали: кормили «хлебом слезным» да водой. Некоторым выдавали, кроме воды и хлеба, щи и квас, оговаривая при этом: «а рыбы не давать никогда». Только со второй половины XVIII века заключенным стали назначать продовольственный паек «против одного монаха», то есть инокескую норму. Об этом мы узнаем из Правительственных грамот, в которых всегда упоминалось, как довольствоваться ссыльного. Монашеский оклад во второй половине XVIII века составлял 9 рублей в год. За выдачу арестантам питания и одежды правительство рассчитывалось с монастырем.

Колодников использовали в тяжелых монастырских трудах. Арестанты пекли хлеб, рубили дрова, возили воду, убирали нечистоты. Осенью и зимой, когда остров был отрезан от внешнего мира, в монастыре не было посторонних людей, и возможность побега ссыльного исключалась; «рядовым», не секретным, арестантам жилось свободнее. Днем они выходили из своих келий, встречались друг с другом, делились мнениями и переживаниями, хотя официально всякие взаимопосещения и разговоры были строго запрещены. На ночь колодников разводили по местам и запирали.

В период навигации и наплыва паломников строгости усиливались. Из каморок колодников не выпускали. Начальство опасалось, что ссыльный может затеряться в толпе и при помощи какого-нибудь сердобольного богомольца «утечку учинит».

Кстати, о побегах. Кажется, не было такого места заключения, откуда не сумел бы бежать русский человек. Соловецкий остров, несмотря на все его отрицательные природные особенности, не составлял в этом отношении исключения, только почти все побеги заканчивались печально для беглецов. Дальше острова сумели уйти немногие счастливицы. Достичь твердой земли удалось единицам. Заключенных, которых ловили после неудачного побега, перемещали в более надежные казематы, усиливали охрану и снижали им суточную норму хлеба, чтобы не сушили сухарей для очередного «сбегу».

Кроме обычных арестантов, в монастырской тюрьме содержались «особо опасные преступники» из числа секретных, которых привозили в монастырь без указания не только вины, но даже имени и фамилии. Безымянные арестанты имели клички или номера и содержались в имевшихся уединенных местах или в специально оборудованных для них казематах.

Важные секретные арестанты, присланные с предписанием, «чтобы ни они кого, ни их кто видеть не могли», получали на руки кормовые деньги, и караульные солдаты покупали им съестные припасы. Отдельных анонимных колодников охраняли специально присланные для этой цели команды. Из камер их никогда не выпускали. Кельи особо опасных секретных

преступников не только запирали на замок, но еще запечатывали снаружи специальными печатями. Назначенный для охраны арестантов офицер был снабжен такой инструкцией: «Когда он, колодник, посажен будет в тюрьму, тогда к нему приставить караул, и всегда бы с ружьями было по два человека на часах: один от гвардии, а другой из гарнизонных. Двери б были за замком и за твоей печатью, а у тюрьмы окошко было б малое, где пищу подавать; да и самому тебе в тюрьму к нему не ходить, нежели других кого допускать, и его, колодника, в церковь не допускать. А когда он, колодник, заболает и будет весьма близок к смерти, то по исповеди приобщить его св. тайн в тюрьме, где он содержится, и для того двери отпереть и распечатать, а по причащении оные двери запереть тебе своею печатью и приказать хранить накрепко...».¹

Как правило, ссылали в Соловецкий монастырь людей бессрочно. Грамоты XVIII века пестрят выражениями: «послать до кончины живота его никуда неисходно», «навечно», «впредь до исправления». Этим объясняется продолжительность пребывания узников в остроге Соловецкого монастыря. Многие маялись в казематах по 15–25–40 лет и больше. Матрос Никифор Куницын находился в монастыре 22 года, Петр Кальнишевский просидел в одиночной камере 25 лет, Михаил Ратицов – 30 лет, слепой крестьянин Василий Думнов – свыше 30 лет.

Кроме лиц, направляемых в монастырь под караул, то есть в тюрьму, на остров присылали людей под начало «для строгого смирения». Эта форма ссылки была более мягкой. Подначальные жили вместе с монастырским населением и обязаны были работать на «святую обитель». К каждому подначальному приставляли инока. Он «исправлял пороки» подопечного и следил, чтобы тот не ушел из монастыря.

Обычно под начало, как и под караул, присылали пожизненно. В указах XVIII века встречаются выражения: «быть ему в вечных трудах до смерти его неисходно», «вечно быть ему в тягчайших трудах», «навсегда в тягчайшие труды скованным». Иногда в самом определении указывали, на какую работу направить провинившегося. Серапиона Магницкого, например, за его «беспокойный нрав» предлагалось содержать «в поваренных и хлебопекарных трудах неисходно». Архимандрит, бесконтрольно командовавший ссыльными, сам назначал вид работы в том случае, когда в грамотах не было на этот счет указаний.

В редких случаях срок ссылки «в черные труды» оговаривался определенно. В 1730 году «за произношение непристойных и дерзостных слов в Тамбове на торгу» в Соловки доставили попа Венедикта с повелением держать его «в тягчайших монастырских трудах скованным три года под крепким присмотром». В 1757 году «за дерзостные вины» прибыл в монастырь в труды на пять лет сержант Московского полка Алексей Советов. Можно привести еще несколько подобных фактов. На определенный срок или с пометкой «впредь до исправления» присылались на Соловки по просьбе родителей их непутевые сыновья, нарушавшие нравственность, предававшиеся пьянству, блуду. Так, например, в 1762 году, по просьбе отца, в монастырь поступил в труды до исправления купеческий сынок Петр Опащиков «за непотребные и противомерзкие его поступки». Для подобных Опащикову папенькиных и маменькиных сынков Соловецкий монастырь был исправительным домом и своеобразной лечебницей. После истечения положенного срока или исправления присланные на время в труды получали свободу и могли покинуть остров.

Если бы присланные «в чернорабочие монастырские труды» стали чинить непослушание и своеволие, то рекомендовалось смирять их «**по монастырскому обыкновению нещадно**»² (подчеркнуто нами. – Г. Ф.). В монастыре смирляли только **нешадно**: за малейшее неповиновение пороли плетью, сажали на цепь, заковывали в кандалы, бросали в погреб. Так, против имени упоминавшегося ранее Серапиона Магницкого в полугодовой ведомости на поле справа рукою монаха сделана пометка: «За происходящие от него беспокойства временно содержится в тюрьме, а иногда в монастырских трудах»³. Многие подначальные, подобно Магницкому, по воле архимандрита познакомились с крепостными казематами.

¹ Пругавин А. С. Указ, соч., стр. 32–33.

² ЦГАДА, ф. 1201, оп. 2, ч. 1, 1759, д. 145, л. 10.

³ ЦГАДА, ф. 1201, оп. 2, ч. 1, 1769, д. 189, л. 3 об.

Условия содержания присланных в монастырь под караул (кроме особо секретных) и под присмотр в значительной степени определялись двумя обстоятельствами. Во-первых, классовой принадлежностью ссыльного. Богатые и знатные люди могли откупаться от работ, привозили с собою перины, подушки и могли пользоваться ими, имели в услужении крепостных (В. Долгорукий, А. Жуков, П. Салтыков). Во-вторых, строгость режима зависела от настоятеля монастыря, который был «первейшей властью» на острове, полным и неограниченным хозяином с комендантскими правами. Синод предписывал архимандриту поступать с арестантами «по точной силе тех указов», по которым они присланы, но грамоты применять по своему разумению, исходя из конкретной обстановки.

Некоторые авторы утверждают, что ссыльным жилось лучше при гуманных настоятелях. Но беда вся в том, что «добрых» тюремщиков как раз не было. Жестокостью по отношению к ссыльным отличались все соловецкие игумены. Они добровольно и ревностно исполняли обязанности жандармов. По распоряжению архимандритов, за незначительное нарушение тюремных порядков ссыльных «морили голодом», перемещали из казематов в погреба, избивали и калечили. Замеченных в послаблении арестантам и в нарушении инструкций о их содержании также строго наказывали. Известен случай, когда городничий монах (важное лицо в иерархической лестнице соловецкой братии) Сосипатр Круглый был в смиреннии на цепи двое суток за то, что по своей инициативе увеличил окно в тюрьме одного заключенного путем «отнятия доски».

В монастыре было свое «лобное место», на котором палач в монашеской рясе истязал арестантов, подначальных, работных людей и даже провинившихся иноков. «Обитель мира, любви и прощения» часто оглашалась стонами и воплями наказуемых. На площади, где истязали людей, много было «истрепано плетей, изломано батогов и березовых прутьев; много изуродовано человеческих спин, изорвано у несчастных жертв кожи и мяса! А сколько пролито слез и крови!»¹.

Остается сожалеть, что никто из ссыльных XVIII века не оставил нам подробного описания своих страданий. Причина этого понятна. Если арестант был грамотный, то инструкция всегда и неизменно требовала изъять у него «перо, чернила, бумагу, карандаш, бересту, камень красный и прочее, к письму способное». Караульные обязаны были следить, чтобы никто из посторонних не поднес арестанту письменные принадлежности и чтобы ссыльный «никаких писем ни к кому не писал».

Из нескольких сотен просмотренных нами в архивах арестантских дел переписка обнаружена в XVIII веке только в двух: в деле Гавриила Спичинского и Матвея Непеина. В последнем есть подлинник письма сына арестанта Родиона на Соловки, явившегося ответом на письмо отца. Об этом можно судить по такой фразе: «Благодарствуем, милостивый государь мой батюшка, за твое родительское к нам чрез письменное известие благословение...»². Как выяснилось на допросах, колодник М. Непеин вел переписку с семьей при посредстве одного соловьянина, часто съезжавшего на берег. Но это – исключительный случай.

При обнаружении у кого-нибудь из ссыльных «зловредных тетрадишек» или писем виновного наказывали, а записки уничтожали. Неугомонные люди, которые «болтали лишнее» и устно жаловались на свою судьбу, получали в рот кляп.

И все же от XVIII века до нас дошло несколько лаконичных письменных свидетельств тяжести монастырской каторги. Приведем их в хронологической последовательности.

Первое по времени описание ужасов монастырской неволи принадлежит секретарю Белгородской провинции Максиму Пархомову. Сосланный при Елизавете в монастырь под начало, а не под караул, Пархомов писал, что он с великой радостью готов пойти на каторгу в Петербург, чем быть «в сем крайсветном, заморском, темном и студенном, прегорьком и прескорбном месте».

Высланный на поселение среди братии разжалованный архимандрит одного из монастырей Г. Спичинский через год после прибытия на остров писал архангельскому епископу, что он измучен «здешним по несродству зловредным воздухом, перемят разными здешними ж

¹ Колчин М. А. Указ, соч., стр. 17.

² ЦГАДА, ф. 1201, оп. 2, ч. 2, 1739, д. 1829, л. 2.

ознобами во всех костях, через которые повреждения не только в тяжелой работе быть, но и легкого послушания нести не могу; равномерно и в церкви долговременного стояния чрез неукротимую в ногах ломь терпеть силы не имею»¹.

Можно представить себе положение заживо погребенных в казематах арестантов, если такова судьба подначальных – Пархомов просил, как милостыни, каторги, а Спичинский за год потерял силы и здоровье.

В первые годы XIX века ужасы одиночного заключения в соловецких казематах довелось испытать известному в XVIII веке составителю пророческих книг монаху Авелю. В своей автобиографии прорицатель сообщал, что за одиннадцать лет (без двух месяцев) тюремной жизни он «десять раз был под смертью, сто раз приходил в отчаяние, тысячу раз находился в непрестанных подвигах, а прочих искусов было отцу Авелю число многочисленное и число бесчисленное»². Из этого же источника мы узнаем, что архимандрит Иларион хотел вовсе «сжить со света» Авеля, но если этого не удалось сделать с пророком, то на других узниках «эксперимент» удался. Архимандрит-убийца «уморил невинно двух колодников, посадил их и запер в смертельную тюрьму, в которой не только человеку жить нельзя, но и всякому животному невмесно: первое – в той тюрьме темнота и теснота паче меры, второе – голод и холод... стужа выше естества; третье – дым и угар и сим подобное... и от солдат истязание и ругание...» Так в «душегубках» средневековой соловецкой тюрьмы истребляли всех тех, кто по номенклатуре XVIII века считался «вором» или «еретиком».

Во второй главе рассказывается о судьбе пяти самых известных соловецких колодников XVIII века. Большинство из них были секретными узниками. «Арестантские биографии» составлены на основании документальных данных столичных и областного Архангельского архивов.

Глава вторая **ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЗНИКИ XVIII ВЕКА**

Петр Андреевич Толстой

В ряду некогда великих и сильных мира сего, страдальчески закончивших свою жизнь в тюремных казематах Соловков, далеко не последнее место занимает Петр Андреевич Толстой.

Любимец и наперсник Петра Великого, его ближайший и деятельный сотрудник, первый постоянный русский резидент в Турции, сенатор с чином тайного советника, лейб-гвардии капитан, с 1717 года президент коммерц-коллегии, а с момента образования Тайной канцелярии ее бессменный управляющий, тот самый Толстой, который оказал Петру важную услугу – вывез из Неаполя царевича Алексея, вел следствие по его делу и вместе с другими сановниками империи подписал наследнику смертный приговор, за что был осыпан милостями, получил редкий тогда орден Андрея Первозванного, а позднее и графский титул, – этот государственный чиновник высшего ранга на склоне лет был лишен власти, славы, богатства, отвергнут обществом и отправлен в рубище арестанта в край, куда ворон костей не заносил.

До своего внезапного и глубокого падения П. Толстой как начальник карательного органа крепостнического государства сам визировал бумаги, по которым людей калечили, ссылали в Соловки и в другие отдаленные места. Нам известно, что в декабре 1722 года по указу царя из Тайной канцелярии за подписью П. Толстого был направлен в Соловецкий монастырь князь Ефим Мещерский «за показанные от него противности благочестию»³. Характер «противных благочестию» дел, совершенных Мещерским, состоял в том, что он созывал к себе в дом народ и устраивал богомолье не по установленным церковным канонам: начинал службу ударом в стеклянный колокол, который висел у него в горнице, затем кропил водою приходящих, раздавал им хлеб. За эти вольности и новаторство в вопросах веры велено было

¹ ЦГАДА, ф. 1201, оп. 2, ч. 1, 1773, д. 315, л. 20 об.

² «Русская старина», 1875, кн. 12 (январь – апрель), стр. 422.

³ АЛОИИ, ф. 10, оп. 1, 1722, д. 46, л. 3.

Е. Мещерского содержать до кончины жизни его «в крепкой тюрьме» и под караулом, чтоб он ни с кем о вере никогда никаких разговоров не имел, лишен был возможности размножить «вымышленную свою прелесть» и совершать «противные благочестию дерзости», но «пробывал бы в покаянии и питаем бы был хлебом слезным...»

Не прошло после этого полных пяти лет, как фортуна изменила Толстому, и вчерашний царедворец вместе с сыном Иваном разделил судьбу Мещерского, превратился в беспомощного и жалкого, убитого горем узника.

6 мая 1727 года архангельскому губернатору Измайлову был направлен «высочайший указ» такого содержания: «Велено Петра Толстого за многие его вины, лиша всех чинов и чести, послать в ссылку в Соловецкий монастырь, и с ним сына его Ивана. И вам, генерал-майору и губернатору, оного Толстого и сына его у посланного гвардии капитан-лейтенанта Лаврова, приняв, послать на судах в Соловецкий монастырь и для караула отправить тамошнего гарнизона обер-офицера, придав ему одного капрала и рядовых двенадцать человек, и велеть им в том монастыре отвести келью, и содержать его, Толстого, с сыном под крепким караулом, писем писать не давать и никого к ним не допускать, и тайно говорить не велеть, токмо до церкви пускать за караулом же, и довольствоваться братскою пищею, и тем посланным за ними офицеру, капралу и рядовым быть бессменно»¹.

12 июня 1727 года Толстых доставили в Архангельск. На следующий день графов отправили на острова, а 18 июня водворили в келью «в добром состоянии».

Причина ссылки П. Толстого и последующего бесцеремонного с ним обращения довольно прозрачно пояснена в манифесте Петра II от 27 мая 1727 года. Манифест оповещал россиян, что в стране «открылись такие мятежники», которые, несмотря на закон Петра I о престолонаследии и духовное завещание Екатерины I, в последние дни жизни императрицы-вдовы, предчувствуя ее близкую кончину, стали вымышлять «злые способы», как бы лишить престола Петра II и выбрать императора «по своей воле». Кучка «изменников и клятвопреступников», оказывается, настойчиво отклоняла сватовство наследника на принцессе Меньшиковой и хотела отправить внука-преобразователя «в чужие края».

Екатерина I воспротивилась этим планам, создала особый «учрежденный суд», которому поручила следствие над «злоумышленниками». Один из организаторов заговора против Петра II П. А. Толстой был приговорен судом к смертной казни. Екатерина I смягчила наказание, заменив смертную казнь ссылкой в Соловецкий монастырь с лишением чинов и богатств².

Таким образом, из манифеста можно понять, что в конце царствования Екатерины I с новой силой разгорелась борьба придворных группировок за власть. Меньшиков домогался возведения на престол опекаемого им Петра II. Он собирался женить будущего императора на своей дочери и родственными узами с царствующим домом еще сильнее укрепить свое положение. Меньшиковское нахальство встретило отпор со стороны его вчерашних единомышленников. В частности, П. Толстой воспротивился браку Петра II на дочери главаря «новой» петровской знати. У него был свой кандидат на престол – одна из дочерей Петра I: Анна или Елизавета.

«Полудержавный властелин» пересилил П. Толстого. 82-летний граф был принесен в жертву властолюбия Меньшикова. А последствия победы «светлейшего» уже известны.

В Соловецком монастыре отец и сын Толстые были посажены в тесную, грязную и темную наземную кутузку. Каземат был до того неудобным и сырым, что за полтора года в нем сгнила одежда, которой пользовался П. Толстой. Находилась эта келья на правой, или южной, стороне «святых ворот» в углу и называлась Антоновской тюрьмой.

Общение заключенных с внешним миром строго воспрещалось. К узникам никто, кроме караульного офицера, не мог и не должен был входить. Пища была грубой и несытной.

Учрежденный суд и после ссылки Толстого и его сообщников продолжал существовать. Вся переписка о Толстых шла сюда, минуя другие канцелярии.

Совсем не случайно учрежденный суд заменил местный караул, возглавляемый поручиком Архангельского гарнизонного полка Никитой Кузьминым, и указом от 30 июня 1727 го-

¹ ГААО, ф. 1, оп. 1, т. 1, 1727–1729, д. 74, л. 1 об. Указ опубликован в АГВ, 1875, часть неофициальная, № 22.

² ПСЗ, т. VII, 1723–1727, № 5084, стр. 798–800.

да направил на Соловки лейб-гвардии Семеновского полка лейтенанта Луку Перфильева с двенадцатью солдатами Преображенского и Семеновского полков для принятия Толстых под свою стражу.

Надо полагать, учрежденному суду стало известно, что Соловецкий архимандрит Варсонофий и архангельский губернатор Измайлов из-за преклонения перед высоким саном, облекавшим Толстого в былые времена, мирволили разжалованному и униженному временщику, пытались смягчить тяжесть лишений арестанта, нарушая тем самым правительственный указ. Об этом следовали один за другим два доноса. Инок Гордиян извещал губернскую канцелярию о том, что архимандрит посылал Толстым в каземат напитки в серебряных кубках и даже сам через тайный ход навестил узников.

Второй донос поступил на самого начальника губернии. Подполковник Хрипунов сообщил в столицу, что к нему на квартиру в Архангельск приходили солдаты Михайло Лямов и Григорий Кнышев. Они рассказали, что через караульного офицера Измайлов присылал в келью Толстого «служительницу свою и с нею письмо и гостинцы»¹.

Солдат-доносителей, как водится, под караулом отправили в Москву. В конторе военной коллегии Кнышева и Лямова допрашивали. На вопрос «какие гостинцы Измайлов присылал Толстому и с кем?» солдаты отвечали: «Присланы служительницею, которая в том монастыре была для моления, на двух блюдах под салфетками – на одном хлеб, на другом – лимоны, и те блюда принял у ней поручик и отдал Толстому и при том говорил, что пишет к нему Измайлов, чтоб ему, Толстому, поклониться, и Толстой за те слова и за гостинцы благодарил».

Хотя некоторые детали доноса не подтвердились, игумен и губернатор имели неприятности, а Толстым их покровители оказали в конечном итоге медвежью услугу: строгости усилились.

Учрежденный суд дал лейтенанту Перфильеву инструкцию относительно содержания Толстых. Лейтенант должен был просматривать все письма, приходящие на имя узников, и, не передавая корреспонденцию графам, отправлять ее в Архангельск. Губернская канцелярия являлась транзитным пунктом. Она не имела права вскрывать полученные от караульного офицера пакеты, а обязана была немедленно с нарочным курьером пересылать их в учрежденный суд. Всех подозрительных людей, прибывающих на остров, лейтенант должен был сажать под арест.

24 августа 1727 года Л. Перфильев сменил Н. Кузьмина.

Но оказался ненадежным и столичный караул. Не прошло и года, как он был отстранен. В конце июля 1728 года в монастырь явилась команда из Архангелогородского гарнизона (двенадцать солдат, один унтер-офицер) под начальством капитана Григория Воробьева, которому было приказано принять от Перфильева арестантов и инструкцию, а гвардейцев отправить на берег.

Кроме того, Воробьев должен был арестовать «к следствию некоторого дела» четырех человек: головщика Германа Гостинщика, свиточного бучея Петра Панфилова, отставного Выборгского полка солдата Ивана Герасимова и Емельяна Любимова. Всех их надлежало доставить в губернскую канцелярию, причем Германа Гостинщика приказывалось везти скованным под особым присмотром. С этой целью вместе с Воробьевым прибыла в монастырь специальная команда из шести солдат и одного унтер-офицера. Провести «операцию» Воробьев должен был тайно от Перфильева, не ранее, как через два дня после отъезда лейтенанта с командой. Капитан выполнил возложенное на него поручение. Жаль, что материалы не раскрывают конкретной вины арестованных монастырских людей. Неизвестно также, чем закончилась вся эта история.

В одном из документов соловецкого архива, сочиненном келарем монастыря спустя два года после описанного происшествия, резко осуждается поведение лейтенанта Перфильева, который явился на остров караулить Толстых с изрядным запасом «пиянственного питья», отчего обители «учинялась немалая трата». Дело здесь, конечно, не только в материальном ущербе и даже не столько в нем. Можно предполагать, что нарушения воинской дисциплины

¹ ЦГАДА, фонд госархива, разряд 7, оп. 1, 1728, д. 241, л. 3–3 об.

неизбежно привели к нарушению правил содержания Толстых, чем пользовались сочувствующие графам монастырские служители. Начальству стало ясно, что Перфильеву и его собутыльникам нельзя доверять такое ответственное дело, как несение караула у каземата «опасного государственного преступника».

Толстые просидели в монастырской тюрьме недолго. Иван умер летом 1728 года, а Петр Толстой – 30 января 1729 года.

Через несколько дней после кончины Толстого-старшего, 2 февраля 1729 года, капитан Воробьев доносил в губернскую канцелярию, что перед смертью Толстой велел отдать «пожитки свои» в казну Зосимы и Савватия для поминовения его. Поскольку в инструкции ничего не говорилось о погребении Толстого, о вещах его и о снятии караула, Воробьев распорядился гроб с телом покойного поставить в холодной комнате под стражей до получения указаний. 5 марта 1729 года губернская канцелярия заслушала доклад Воробьева и решила войти с представлением в Петербург, так как «без повелительного от учрежденного суда указа» она не решалась ответить на запрос караульного офицера.

22 марта 1729 года последовал указ из учрежденного суда: с пожитками Толстого поступить согласно воле умершего, а тело его похоронить в Соловецком монастыре.

Завещанное графом имущество, в числе которого оказалось 16 золотых червонцев, серебряная, медная и оловянная посуда, часы, табакерки, запонки, ветхие шубы лисьи, камзолы, сюртуки, галстуки и другие остатки былой роскоши, было оприходовано по реестру монастырской казны.

Последний казус произошел с похоронами П. Толстого. Получив разрешение, монахи погребли П. Толстого внутри монастырской ограды, на западной стороне Преображенского собора. Это было самое почетное место захоронения в монастыре. Через некоторое время старцы усомнились в правильности своего поступка.

9 мая 1729 года монастырские власти запросили губернскую канцелярию, оставлять ли Петра Толстого в той могиле, в которую он положен, или перенести за ограду на общее монастырское кладбище, где была могила Ивана Толстого. 22 мая 1729 года последовал ответ: «оному телу быть в том месте, где погребено, а за монастырь тела не вывозить»¹.

Могила Петра Толстого находится и поныне на главном дворе кремля у стены Преображенского собора.

Василий Лукич Долгорукий

Вторым видным сподвижником Петра, испытавшим на себе превратности судьбы и познавшим арестантское житье на Солонках, был сенатор князь Василий Лукич Долгорукий.

Долгорукого свергли с высоты славы и величия не сразу после смерти преобразователя. Он находился в фаворе при ближайших преемниках Петра. Как член Верховного тайного совета, воспитатель и наставник Петра II Долгорукий играл одну из первых ролей в калейдоскопе частых и эфемерных придворных перемен второй четверти XVIII века. Он был душой всех олигархических и тщеславных замыслов рода Долгоруких.

«Жестокое государственное преступление» могущественного сановника империи, за которое он поплатился заточением в соловецкую тюрьму, состояло в том, что Долгорукий от имени кучки родовитой аристократии заставил злую и малообразованную Анну Ивановну подписать кондиции, ограничивающие власть императрицы Верховным тайным советом. Когда через месяц после этого, 25 февраля 1730 года, планы «осьмиричных затейщиков» провалились и силой дворянства было восстановлено неограниченное единодержавие, царица и ее немецкое окружение стали изводить крепостями и казнями русских вельмож, блиставших до этого при дворе, В угоду Бирону истребили целое гнездо князей Долгоруких.

14 апреля 1730 года был обнародован царский манифест, извещавший о преступлениях Долгоруких. Они обвинялись в том, что якобы присвоили себе часть царского скарба, не хранили «дражайшего здоровья» Петра II и совершили много иных антигосударственных поступков. В. Л. Долгорукий оказался виновным, кроме всего прочего, в личном оскорблении

¹ ГААО, ф. 1, оп. 1, т. 1, 1727–1729, д. 74, л. 177.

императрицы, которую будто бы дерзнул «безбожно оболгать» в разных вымышленных им делах и через это вселил в умы и сердца многих подданных подозрение и недоверие к ней. За все это В. Л. Долгорукий был лишен чинов и кавалерии и сослан в свою дальнюю деревню под крепкий караул¹.

Неизвестно, сколько времени содержался под арестом в своем отдаленном селе В. Л. Долгорукий и был ли он там вообще. Похоже на то, что не был.

Манифест 14 апреля означал лишь начало расправы с В.Л. Долгоруким. Ровно через три месяца, 14 июля 1730 года, без всенародного оповещения, по канцелярским каналам, пошел в Архангельск указ царицы из сената на имя здешнего губернатора генерал-лейтенанта Мещерского о ссылке В.Л. Долгорукого в Соловецкий монастырь и инструкция, по которой следовало содержать нового колодника.

Губернатора уведомляли, что из Петербурга Долгорукий отправлен на север под охраной двенадцати солдат, капрала, сержанта и поручика. По прибытии арестанта в Архангельск Мещерский должен был немедленно отправить его в Соловки, выделив для этой цели из местного гарнизона «доброе капитана», двух унтер-офицеров и двенадцать рядовых. На острове Долгорукого повелевалось содержать «в келье под крепким караулом, из которой, кроме церкви, за монастырь никуда не выпускать и к нему никого не допускать».

Заключенному разрешалось писать домой «о присылке к себе для пропитания запасов и о прочих домашних нуждах, а не о посторонних делах». В этом случае можно было давать ему бумагу и чернила, но только сочинять письма он должен был при капитане.

Письма, прошедшие предварительную цензуру, следовало вручать в раскрытом виде начальнику караула, который обязан был повторно внимательно изучать их содержание, после чего можно было запечатывать их и отправлять по почте Мещерскому. Тот, в свою очередь, должен был вскрывать письма, прочитывать и, «буде писано только о тех домашних нуждах, а противного ничего не явится», отправлять по назначению. Письма Долгорукому из дома обязан был распечатывать и первым читать капитан и, если в них были только хозяйственные вопросы, мог передавать арестанту.

От начальника караула инструкция требовала, чтобы он с писем Долгорукому от посторонних лиц, даже самых безобидных, а также с самых невинных ответов узника своим корреспондентам снимал копии и направлял Мещерскому, а губернатор должен был пересылать их в сенат «повсямесяцы». Если же, паче чаяния, в письмах Долгорукого к знакомым обнаружатся места, в которых будет «сумнение какое или противность», капитан обязан был незамедлительно присылать подлинники в сенат, оставляя у себя копии. Появившихся на острове авторов подозрительных писем или почтальонов следовало брать под арест и держать взаперти до получения указа из столицы.

Несмотря на всю жестокость указа 14 июля 1730 года, он создавал все же Долгорукому условия, которых не имели другие соловецкие арестанты, в том числе равные в прошлом князю по положению. В.Л. Долгорукий был единственным известным нам в XVIII веке арестантом, высланным в Соловецкий монастырь с правом переписки. Ему оставили титул и собственность – недвижимую и «крещеную». Находясь в каземате, он мог по своему усмотрению распоряжаться своим имуществом. У всех других ссыльных, поступавших по распоряжению разных ведомств и лиц в арестантское отделение монастыря, отнимали буквально все. Наконец Долгорукому, как впрочем и другим представителям господствующего класса, присланным в монастырь под караул, дозволялось взять с собой прислугу². Крепостные лю-

¹ ПСЗ, т. VIII, 1728-1732, № 5532, стр. 264–266.

² По указу велено было дать В. Л. Долгорукому для услуг пять человек «мужеска полу», но на острове при князе было трое: Леонтий Забудаев, Яков Демидов и повар Евдоким Букштынов. Двое последних причиняли начальству много беспокойства. Е. Букштынов пьянствовал, ложно сказал за собой слово и дело, за что в 1736 году был бит кнутом (см: ГААО, ф. 1, оп. 1, т. 2, 1735–1736, д. 1920, л. 5, 8 и др.; ГААО, ф. 1, оп. 1, т. 2, 1736, д. 1954, л. 1, об. 41 и др.) В июне 1738 года ложно сказал за собой слово и дело Яков Демидов. На следствии в губернской канцелярии, куда доставили слугу князя заклепанным в железа, выяснилось, что таким путем крепостной хотел избавиться от ссылки и попасть в солдаты. Я. Демидова нещадно выпороли кнутом и отослали в монастырь к Долгорукому, приказав ему по-прежнему быть в ссылке при своем господине (см.: ГААО, ф. 1, оп. 1, т. 2, д. 2299, л. 1, 3, 15, 22, 25 и др.).

ди должны были страдать вместе со своим барином за его действительные или мнимые преступления.

4 августа 1730 года В.Л. Долгорукого привезли в Соловецкий монастырь и посадили в ту самую тюрьму, в которой до этого сидели графы Толстые.

Доставившая Долгорукого в монастырь команда в составе четырнадцати нижних чинов и одного офицера (капитан Михаил Салтыков) оставалась на острове для несения караула при князе.

Неизвестно, как вел себя бывший вельможа в новой обстановке, но капитан Салтыков вскоре после прибытия на остров нарушил правила монастырского общежития. 8 августа к нему явилась жена с прислугой женского пола и обосновалась на длительное пребывание. Это вызвало протесты архимандрита, но офицер не обращал на них внимания. Тогда келарь монастыря 17 сентября 1730 года направил жалобу самой царице и просил ее повелеть капитану удалить женщин с острова, так как они своим присутствием чинят монастырю «немалое зазрение», а монахам и трудникам от них «всегдашний соблазн».

«Женским вопросом» занялся сенат. 5 октября 1730 года последовал указ высшего правительствующего учреждения, обязывающий капитана Салтыкова не держать в монастыре жену и горничную, а «выслать их вон... понеже во оном монастыре от начала женскому полу жительства не было».

В архиве Соловецкого монастыря и в делах Архангелогородской губернской канцелярии не сохранилось переписки Долгорукого с родными и знакомыми. Думается, что ее и не было. Узник не воспользовался предоставленным ему правом переписки. Все родственники Долгорукого были репрессированы, разбросаны по разным углам огромного государства, и князь по причинам, от него не зависящим, не мог установить с ними письменных связей. Писать знакомым также не было смысла. Этим можно было подвести друзей, навлечь на себя ненужные подозрения и тем усугубить свое и без того нелегкое положение. К тому же тематика дозволенной переписки была, как известно, крайне узкой и ограниченной Долгорукий мог сообщать родным только лишь о своих нуждах в деньгах, одежде, пище, но в этом он как раз не нуждался. Казна ассигновала Долгорукому по одному рублю в сутки кормовых денег и людям его по одному рублю на день с выдачей тех и других на руки князю пополюгодно. По тем временам это было более чем приличное жалование. Никто из арестантов не мог мечтать о таких кормовых. На деньги, получаемые вельможным узником, можно было жить, не отказывая себе в вещах первой необходимости, а предметы роскоши не могли интересовать заключенного. На полупустынном острове не расходовали больших сумм даже те, у кого они были. Кроме того, правительственным указом от 2 апреля 1735 года Долгорукому и его слугам, которые считались принадлежностью хозяина, повышался размер и без того немалого денежного довольствия. С 1 июля 1735 года Долгорукий получал кормовые деньги по третям года, в каждую треть по 243 рубля 33^{1/3} копейки. Столько же выдавалось его людям. Устанавливался новый порядок выплаты кормовых. Отныне деньги получал караульный оберофицер на месте, из монастырской казны, и передавал их под расписку узнику, а государство возвращало впоследствии монастырю израсходованную им сумму¹.

Если В.Л. Долгорукий не испытывал на Соловках материальных стеснений, то тюремный режим угнетал князя морально и истощал его физические силы. Он не мог никуда, кроме церкви, выходить из своей камеры. Всякое общение с посторонними людьми (за исключением прислуги) безусловно воспрещалось.

Сенатские указания о полной изоляции столь опасного врага, каким представлялся бирюковскому правительству В.Л. Долгорукий, соблюдались тюремщиками-монахами столь пунктуально и с таким завидным усердием, что на этой почве произошел просто-таки курьезный случай. Просидев несколько месяцев в каменном чулане, Долгорукий серьезно заболел. Ему понадобился духовник. Но так как грамота, по которой Долгорукий был прислан в Соловки, запрещала допускать к нему посторонних лиц, то караульный офицер и архимандрит не рискнули самостоятельно разрешить этот вопрос и вошли с особым представлением в губернскую канцелярию, а та, считая себя некомпетентной, обратилась с запросом в сенат.

¹ ЦГАДА, ф. 1201, оп. 2, ч. 2, 1735, д. 1720, л. 11, 14 об.

Специальным указом от 29 марта 1731 года сенат разрешил допустить к арестанту отца духовного, но узник выжил, чтобы... позднее сложить свою голову на плахе.

В 70-х годах прошлого столетия архангельский вице-губернатор А. Подвысоцкий опубликовал в местных ведомостях некоторые документы губернского архива по ссылке на север России, в Соловецкий монастырь, и пересказал содержание отдельных дел. Он обнародовал часть материалов о ссылке В.Л. Долгорукого. Но сообщения дилетанта в вопросах истории, каким был Подвысоцкий, содержат в себе грубые фактические ошибки, которые, к сожалению, перешли в работы исследователей, пользовавшихся публикациями вице-губернатора как первоисточником. Подвысоцкий сообщил, например, что в 1731 году, по указу от 23 декабря, Долгорукого вывезли из Соловков в Шлиссельбург¹. Следующий по времени после Подвысоцкого историк ссылки повторяет это известие².

По указу от 23 декабря 1731 года, на который ссылается Подвысоцкий, был заключен в Шлиссельбургскую крепость не Василий Лукич Долгорукий, а другой представитель семейства Долгоруких – фельдмаршал князь Василий Владимирович Долгорукий³.

Документальные материалы свидетельствуют о том, что В.Л. Долгорукий сидел в одиночной камере монастырской тюрьмы на Соловках до 1739 года.

3 декабря 1737 года появился какой-то правительственный указ о содержании Долгорукого в соловецком остроге. Он был столь срочным и секретным, что, несмотря на зимнее время и прекращение навигации, губернская канцелярия направила в монастырь солдата Василия Жданова. 20 декабря 1737 года В. Жданов выехал из Архангельска. 1 января 1738 года важные государственные пакеты были вручены поручику Петру Годомскому – начальнику команды, охранявшей В.Л. Долгорукого. В конце августа 1738 года В.Л. Долгорукий давал в соловецком каземате объяснение по делу своего крепостного Я. Демидова⁴.

Трагическая развязка наступила неожиданно. Бироновские следователи «выявили» ранее не раскрытые новые вины за Долгоруким. Вследствие этого В.Л. Долгорукого вывезли из Соловецкого монастыря, повторно судили вместе со всеми родичами и в 1739 году казнили в Новгороде отсечением головы, о чем оповестил россиян правительственный манифест от 12 ноября 1739 года⁵.

Так закончилась жизнь одного из «птенцов гнезда Петрова», видного государственного деятеля эпохи преобразований XVIII века, соловецкого колодника Василия Лукича Долгорукого.

Матрос Никифор Куницын

В 1738 году по доносу матроса Федора Балашева у одного его сослуживца нашли письмо такого содержания: «Князю тьмы! Покорно тебя прошу о неоставлении меня обогащением деньгами, ибо я обнищал и дабы ты меня не оставил, прислал бы ко мне служебников своих, понеже я буду ваш, когда буду во Иерусалиме, и работать тебе завсегда готов, и отрекся своего бога, – точно как мне и куды повергнуть крест христов».

Автором этого политического памфлета был 18-летний матрос Российского флота Никифор Куницын. Солдатский сын Куницын обучился грамоте в славяно-русской школе и в полку, где проходил службу, выполнял обязанности писаря.

С допроса, произведенного под пыткой, Куницын был брошен в застенки. Так начались

¹ АГВ, 1875, часть неофициальная, № 23.

² Рева И. Ссылка на север в прошлом веке. «Юридический вестник», М., 1884, август, стр. 593.

³ ПСЗ, т. VIII, 1728–1732, № 5916, стр. 604–605 и т. X, 1737–1739, № 7942, стр. 944–948. Очередную ошибку допускает А.П. Иванов, когда включает Василия Владимировича Долгорукого в список соловецких арестантов и «заключает» его в Корожанскую тюрьму (см.: А.П. Иванов. Указ. соч., стр. 38). Упомянутый представитель рода Долгоруких никогда не был на Соловецком острове.

⁴ ГААО, ф. 1, оп. 1, т. 2, 1738, д. 2299д, л. 15.

⁵ ПСЗ, т. X, 1737–1739, № 7942, стр. 944–948. Ошибается Подвысоцкий, когда пишет, что В.Л. Долгорукий был предан суду и казнен по указу 12 ноября 1739 года (АГВ, 1875, часть неофициальная, № 23). Названный манифест был опубликован после суда и казни В.Л. Долгорукого. Он извещал подданных о том, что уже совершилось.

«хождения по мукам» юного моряка, продолжавшиеся без перерыва более 27 лет – до 31 декабря 1765 года (дата смерти Куницына).

После пятилетнего заключения власти решили, что самым подходящим «смирительным домом» для критически мыслящего матроса может быть Соловецкий монастырь, и направили его туда навсегда в каторжные работы.

В 1743 году последовал указ синода соловецкому архипастырю: «Матроса Никифора Куницына за богоотступное своеручное его письмо, какое писал ко князю тьмы, содержать в вечных монастырских до смерти его никуда неисходных трудах и чтоб за такое его тяжкое перед богом согрешение во всю свою жизнь приносил господу богу покаяние, приходя с работы в церковь ко всякому славословию по вся дни»¹.

В Архангельск Куницына привезли «заклепанным в кандалы» и до отправки на остров посадили в караульный дом на Соломбальской верфи. Весной у посадского человека, холмогорца Семена Петухова, было ряжено (нанято) судно, и узника отправили на Соловки. Инструкция предписывала конвою держать Куницына в пути «под крепким караулом... и никакого послабления ему не делать, дабы на водяном пути не мог учинить над собой какого страху».

14 июня 1744 года Куницына сдали монахам. Как это делали со всеми арестантами, у матроса по реестру приняли его небогатый скарб. Среди вещей нового ссыльного оказалась медная чернильница. Платье и обувь Куницына отдали на хранение в кладовую, а соучастницу «богомерзких поступков» матроса отправили на Большую землю. Куницын был единственным из всех соловецких арестантов, который привез на каторгу письменные принадлежности.

В первый год пребывания в монастыре Н. Куницын по неосторожности чуть было не натворил беды. Он бросил непогашенной свечу. Счастливый случай предотвратил неизбежный пожар. По этому поводу матросу пришлось давать письменное объяснение.

В последующие годы Н. Куницын принес монастырским старцам немало хлопот. Матрос оказался менее смиренным, чем многие его товарищи по несчастью. Бунтарский дух жил в нем. Н. Куницын не раз протестовал против несправедливости, вслух осуждал соловецких святош и крохоборов, за что несколько раз был штрафован на монастырском «лобном месте». В архивохранилищах находятся восемь различных дел с жалобами монастыря на строптивного матроса, который «властям нагло некую напрасную обиду поношением учинял».

В 1747 году Куницын при народе отругал и высмеял архимандричьего прихвостня, старосту дьячьей службы Арсения Арефьева, а без свидетелей нанес ему «оскорбление действием»: ударил рукою в грудь «весьма крепко»².

Выступал Н. Куницын и как агитатор: ходил по кельям ссыльных и бранил «поносными речами» архимандрита. Матрос вовлек в «непристойные разговоры» о монастырской верхушке других ссыльных – Афанасия Кискина и Федора Васильева. Когда об этом стало известно монахам, на арестантов, замешанных «в поношении главного властелина», посыпались новые репрессии.

А. Кискина определили в тягчайшие кузнечные труды, а Ф. Васильева хотя и оставили на прежней работе в поварне, но старостам обеих служб сделали устное назидание и взяли с них подписку о том, что они не будут разрешать «преступникам» собираться компаниями, запретят им встречаться и разговаривать, а также полностью изолируют ссыльных от рабочих людей.

Самое строгое предупреждение было сделано Куницыну. Особым приказом матросу напоминали, чтоб он «свою церковную головщичью должность исправлял по монастырскому чиноположению, как и прочие искусно исправляют, и никуда бы как по кельям, так и по службам для бездельных разговоров не ходил и пустых сплетней не произносил бы, как... ныне... ходил по монастырю и по службам, рассеивая пустые речи на властелина». Заслушав приказ угрожал Куницыну жестоким наказанием³.

¹ ЦГАДА, ф. 1201, оп. 2, ч. 1, 1759, д. 145, л. 2 об.; оп. 5, ч. 2, 1763, д. 4489, л. 1 и т. д.

² ЦГАДА, ф. 1201, оп. 5, ч. 1, 1747, д. 2268, л. 2 об.

³ ЦГАДА, ф. 1201, оп. 2, ч. 1, 1757, д. 515, л. 4 об. и 5 об.

Старосты дровяной, кожевенной, поваренной, конюшенной, хлебной и других служб, где работали ссыльные, по требованию властей дали следующую подписку: «Обязуемся надзирать и надсматривать, чтоб оные ссыльные ни с кем компаний не водили и разговоров не чинили и в другие службы не допускать, а наипаче ссыльного матроса Никифора Куницына в службы не пускать и разговоров никаких ни с кем ему не чинить, понеже ныне в некоторых бездельных речах и сплетнях оказался виновен. А ежели кто в которой службе оных ссыльных и Куницына кроме своей службы определенной будет приглашать и с ними компанию и разговоры чинить, о том старостам докладывать властям и в соборной кельи».

В связи с пропагандистской деятельностью Куницына был издан специальный приказ по монастырю, запрещающий всякие хождения ссыльных на территории крепости, а тем более выход их за ограду. Солдатам было приказано: «Ежели ссыльные днем или по ночам будут к кому в кельи ходить, таковых по выходе брать под караул, сажать на цепь и докладывать властям».

Пуще всего монахи опасались того, что ссыльные найдут общий язык с монастырскими трудниками и вместе с ними «учинят бунт» или массовый побег. Все представители монастырской администрации, монахи и караульные солдаты обязаны были зорко следить, чтобы «ни через какой случай с работными ссыльные согласия не имели...»

Перечисленные меры строгости в соединении с широко развитой системой шпионажа вынудили Н. Куницына прекратить устную агитацию против хозяев духовной общины.

В середине 60-х годов Куницын избрал другой метод выражения недовольства порядками, царившими на Соловках. С 24 июля 1765 года матрос перестал ходить на работу и в церковь, ссылаясь на слабость своего здоровья. Как вскоре выяснилось, это была симуляция.

26 июля 1765 года по приказу архимандрита Досифея солдат Федор Ястребский произвел внезапный обыск в помещении ссыльного. Трофеями осмотра были отобраны у Куницына два письма, сочиненные им в дни мнимой болезни.

Письма дошли до нас. Первое из них не представляет большого интереса. Оно содержит предложения о некоторых церковных реформах и предназначалось к подаче в синод.

Второе прошение было адресовано царице. В нем измученный узник излил свою душу, рассказал о своей жизни и горестях. Куницын писал, в частности, что за 21 год изнурительных работ в монастыре он пришел «в крайнее изнеможение» и больше тягостен, ему определенных, сносить не может. Считая, что за «богопротивное письмо», написанное «в самых юностных летах», он уже отбыл незаслуженно тяжелое наказание, Н. Куницын просил освободить его из монастыря.

Архимандрит Досифей сообщил в синод об этом происшествии. Одновременно он уведомил начальство, что «за такое его, Куницына, упрямство, нехождение в церковь и за сочинение таковых писем велено Ястребскому при собрании ссыльных людей учинить матросу наказание, дабы и другие, смотря на то, чинить так не дерзали». Н. Куницына высекли палками.

Во время варварской экзекуции Куницын при стечении народа объявил за собой слово и дело, за что был посажен «под особый караул, где и поныне содержится».

Соловецкий тюремщик сделал следующий вывод: «Да и впредь от него доброго состояния быть нечаятельно, кроме таковых же непорядочных поступков». При такой аттестации Куницын обречен был на пребывание в монастыре до кончины дней своих. Этого «божьи слуги» и добивались. Они стремились закрепить за собой и увековечить право на эксплуатацию труда ссыльных и заключенных.

Кроме изложенного, в доношении Досифея в синод содержалась еще и такая просьба: «Не повелено ль будет впредь содержать его, матроса, в тюрьме безысходно, чтоб и впредь ему таких – не принадлежащих до его писем сочинять и через то рассеивать на соблазн прочим было невозможно»¹.

7 ноября 1765 года последовал новый правительственный указ в отношении Куницына: содержать по-прежнему матроса в тяжких трудах, заставлять ходить в церковь, не давая ему ни чернил, ни бумаги, а если «будет чинить предерзости», – заключить в тюрьму.

¹ ЦГАДА, ф. 1201, оп. 2, ч. 1, д. 850, л. 30 об. и 31 об.

Н. Куницын не дождался этого указа. Замученный монахами и 22-летней каторгой, он умер в тюрьме в последний день 1765 года.

Крестьянин Василий Щербаков

По указу Елизаветы от 4 декабря 1752 года был сослан в Соловецкий монастырь содержащийся до этого в тайной конторе крестьянин Краснослободского уезда дворцового села Ишеева Василий Щербаков. В решении не раскрыт характер преступления Щербакова против власть имущих. Отмечено лишь, что он «явился в немаловажной вине и дабы от него впредь каковых важных продерзостей произойти не могло и того ради оногo Щербакова кроме объявленного Соловецкого монастыря в другое место послать невозможно»¹.

В. Щербакова выслали в монастырские труды вечно, на пожизненную каторгу. Перед отправкой из Москвы крестьянина нещадно высекли кнутом в конторе канцелярии тайных розыскных дел. До Сумского острога, куда колодник прибыл 24 декабря, его везли скованным в ручные и ножные кандалы под охраной. На остров арестант прибыл в лаптях, имея в кармане денег четверть копейки.

В монастыре Щербакова содержали за решеткой закованным в железа, под крепким караулом.

По указу правительства Щербакова следовало посылать в тяжелые кузнечные труды. Днем, на время работы, руки ему расковывали, а с ног кандалы никогда не снимали. Монастырская пища Щербакову полагалась только в том случае, если будет занят в кузнице, а «ежели не станет работать, то и не кормить». Пусть, мол, питается подаванием богомольцев. Арестанту «великодушно» разрешали просить милостыню, но при обязательном условии – не вступать ни в какие разговоры с подателями.

Содержание указа заставило призадуматься даже выдавших виды соловецких душителей свободной мысли, так как ясно было, что по состоянию здоровья Щербаков не может работать в кузнице, а милостыню ему никто не давал. Каторжник был обречен на голодную смерть. Чтобы этого не произошло, монахи осмелились нарушить рекомендации властей и направили арестанта в поваренную службу. Не кормить же даром!

На примере дела В. Щербакова ясно виден классовый характер карательной политики самодержавия. Дворянина-смертоубийцу А. Жукова, совершившего тяжчайшее уголовное преступление (совместно с женой убил мать и сестру), сослали в Соловецкий монастырь вместе с его слугами «в сносные по силе его труды»². Находясь в монастыре, он торговал своими крепостными.

Привезенному на Соловки в ссылку в 1759 году помещику П. Салтыкову дали для услуг крепостного Игнатия Рагозина, приказав ему быть при своем господине «безысходно». Через три года П. Салтыков, присланный «до кончины живота его», был помилован и освобожден³.

Высланного в монастырь в 1783 году подпоручика А. Теплицкого (предписано было употребить в самые тяжкие работы, какие только найти можно на острове, и заставить его зарабатывать пропитание трудом, но избалованный барчук вел себя надменно и дерзко. Гроза арестантов архимандрит ограничивался констатацией того факта, что Теплицкого нельзя заставить выполнять не только трудную работу, но и «самую легкую, то есть и щипания какого принудить не можно»). На острове «маменькин сынок» освоил «специальность» фальшивомонетчика и совместно со своим другом (тоже дворянином) П. Телешовым стал делать оловянные рублевые монеты, за что из Соловков был выслан по суду в Иркутскую губернию⁴.

Совершенно беспомощными оказались хозяева острова перед ссылкой камер-лакеем А. Слитковым, появившимся в монастыре в 1748 году. Слитков пьянствовал, безобразничал, наводил свои порядки в монастыре, бил монахов. Следовало ожидать, что каратели найдут

¹ ЦГАДА, ф. 1201, оп. 2, ч. 1, 1752, д. 670, л. 1.

² ЦГАДА, ф. 1201, оп. 5, ч. 2, 1766–1769, д. 4774, л. 15 об.

³ ЦГАДА, ф. 1201, оп. 5, ч. 2, 1759–1762, д. 3682, л. 53.

⁴ ЦГАДА, ф. 1201, оп. 5, ч. 2, 1786–1790, д. 5386, л. 8 об.

управу на Слиткова. Увы, этого не случилось. Монастырские старцы не могли придумать ничего, кроме обращения в тайную канцелярию с просьбой защитить их от оскорблений и побоев «сиятельного» арестанта¹.

По-иному вели себя судьи и исполнители приговоров с ссыльными и заключенными из народа. Крестьян и горожан калечили: вырезали языки, вырывали ноздри, нещадно избивали кнутами, плетями, шелепами, ссылали не просто в труды, а с неизменной пометкой «в тяжчайшие до кончины живота его труды».

На монастырской каторге Щербаков умудрился написать тетрадь, которая была обнаружена 28 сентября 1759 года и расценена как «суеверная, богопротивная и важная». По признанию автора, тетрадь была написана им в чулане и подброшена во двор, чтобы другие ознакомились с ней.

Приходится сожалеть, что в делах нет сочинений – Щербакова. Они были отправлены в канцелярию тайных розыскных дел. По всей вероятности, в сочинениях В. Щербакова, признанных правительством «воровскими», говорилось о несправедливости существующего социального строя, при котором труженик ничего не имеет, а живущий за его счет утопает в изобилии. Такие рассуждения могли быть заключены в религиозную оболочку. Поэтому духовные лица называли сочинения крестьянина «суеверными и богопротивными».

После «штрафования плетью» у Щербакова взяли письменную клятву такого содержания: «1759 года, сентября 29 дня, в соборной келье Соловецкого монастыря присланный при указе ссыльный Василий Щербаков подписуется в том, что впредь ему никаких бездельных и непристойных писем отнюдь или тайно или явно не писать (как то учинил, писал некоторую тетрадь своею рукою, за что и наказан). И ежели впредь явится в таковом же письме и в том от кого изобличен будет и за то повинен монастырскому жестокому наказанию»².

Когда столица узнала, что в монастыре Щербаков сочиняет «злодейственные воровские тетрадишки», появился новый указ от 2 мая 1760 года, повелевавший смотреть за арестантом прилежно, чтоб он больше сочинительством не занимался, чего ради «пера, чернил, бумаги, угля, бересты и прочего, к письму способного, отнюдь бы при нем не было и оно ему не давать».

Однако страсть к письму оказалась у Щербакова сильнее боязни новых репрессий. 30 октября 1764 года у арестанта опять было обнаружено несколько тетрадей, чернильница, солевые свечи. После этой находки и без того горькая жизнь монастырского каторжника стала невыносимой. Ссыльного с пристрастием допрашивали. Есть подозрение, что его пытали. Монастырская тюрьма и ее режим сделали свое дело. В ведомости соловецких арестантов за 1769 год против имени Василия Щербакова помечено «умре».

Последний кошевой сечи Запорожской

Первые ссыльные и заключенные украинцы появляются в Соловецком монастыре в начале XVIII века. Это были люди из окружения Кочубея и Искры. Известно, что за донос на Мазепу, который следователи признали «лукавым», хотя на самом деле он был справедливым, генеральный судья и полтавский полковник были казнены, а соучастников доносителей – священника Ивана Святайло, его сына и чернеца Никанора – отправили в 1708 году в «страну медведей и снегов».

Когда же осенью 1708 года Мазепа перешел в расположение шведских войск и стало ясно, что для политического доноса на гетмана были основания, в ссылку в Сибирь, в Архангельскую губернию и на Соловки отправили мазепинцев³.

Из заточенных в первой четверти XVIII века в соловецкие казематы украинцев наибольшее внимание привлекает к себе один человек, непосредственно не принадлежавший к двум упомянутым категориям лиц, но имевший прямое отношение к делу об измене Мазепы. Это

¹ ЦГАДА, фонд госархива, разряд 7, оп. 1, 1747, д. 1154, л. 25–25 об.

² ЦГАДА, ф. 1201, оп. 2, ч. 1, 1752, д. 86, л. 9.

³ Подробно об этом см.: П. Ефименко. Ссыльные малороссияне в Архангельской губернии. В кн.: «Киевская старина», кн. 9 (сентябрь), Киев, 1882, стр. 391–412.

Захар Петрович Патока.

В архиве Ленинградского отделения института истории находится дело «О ссыльном черкашенине, который содержится в Соловецком монастыре в тюрьме». Оно включает грамоты о Патоке из коллегии иностранных дел и синода.

Синодальный приговор датирован 20 мая 1721 года. Приведем его: «Великого государя-царя и великого князя Петра Алексеевича, всея великия и малыя, и белыя России самодержца указ из святейшего правительствующего синода Соловецкого монастыря архимандриту Варсонофию.

Сего мая 19 дня в святейший правительствующий синод из государственной коллегии иностранных дел в доношении написано: по его де великого государя указу, по доношению из оной коллегии, приговором правительствующего сената решено малороссиянину Захару Патоке за неправые его о великих делах доношения вместо смертной казни учинить – вырезать язык и сослать в Соловецкий монастырь в заточение в Корожанскую тюрьму вечно. И та казнь ему, Патоке, учинена... И сего же мая в 19 день по его великого государя указу и по приговору святейшего правительствующего синода велено тебе, архимандриту, оного малороссиянина Патоку, как прищется из государственной коллегии иностранных дел в Соловецкий монастырь, принять и содержать его в Корожанской тюрьме в заточении вместо смерти вечно»¹.

Вслед за синодальной бумагой полетела в Соловецкий монастырь депеша из коллегии иностранных дел от 10 июня 1721 года за подписью самого барона П. Шафирова. В новой грамоте предписывалось соловецкому архимандриту: «И ежели он, – Патока, сидя в тюрьме, станет кричать за собою какое наше государево слово и дело, и таких произносимых от него, Патоки, слов не слушать для того, что он, Патока, доносил о многих великих и важных делах, а потом перед сенатом повинился, что то все затевал напрасно. И показал он при том о себе, как и другие о нем при следовании дела показали, что он человек сумасбродный и часто бывает в беспамятстве и говорит то, чего и сам не знает, и для того он, по приговору сенатскому, от смертной казни освобожден».

Нужно полагать, что у государственного подканцлера были серьезные основания давать такие наставления соловецким инквизиторам.

В 1724 году последовал донос: Патока якобы говорил монаху Дамаску о том, что он сослан в монастырь без указа царя и хотел объявить царю о злоумышленном деле на его здоровье. Вследствие этого правительство указом от 22 мая 1724 года обязывало губернскую канцелярию допросить «гетманского генерального писаря». Монаха Дамаска велено было прислать в Преображенский приказ при любых показаниях колодника.

Для разбора кляузного дела архангельский вице-губернатор Ладыженский направил в Соловки прапорщика Ивана Резанцева. 22 июня 1724 года губернский следователь допрашивал Патоку в Корожанской башне. Разговор происходил наедине, без свидетелей, с глазу на глаз.

Результаты допроса Резанцев представил Ладыженскому, а тот, в свою очередь, переслал протокол следствия, скрепленный подписью узника, в Петербург. Вот что выяснилось: на допросе Патока показал, что он вовсе не генеральный писарь, за кого его принимают, а только писарь из Лубен. С соловецким монахом Дамаском «никаких слов не говаривал». Вместе с тем узник признался, что 8 февраля 1724 года «после святой литургии» он «кричал всенародно слово и дело, именно о измене и бунте на господ графа Гавриила Ивановича Головкина и барона Петра Павловича Шафирова». В тот же день это же слово и дело кричал «на вышеупомянутых господ» в трапезе при городничем монахе Никаноре и караульном солдате Григории Рышкове, а «какое слово и дело, то явит самому императорскому величеству»².

Можно было ожидать, что столица даст ход этому делу. Обычно она оперативно реагировала на менее важные политические доносы. Всегда бывало так: стоило кому-нибудь сообщить, что такой-то человек произнес слово и дело, как моментально, не разбирая, справед-

¹ АЛОИИ, ф. 10, оп. 1, 1724, д. 84, л. 13 об. и 15–15 об.

² АГВ, 1872, часть неофициальная, № 54; АЛОИИ, ф. 10, оп. 1, 1724, д. 84, л. 12 об.

ливый донос или клеветнический, хватали оговоренного в вместе с извечником отправляли в губернскую канцелярию для предварительного дознания, а оттуда в печально знаменитый Преображенский приказ, который ведал политическим сыском на территории всего государства.

На этот раз традиционный порядок был нарушен. Правительство распорядилось оставить публичное «блевание» Патоки 8 февраля 1724 года без последствий. Это кажется странным и трудно объяснимым. Вообще в деле Патоки много загадочного. Неясно, например, почему сенат, признав Патоку неуравновешенным, душевно больным, по временам впадающим в беспамятство, велел отрезать ему язык, замуровать в ужасную Корожанскую тюрьму и не слушать произносимого им слова и дела государева. Такую тяжкую уголовную кару мог навлечь на себя лишь человек, знавший важные секреты и способный к разглашению их.

Из документальных материалов видно, что Патока еще перед тем, как у него вырезали язык, «паки крыча, сказывал за собой великие дела (какие именно – неизвестно. – Г. Ф.), но того у него, по приговору сенатскому, ради его вышеписанного же сумасбродства и ложных доношений, не принято»¹.

Нам представляется вполне основательным предположение П. Ефименко о том, что Патока раскрыл перед сенатом известные ему тайны относительно графа Головкина, барона Шафирова и других высокопоставленных сановников империи².

Не секрет, что в бурные годы преобразований первой четверти XVIII века многие видные государственные мужи, в том числе такие, как Меньшиков, Головкин, Шафиров и другие, были нечисты на руку. В литературе неоднократно раздавались голоса о том, что руководитель дипломатического ведомства и его заместитель знали о готовящейся измене Мазепы и молчаливо одобряли коварные замыслы «украинского ляха» потому, что получали от него взятки, которыми округляли свое «скромное» государево жалование. Так что Патока в этом отношении не одинок. Произнесенное им в монастыре слово и дело об измене и бунте Головкина и Шафирова не может вызвать большого удивления. Очевидно, Патока, по характеру своей работы связанный с перепиской всякого рода деловых бумаг, как и другие представители «канцелярского воинства» (Орлик, Глуховец, Кожчицкий), располагал кое-какими сведениями об измене гетмана и участии, прямом или косвенном, в мазепинском заговоре петербургских вельмож.

Шафирову и ему подобным нужно было заставить своего обличителя замолчать. Поэтому Патоке перед отправкой в Соловки отрезали язык. Но жестокое наказание не достигло цели. Искатель справедливости, неугомонный казачий писарь из Лубен даже без языка сумел крикнуть всенародно слово и дело государево на Головкина и Шафирова. Замешанные в заговоре Мазепы дельцы не исключали такой возможности. Они были предусмотрительными людьми. Начальнику соловецкой тюрьмы предписывалось не обращать внимания на произносимые несчастным узником слова, но местные «блюстители порядка» не проявили должной сообразительности.

Архангелогородская губернская канцелярия всегда, как известно, отличавшаяся пунктуальным выполнением инструкций центра о содержании секретных арестантов, на этот раз перестаралась в своем усердии. Невольные свидетели происшествия 8 февраля 1724 года монахи Никанор и солдат Рышков, слышавшие «блевание» Патоки, распоряжением губернской канцелярии были брошены в застенки.

Однако Петербург распорядился предать забвению дело Патоки, а самого писаря держать по-прежнему в башенном каземате под крепким караулом. Пришлось выпустить на свободу свидетелей слова и дела, объявленного арестантом Корожанской башни. Перед Никанором и Рышковым распахнулись двери тюрьмы, в которой они просидели без всякой вины более года.

Местные власти не ожидали такого решения. Их недоумение понятно. Распоряжение высшего начальства было беспрецедентным.

Губернская канцелярия заключила, что Захар Патока хорошо известен правительству как

¹ АГВ, 1875, часть неофициальная, № 21.

² «Киевская старина», кн. 9 (сентябрь), Киев, 1882, стр. 406.

неуемный ябедник и сутяга, одержимый страстью к политическим доносам. Но с точки зрения историка русско-украинских взаимоотношений действиями Патоки руководили благие намерения и патриотические побуждения. Писарь из Лубен осуждал авантюру предателя интересов своего народа Мазепы, хотел раскрыть перед стоящими у власти известные ему тайны батуринаского заговора и назвать имена русских пособников «украинского ляха».

Приходится сожалеть, что Патоке не удалось осуществить своего замысла. Можно думать, что сведения, которыми он располагал, обогатили бы наши знания о заговоре Мазепы, казачьей старшины и близких к гетману лиц.

Захар Петрович Патока был замучен монахами и унес с собой известные ему секреты.

Еще немало сынов «плодовитой матки казацкой» заключали в себе в XVIII веке стены Соловецкой крепости, но самым известным среди них был Петр Иванович Кальнишевский – последний кошевой Запорожской Сечи. Он занимал свой пост с 1765 года до самой ликвидации «казацкого государства», то есть десять лет подряд, чего до тех пор в коше «из веку веков не бывало».

За спиной Кальнишевского стояла казачья старшина, ставленником которой он был. Выходец из дворянского рода, лично богатый человек¹, Кальнишевский верой и правдой служил русскому правительству, хотя межевые тяжбы царизма с выборным правительством Сечи в последние десятилетия существования коша осложняли взаимоотношения сторон.

Были, конечно, доносы и на Кальнишевского. В «просвещенный» век Екатерины, когда доносы поощрялись правительством и общество было заражено ими, никто не мог быть застрахованным от обвинений в государственном преступлении.

В январе 1767 года полковой старшина Павел Савицкий собственноручным письмом ставил в известность Петербург, что кошевой атаман вместе с войсковым писарем и войсковым есаулом готовятся в ближайшие месяцы изменить России, коль скоро не решатся в пользу коша пограничные споры. Если верить доносителю, высшая старшина уже договорилась «выбрать в войске двадцать человек добрых и послать их к турецкому императору с прошением принять под турецкую протекцию».

Насколько позволяют судить материалы, правительство не дало движения этому документу. Оно считало его клеветническим и не сомневалось в преданности кошевого. Мы «никогда наималейшего сомнения иметь не могли о вашей со всем войскам к нам верности», – писала Екатерина II Кальнишевокому 19 декабря 1768 года². Поэтому никто не подвергался предварительному дознанию по доносу Савицкого. Кошевому никогда не ставилась в вину подготовка государственной измены. Он так и умер, не зная о доносе Савицкого. Донос сдали в архив и, как несправедливый, вложили в папку, в которой подшиты распоряжения 1801 года о даровании Кальнишевскому свободы.

Вместе с запорожским войском Кальнишевский сражался с крымскими татарами и турками в русско-турецкой войне 1768–1774 годов. За храбрость он был награжден в середине кампании золотой медалью, осыпанной бриллиантами, а войску запорожскому объявлена благодарность.

Никто иной, как Г. Потемкин, за три года до падения Сечи, в котором он сыграл такую роковую роль, свидетельствовал свое уважение и любовь войску запорожскому, подчеркивал свою всегдашнюю готовность находиться в услужении «милостивого своего батьки», как называл он лъстиво кошевого.

В 1772 году Потемкин разыграл такой фарс: он попросил Кальнишевского записать его в казаки, что было с охотой исполнено.

Не скупился на комплименты кошевому новороссийский генерал-губернатор и в дни победоносного окончания войны. «Уверяю вас чистосердечно, что ни одного случая не оставлю, где предвижу доставить каковую-либо желаньям вашим выгоду, на справедливости и прочности основанную», – так писал Потемкин Кальнишевскому 21 июня 1774 года. Не

¹ При аресте Кальнишевского в его зимовниках (хуторах) было описано 639 лошадей, 1076 голов крупного рогатого скота разного возраста, 14045 овец и коз, 2175 пудов пшеницы и ржи (см.: «Очерки истории СССР. XVIII век. Вторая половина». Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 586).

² Скальковский А. История Новой Сечи или последнего коша Запорожского. Ч. III. Изд. 2-е. Одесса, 1846, стр. 8

прошло после этих велеречивых излияний и года, как Сечь, по распоряжению того же Потемкина, была разрушена, а кошевой арестован.

4 июня 1775 года сильный отряд под начальством П. А. Текелля неожиданно-негаданно нагрянул на Сечь и разорил ее. Кошевой атаман Кальнишевский, войсковой писарь Глоба и войсковой судья Головатый были пленены и взяты под стражу, а имущество их, так же как и войсковое, подвергнуто описи.

3 августа 1775 года был издан указ Екатерины II, в котором объявлялось, что «Сечь Запорожская вконец уже разрушена, с истреблением на будущее время и самого названия запорожских казаков, не менее как за оскорбление нашего и. в. через поступки и дерзновения, оказанные от сих казаков в неповиновение нашим высочайшим повелениям»¹.

О Кальнишевском манифест умалчивал. После ареста кошевой исчез неведомо куда. Никто не знал – ни родственники, ни друзья, где находится Кальнишевский и жив ли он вообще.

Казацкие песни намекали, что кошевой отправлен на жительство на Дон. Потомки сечевиков сложили предание, что Кальнишевский бежал из-под ареста в Турцию, там женился, имел сына².

Только спустя столетие после трагедии, разыгравшейся на нижнем Поднепровье в 1775 году, в печать проникли первые сведения о дальнейшей судьбе Кальнишевского.

Известный русский историк народнического направления П.С. Ефименко, находясь в ссылке в Архангельской губернии, летом 1862 года случайно разговорился с крестьянами беломорского села Ворзогоры. К удивлению и удовольствию историка местные старожилы рассказали ему, что в начале XIX века в Соловецком монастыре был заключен какой-то кошевой атаман, которого они сами видели. Больше ничего вразумительного крестьяне сообщить не могли, но и того, что сказали, было достаточно. Ефименко напал на след Кальнишевского.

В 1863 году в архиве Архангелогородской канцелярии Ефименко отыскал «Дело по сообщению государственной военной коллегии конторы об отсылке для содержания в Соловецкий монастырь кошевого Петра Кальнишевского, июля 11 дня 1776 года»³.

В 1875 году в ноябрьской книжке «Русской старины» ученый печатает статью «Кальнишевский, последний кошевой Запорожской Сечи»⁴.

В публикации переданы рассказы поморских крестьян и вместе с тем впервые документально доказано, что после разрушения Новой Сечи Кальнишевский никуда не бежал, а был выслан на Соловки, где провел в одиночном заключении многие годы и умер.

Как историк-прагматист Ефименко не ставил своей задачей выяснить причины ссылки Кальнишевского, условия заточения его в монастырь, причины последовавшего в начале XIX века «помилования». Он ограничился тем, что сообщил читателям установленный им бесспорный факт: после падения последнего коша Кальнишевский был выслан в Соловецкий монастырь и там погиб.

Попытаемся восполнить пробелы статьи П.С. Ефименко.

После ареста Кальнишевского вместе с писарем и судьей войсковыми отправили в Москву и посадили всех троих в конторе военной коллегии до окончательного определения их дальнейшей участи.

Правительство не хотело судить последних представителей Сечи Запорожской. Оно решило рассчитаться с ними бесшумным административным путем. Такие методы расправы с опасными врагами вполне устраивали царизм. Беззаконие не смущало его.

Г.А. Потемкин, некогда ревностный «почитатель» Кальнишевского, а сейчас столь же

¹ ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 55, 1775, д. 402, л. 2.

² «Русская старина», 1875, кн. 11 (ноябрь), стр. 412.

³ Дело это до сих пор хранится в ГААО, ф. I, оп. 1, т. 6, 1776, д. 12024 но оно не единственное, посвященное Кальнишевскому. В том же фонде ГААО есть еще четыре дела на Кальнишевского, оставшиеся не известными Ефименко.

⁴ Статью под таким заголовком написал Петр Саввич Ефименко, а не его жена, тоже историк, Александра Яковлевна Ефименко, которую М. А. Колчин ошибочно считает автором названного сообщения (см.: М. Колчин. Указ. соч., стр. 92, а также «Русская старина», 1887, кн. 12 (декабрь), стр.612)

ревностный его ненавистник, сформулировал обвинительное заключение с галантностью, столь ему свойственной. Приведем этот документ полностью ввиду его несомненного и выдающегося интереса:

«Всемиловейшая государыня!

Вашему императорскому величеству известны все дерзновенные поступки бывшего Сечи Запорожской кошевого Петра Кальнишевского и его сообщников судьи Павла Головатого и писаря Ивана Глобы, коих вероломное буйство столь велико, что не дерзаю уже я, всемиловейшая государыня, исчислением оного трогать нежное и человеколюбивее ваше сердце, а при том и не нахожу ни малой надобности приступать к каковым-либо исследованиям, имея явственным доводом оригинальные к старшинам ордера, изъявляющие великость преступления их перед освященным вашего императорского величества престолом, которою, по всем гражданским и политическим законам заслужили, по всей справедливости, смертную казнь. Но как всегдашняя блистательной души вашей спутница добродетель побеждает суровость злобы кротким и матерним исправлением, то и осмеливаюсь я всеподданнейше представить: не соизволите ли высочайшим указом помянутым преданным праведному суду вашему узникам, почувствовавшим тягость своего преступления, объявить милосердное избавление их от заслуживаемого ими наказания, а вместо того, по изведенной уже опасности от ближнего пребывания их к бывшим запорожским местам, повелеть отправить на вечное содержание в монастыри, из коих кошевого – в Соловецкий, а прочих – в состоящие в Сибири монастыри, с производением из вступившего в секвестр бывшего запорожского имения: кошевому по рублю, а прочим по полуполтине на день. Остающееся же затем обратить, по всей справедливости, на удовлетворение разоренных ими верноподданных ваших рабов, кои, повинувшись божественному вашему предписанию, сносили буйство бывших запорожцев без наималейшего сопротивления, ожидая избавления своего от десницы вашей и претерпев убытков более нежели на 200000 рублей, коим и не оставлю я соразмерное делать удовлетворение, всемиловейшая государыня.

Вашего императорского величества верно
всеподданнейший раб князь Потемкин.

На подлинном подписано собственной е. и. в. рукою тако:

«Быть по сему».

14 мая 1776 года Царское Село»¹.

8 июня 1776 года правительственный сенат уведомил синод о докладе Потемкина и высочайшей конфирмации, подписанной на нем. Со своей стороны сенат предписал объявить Кальнишевскому и его товарищам указ и немедленно разослать арестованных по местам заключения: кошевого – в Соловецкий монастырь, а Глебу и Головатого – в дальние сибирские монастыри «под строжайшим присмотром от одного места до другого военных команд». Мало того. Потемкин предложил синоду указать монастырским властям, чтобы «содержаны были узники сии безвыпускно из монастырей и удалены бы были не только от переписок, но и от всякого с посторонними людьми обращения».

Воспитанные в духе послушания, синодальные старцы направили 10 июня 1776 года тобольскому архипастырю Варлааму и настоятелю Соловецкого монастыря Досифею указы, обязывающие поступать с арестантами так, как в ведении сената предписано.

Особую «заботу» проявили о «главном преступнике» – бывшем атамане низового запорожского войска. Начальнику соловецкой тюрьмы предложили «посылаемого туда узника содержать за неослабным караулом обретающихся в том монастыре солдат».

25 июня 1776 года Кальнишевского вывезли из Москвы в Архангельск. Конвой состоял из семи человек: секунд-майора первого Московского пехотного полка Александра Пузыревского, унтер-офицера и пяти рядовых. Военная контора дала Пузыревскому наставление, чтобы он «содержал арестанта в крепком присмотре и во время пути от всякого с посторонними сообщения удалял».

11 июля 1776 года Кальнишевского доставили в Архангельск, а оттуда на нанятом у

¹ ЦГИАА, ф. 796, оп. 57, 1776, д. 234а, л. 1 об., 3, 4 и 6 об.

купца Воронихина за двадцать рублей судне перевезли в Соловки и сдали архимандриту на вечное заточение. В подмогу караулу архангелогородский губернатор Е. Головцын нарядил из губернской роты сержанта и трех рядовых, которых разрешал оставить постоянно в монастыре для охраны каземата бывшего кошевого, если Досифей сочтет возможным и необходимым сделать это.

Помощь Головцына караульными Досифей отверг решительно и не совсем вежливо. Сержант с тремя солдатами был отправлен обратно в Архангельск. Архимандрит не собирался делиться с губернатором лаврами тюремщика Кальнишевского. Свое поведение Досифей оправдывал ссылкой на синодальный указ, предписывавший ему содержать «былого атамана» под охраной монастырских солдат.

П. Ефименко полагает, что перевозкой имущества Кальнишевского из Москвы до Архангельска занято было шесть подвод из девяти, составлявших поезд Пузыревского. Такое заключение биограф Кальнишевского вывел на основании следующей фразы из письма майора к Головцыну: «При отправлении ж меня от той конторы (из Москвы. – Г. Ф.) лошадей дано было для меня три, унтер-офицеру и трем рядовым – три ж, а затем оставшие два человека находились при арестанте, под которым было тоже три лошади». В данном случае исследователь весьма произвольно обращается с документами и делает вывод, который не вытекает из содержания материалов. Если следовать логике Ефименко, то нужно будет сказать, что на трех телегах везли мундиры майора.

На самом деле войсковые ценности и все личное имущество кошевого было конфисковано. Кальнишевский прибыл в Архангельск без вещей. Никакого имущества не погрузили на судно Воронихина. В монастырь Кальнишевский ничего не привез, кроме одежды, которая была на нем. Поэтому в деле Кальнишевского нет постоянно встречающейся в арестантских делах «описи шкарба». Только 330 рублей, отпущенных казной на содержание бывшего кошевого, передал монастырским властям Пузыревский. Когда же эти деньги стали подходить к концу, монастырь обратился к Головцыну (письмо от 23 июня 1777 года) с просьбой перевести на следующий год назначенную сумму, дабы «онный кошевой за неимением себе пропитания не мог претерпеть глада и в прочих нуждах недостаток»¹. Излишне говорить о том, что узнику не грозила бы нужда через одиннадцать месяцев после заточения в монастырь, если бы Кальнишевский привез с собой шесть возов добра.

30 июля соловецкий настоятель сообщал в синод, что накануне он принял от Пузыревского арестанта Кальнишевского и содержать его будет по царскому указу, который им получен из синода.

Кальнишевского поместили в один из самых мрачных казематов Головленковой тюрьмы, находившейся в башне одноименного названия, которая расположена в южной стороне крепостной стены.

Заточение было ужасным, условия существования нечеловеческие. М.А. Колчин так описывает каземат, в котором сидел Кальнишевский: «Перед нами маленькая, аршина в два вышины, дверь с крошечным окошечком в середине ее; дверь эта ведет в жилище узника, куда мы и входим. Оно имеет форму лежащего усеченного конуса из кирпича, в длину аршина четыре, шириною сажень, высота при входе три аршина, в узком конце полтора. При входе направо мы видим скамью, служившую ложем для узника... На другой стороне остатки разломанной печи. Стены... сырые, заплесневелые, воздух затхлый, спертый. В узком конце комнаты находится маленькое окошечко вершков шесть в квадрате; луч света, точно украдкою, через три рамы и две решетки тускло освещает этот страшный каземат. При таком свете читать можно было в самые светлые дни и то с великим напряжением зрения. Если заключенный пытался через это окно посмотреть на свет божий, то его взорам представлялось одно кладбище, находящееся прямо перед окном. Побыв около получаса в удушающей атмосфере каземата, становится душно, кровь приливает к голове, появляется какое-то безграничное чувство страха... У каждого побывавшего здесь, будь он самый суровый человек, невольно вырывается из груди если не крик ужаса, то тяжелый вздох и с языка слетает вопрос: «Неужели здесь возможна жизнь? Неужели люди были настолько крепки, что выносили года

¹ ГААО, ф. 1, оп. 1, т. 6, 1777, д. 12552, л. 1 об.

этой гробовой жизни»¹.

В делах монастырского архива найден доклад от 12 октября 1779 года наместника иеромонаха Симона архимандриту Иерониму такого содержания: «По многократной меня просьбе П.И. Кальнишевского для надобности ему к исправлению и перекрытию кельи, в которой он живет, что от дождя великая теча происходит, от чего и платье у него гниет, и просит ваше высокопреподобие приказать особливо, сверх монастырских нанятых в плотничную работу работных, на его счет нанять четырех человек и весной с прочими монастырскими работными прислать с показанием на его имя, кто и какими ценами»².

Архимандрит «уважил» просьбу узника. За деньги Кальнишевского отремонтировали каземат, в котором он томился.

Тюремный режим отличался исключительной строгостью П. Кальнишевский находился в клетушке безвыходно, был заживо замурован. Ворзогорские крестьяне рассказывали П. Ефименко, что «атамана казаков» выводили из камеры лишь три раза в год: на пасху, преображение и рождество. Из архивных документов не следует и этого.

В летнее время четыре человека посменно охраняли Кальнишевского, в то время как в карауле при всех прочих арестантах, содержащихся в это время в казематах, находилось по очереди по двое солдат. Зимой каземат охраняли трое солдат, в то время как на всех других арестантов приходилось по одному караульному³.

Персональный состав стражи был постоянным. Как правило, одни и те же караульные, причем самые надежные солдаты монастырского гарнизона, на протяжении многих лет охраняли Кальнишевского: Иван Матвеев, Антон Михайлов, Василий Нестюков, Василий Соханов. Бывший кошевой был закреплен за этими солдатами, он имел, так сказать, «личную охрану». Возглавлял караул, стороживший «великого грешника», сам начальник соловецкого отряда – офицер.

Всесильный временщик Г. Потемкин не забывал своего «закадычного друга». Он периодически запрашивал синод, жив ли еще Кальнишевский⁴.

Как известно, Кальнишевскому должны были выдавать по одному рублю в сутки за счет конфискованных войсковой казны и имущества. Это выполнялось.

Первые годы «порционные деньги» на Кальнишевского выдавала монастырю на год вперед Архангелогородская губернская канцелярия из сумм, полученных от казны. Возникавшие перебои в перечислении денег на узнике не отражались.

Например, 11 июля 1782 года Соловецкий архимандрит Иероним пожаловался в синод, что с 26 июня 1781 года он не получает на Кальнишевского денег и «онный кошевой через годичное слишком время состоит на штатном монастырском содержании, от чего монастырь себе напрасный убыток несет»⁵. Синод незамедлительно доложил об этом сенату, и тот решил вернуть монастырю не выданные за прошлые месяцы кормовые деньги на Кальнишевского в указном размере и впредь производить выдачу их из Вологодской казенной палаты из доходов Вологодского наместничества.

В монастыре Кальнишевскому выдавали «указноположенное жалование» в конце каждого месяца за прожитое время.

В ЦГАДА сохранилась «Тетрадь, данная конторой монастырского правления казначею иеромонаху Иоанну, для записи выдачи кормовых денег бывшему Сечи Запорожской кошевому Петру Кальнишевскому». Из дела видно, что один из караульных солдат аккуратно, раз в месяц, получал у монастырского казначея деньги на содержание охраняемого арестанта, по одному рублю на сутки, выдавал расписку казначею и по заказу узника покупал ему пищу.

Следует отметить, что Кальнишевский получал солидный по тому времени «оклад» и не испытывал материальных затруднений.

¹ Колчин М. Указ, соч., стр. 9–10.

² ЦГАДА, ф. 1201, оп. 2, ч. I, 1779, д. 949, л. 1.

³ ЦГАДА, ф. 1201, оп. 2, ч. 2, д. 1926, л. 10 и оп. 5, ч 2, 1790, д. 5487, л. 3.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 57, 1776, д. 234а, л. 48.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 57, 1776, д. 234а, л. 34 об.–35.

Во второй половине XVIII века казна выплачивала монастырю на каждого колодника, зачисленного на монашеское довольствие, по 9 рублей в год. Следовательно, рубль Кальнишевского превосходил более чем в 40 раз обычную норму содержания колодника. Из таких ассигнований Кальнишевский мог выделить средства на текущий и капитальный ремонт «своего» каземата, мог сделать накопления на «черный день». Известно, что на память о себе Кальнишевский оставил монастырю богатое евангелие (работы московских мастеров) весом более 34 фунтов и стоимостью 2435 рублей, о чем охотно повествуют соловецкие настоятели¹.

В каменном мешке Головленковой тюрьмы, описание которого приводилось, Кальнишевский провел 16 лет, после чего ему отвели более «комфортабельную» одиночную камеру рядом с поварней, где он просидел взаперти еще 9 лет.

Указом Александра I от 2 апреля 1801 года бывшему кошевому было «даровано прощение» и право по своему желанию выбрать место жительства. Петру Кальнишевскому было тогда ровно 110 лет, из них последнюю четверть века он маялся в одиночных казематах монастырских застенков. Несмотря на такое длительное заключение, Кальнишевский не потерял рассудка. Нельзя не признать, что это была поистине богатырская, сказочная натура, настоящий запорожский дуб! Но вечный полумрак казематов сделал свое дело: Кальнишевский совершенно ослеп.

П. Кальнишевский не мог воспользоваться «даром» нового тирана. 7 июня 1801 года амнистированный атаман пишет письмо архангельскому гражданскому губернатору Мезенцову, в котором благодарит правительство за запоздалые щедроты и просит разрешить ему «в обители сей ожидать со спокойным духом приближающегося конца своей жизни». Это решение Кальнишевский не без юмора обосновывает тем, что за 25-летнее время пребывания в тюрьме к монастырю он «привык совершенно», а свободой сейчас «и здесь наслаждается в полной мере»². Но чтобы провести на воле «остаток дней безбедно», освобожденный просит сохранить за ним арестантское денежное довольствие – по рублю на день.

Царь удовлетворил названные просьбы кошевого. 17 августа 1801 года соловецкий архимандрит сообщил Мезенцову, что Кальнишевский принял «милости с достойным нижайшим благодарением». Но свободой «наслаждался» Кальнишевский недолго. В 1803 году он скончался.

Могила Кальнишевского находится на главном дворе Соловецкого кремля перед Преображенским, собором, рядом с могилой Петра Толстого. До сих пор на ней лежит надгробная плита из серого отполированного гранита, «украшенная» ханжеской эпитафией, составленной монахами: «Здесь погребено тело в бозе почившего кошевого бывшей некогда Запорожской грозной Сечи казаков атамана Петра Кальнишевского, сосланного в сию обитель по высочайшему повелению в 1776 году на смирение. Он в 1801 году, по высочайшему же повелению, снова был освобожден, но уже сам не пожелал оставить обитель, в коей обрел душевное спокойствие смиренного христианина, искренно познавшего свои вины. Скончался 1803 года, октября 31 дня, в субботу, 112 лет от роду, смертью благочестивою, доброю».

М. Колчин передает услышанную им в монастыре легенду о Кальнишевском. После длительного заключения кошевого вдруг якобы выяснилось, что узник – невинный страдалец. Поэтому царь, освободив его, захотел хоть чем-нибудь вознаградить атамана казаков за перенесенные муки и велел спросить у него, чего он хочет себе в награду.

– Стар я стал, – отвечал Кальнишевский, – мирские почести меня не прельщают, богатство мне не нужно, не прожить мне и того, что у меня есть, одна у меня забота: приготовить себя к будущей жизни, а нигде я этого не сделаю так хорошо, как в сей святой обители; поэтому первая моя просьба дозволить мне дожить свой век в Соловках, а вторая просьба, если царь-батюшка хочет меня пожаловать, пусть он прикажет выстроить для преступников на-

¹ Мелетий. Историческое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1881, стр. 127.

² ЦГАДА, фонд госархива, разряд 7, оп. 2, 1767, д. 2234, л. 6, 6 об., 7; ГААО, ф. 1, оп. 3, 1801, д. 271, л. 16, 16 об.

стоящую тюрьму, чтобы они не маялись, как я, в душных казематах крепости¹.

Этот вымышленный диалог обошел работы исследователей, проник в периодическую печать², превратился в быль, которой объясняется новый тур строительства тюремных помещений в Соловках, предпринятый в начале XIX века.

Предание, записанное Колчиным, не имеет под софой абсолютно никакого реального основания.

П. Кальнишевский явился жертвой национально-колониальной политики царизма. Он оказался без вины виноватым.

Если верить легенде, то можно подумать, что Александр I осудил деспотизм своей «венценосной бабки» и извинился перед Кальнишевским. Этого не было. Царь не чувствовал угрызений совести. В деле Кальнишевского Александр I сохранил верность обещанию, данному в программном манифесте 12 марта 1801 года: поступать «но законам и по сердцу» Екатерины.

В мартовской за 1801 год ведомости соловецких арестантов, которую монастырь представил в столицу, против имени Кальнишевского выведено одно слово «прощен». Какое лицемерие! Жаль, что в ведомости не пояснено, какие «преступления» Кальнишевского преданы забвению, но нам известно, почему он был выпущен из темницы именно в 1801 году.

Указом от 2 апреля 1801 года была упразднена Тайная экспедиция и освобождены многие узники, содержащиеся по ее ведомству³. Этот жест должен был засвидетельствовать либеральный курс правительства Александра I.

Указу 2 апреля предшествовала проверка списков колодников, содержащихся в различных местах заключения. Архангельский губернатор Мезенцов в числе прочих начальников губерний представил на рассмотрение правительства именной список арестантов, находящихся в Соловецком монастыре, в городе Кемь и в Архангельске. При этом правительство нашло возможным выпустить из соловецкой тюрьмы двух заключенных – А. Еленского и П. Кальнишевского. Последний не внушал более никаких опасений, и царь не хотел упустить случая продемонстрировать свое «человеколюбие».

* * *

Тюремное население Соловков в результате ликвидации Тайной экспедиции не сократилось, как это ни странно, а, наоборот, увеличилось. Произошло это из-за хитроумной комбинации: царизм разгрузил тюрьмы центра страны и переместил часть сидевших в них секретных арестантов в окраинные монастыри. «Освобождение» узников, содержащихся по ведомству Тайной экспедиции, превратилось в фикцию, но находящиеся под боком столицы места заключения освободились.

Условия содержания арестантов на Соловках в XIX веке в основном остались прежними, хотя несколько изменился состав заключенных и был выстроен для них особый тюремный корпус.

Глава третья

ТЮРЬМА СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ В XIX ВЕКЕ, ЕЕ РЕЖИМ И УЗНИКИ

До XIX века на Соловках не было специального тюремного здания. Колодников размещали в земляных ямах, в казематах крепостной стены и башен. Разбросанность арестантских помещений требовала многочисленной стражи и не позволяла выработать единую систему охраны заключенных. Эти неудобства заставили монахов еще в конце XVIII века подумать о возможности перестройки отдельных зданий, имевшихся в монастыре, под арестантские помещения.

В 1798 году под острог приспособили подвальный этаж каменной иконописной «пала-

¹ Колчин М. Указ соч., стр. 10–11.

² Пругавин А. С. Указ, соч., стр. 87; газета «Правда Севера» от 6 января 1961 г.

³ ЦГАДА, фонд госархива, разряд 7, оп. 2, 1801, д. 3640 («Дело об уничтожении Тайной экспедиции и освобождении лиц, содержащихся по ведомству ея»).

ты». Это было старинное (построено в 1615 году) двухэтажное мрачное и холодное здание, находившееся в северо-западном секторе монастыря по соседству с Корожанской башней с ее жуткими земляными тюрьмами. Для начала там оборудовали 11 тюремных казематов или, как принято было их называть, арестантских чуланов.

Рост классовой борьбы в первые десятилетия XIX века и начало революционного движения в стране потребовали дальнейшего расширения как светских, так и монастырских мест заключения. Особые виды правительство Николая I имело на соловецкую тюрьму. Из секретных дел Центрального государственного военно-исторического архива мы узнаем, что царь намеревался упрятать туда декабристов.

Ранней весной 1826 года начальник главного штаба генерал Дибич передал архангельскому, вологодскому и олонекскому генерал-губернатору Миницкому «высочайшую волю»: «Как только что откроется судоходство по Белому морю, отправились бы в Соловецкий монастырь вместе с комендантом Новодвинской Архангельской крепости инженер-полковником Степановым и, осмотрев тогда сей монастырь, составили бы предположение, сколько можно будет в оном поместить арестантов **офицерского звания** (подчеркнуто нами. – Г. Ф.) и какое нужно сделать для сего устройство, недорогое, но удобное»¹.

Под арестантами «офицерского звания» имелись в виду декабристы, находившиеся в то время под следствием.

4 июня 1826 года Миницкий, Степанов и новый игумен Досифей осмотрели Соловецкий монастырь и все его постройки, определили дома, которые можно было, по их мнению, превратить в тюремные помещения для арестантов «офицерского звания».

Все это было доложено Николаю I. Царь одобрил предложения Миницкого о перестройке под тюрьму уже используемого для этой цели двухэтажного здания бывшей иконописной «палаты», но потребовал «дом отделать так, чтоб арестанты сидели не вместе, а поодиночке». Полное понимание царя встретило предложение Миницкого отделить тюремный замок от остальных монастырских зданий кирпичной стеной.

Не остались без внимания и соображения, высказанные губернатором, о необходимости определить и уточнить права и обязанности командира соловецкого военного отряда. Об этом свидетельствует поручение, данное Николаем 30 октября 1826 года коменданту Петропавловской крепости Сукину, составить инструкцию для начальника соловецкой воинской команды «как о должности его, так и о наблюдении за находящимися там арестантами».

С лета 1826 года осужденных на каторгу декабристов стали партиями отправлять в Сибирь. Надобность в соловецких застенках отпала. Из участников первого революционного выступления в России только один А. С. Горожанский был замучен на Соловках.

4 июня 1827 года на справке об устройстве в Соловецком монастыре одиночных камер для арестантов-офицеров дежурный генерал главного штаба наложил резолюцию: «По ненамеченной надобности в предполагаемой перестройке высочайше повелено дело сие оставить без дальнейшего производства».

Архангельские и соловецкие власти не были своевременно поставлены в известность об изменившихся планах правительства в отношении места ссылки декабристов. Поэтому внутренняя перестройка бывшей иконописной «палаты» и приспособление ее под тюремное здание шли полным ходом. Монахи торопились. В 1828 году под арестантское жильё переоборудовали второй этаж этого здания, где было устроено 16 одноместных чуланов. Камеры второго этажа были несколько светлее и суше камер первого этажа. За год до этого, в 1827 году, перестроили под казарму для караульного офицера и солдат бывший кладовый каменный двухэтажный корпус, примыкавший к острогу. Во втором этаже дома отделали четыре комнаты для штаб-офицера, там же находились кладовая и другие служебные помещения. В первом этаже устроили солдатскую казарму с канцелярией, складом и другими службами, но солдаты не были выведены в этот дом и по-прежнему размещались в коридорах и в комнате второго этажа острога.

Тюремный «городок», раскинувшийся внутри кремля, отгородили со всех четырех сто-

¹ ЦГВИА, ф. 36, оп. 6, связка 47, 1826–1830, д. 98, л. 6 и 152.

рон от монастырского двора. С севера и запада его окружали крепостные стены, пересекавшиеся в северо-западном углу круглой Корожанской, или Арестантской, башней. Чтобы скрыть тюрьму от посторонних глаз, ограду напротив арестантского помещения довели до уровня кровли тюремного дома и заделали в ней все амбразуры. С восточной стороны тюремный участок закрывался монастырским домом и двухэтажным зданием, переделанным под квартиру для офицера и рядовых. Между этими корпусами находились «створчатые обшивные деревянные ворота, выкрашенные на масле». Только с южной стороны имелся выход на монастырский двор. Он был закрыт специально возведенной высокой кирпичной стеной на каменном фундаменте. За все эти переделки, перестройки и ремонтные работы правительство уплатило монастырю 8516 рублей 98 копеек.

До нас дошло официальное описание Соловецкого тюремного замка. Оно было составлено 24 сентября 1830 года. Поскольку это единственный в своем роде документ, извлечем из него отдельные цифровые данные, дающие некоторое представление о новой тюрьме. В большом двухэтажном корпусе, разгороженном каменными простенками, находилось 27 камер. В здании помещались нижние чины караульной команды, охранявшие заключенных. Во всем доме с сенями было 39 окон, 32 двери «на железных петлях с засовами и висячими замками», 4 больших печи «с дверцами и вьюшками», над всеми чуланами «над дверьми железные решетки», в камерах – дощатые полы. Из акта видно, что число окон в тюрьме на 12 превышало количество казематов, нужно полагать, что они приходились на подсобные помещения. Отверстия со вставленными железными решетками над дверями чуланов предназначались для вентиляции и притока теплого воздуха, поскольку 27 чуланов обогревались четырьмя печами.

Чуланы были сырые и полутемные, особенно в первом этаже. Здание тюрьмы не прогревалось даже в летнее время. Среди заключенных свирепствовали заболевания. Арестант Е. Котельников писал в 1828 году, что он «изнемог от простудной осыпи». Тройные рамы с двойными решетками преграждали доступ в камеры дневному свету. Мебель страдальцев была убогой: скамейка вместо кровати, покрытая войлоком, и подушка, набитая соломой.

Число арестантов всегда превышало количество казематов. Поэтому теснота в темнице была невероятная. Это заставляло бить тревогу даже такого свирепого тюремщика, как архимандрит Досифей Немчинов. 9 сентября 1830 года соловецкий архипастырь направил обер-прокурору синода письмо такого содержания: «Долгом почитаю вашему сиятельству почтеннейше донести, что в Соловецком монастыре арестантов по сие число находится 44 человека да еще ожидается в присылку двое, с коими составит 46, и может быть еще вновь между тем какие-либо пришлются. Чуланов же арестантских состоит 27; из них 16 чуланов в верхнем жилье по малости своей – в длину 3 аршина, а в ширину 2 – не могут вмещать в себе более одного человека, а затем все прочие арестанты помещаются по нужде в 11 чуланах нижнего жилья (хотя и сии немного просторнее первых) по двое и более, ибо один арестант сумасшедший тут содержится один. Сие обстоятельство от неимения для них места крайне озабочивает меня между прочим и потому, что от такого стеснения их легко могут произойти болезни по причине здешнего и без того уже тяжелого климата ко вреду не только их, но и караульных, и прочих здоровых людей, имеющих по надобностям законным быть в остроге. А как присылка арестантов из разных мест умножается, при том делается и прямо через г. генерал-адъютанта Бенкендорфа... то осмеливаюсь ваше сиятельство просить всепокорнейше, не благоугодно ли будет о неимении более мест, где содержать арестантов, довести до сведения Бенкендорфа или другого какого места по принадлежности, дабы приостановить присылку сюда арестантов, так как их совершенно негде уже будет поместить»¹.

К числу истинных причин, заставивших архимандрита написать приведенное письмо, относится и то, что в 1830–1831 годах в прибрежных пунктах Беломорья – в Архангельске, в Онеге и в Кеми с уездами – бушевала холерная эпидемия. Настоятель опасался, как бы болезнь не перекинулась на острова. Поэтому он предложил дать арестантам «роздых от претерпеваемого ими изнурительного стеснения». Этим Досифей думал не столько облегчить участь арестантов, сколько уберечь от болезней и смерти себя и братию.

¹ ЦГИАЛ, ф. 797, оп. 3, 1830, д. 12902, л. 1–1 об.

Если в 1830 году после заселения 16 камер верхнего этажа острога арестантов сажали по двое и более в один чулан, то можно себе представить их прежнее положение. До 1828 года, когда в остроге было всего лишь 11 камер, арестантов, по свидетельству губернатора, размещали «в одном покое по 2, по 3 и по 4 человека»

Арестантов-новичков казематы приводили в отчаяние. Рассказывают, что когда штабс-капитана Щеголева, присланного на Соловки в 1826 году за какое-то «духовное преступление», привели в чулан, он заявил караульному офицеру, что «разобьет себе голову об стену», если его долго будут держать здесь.

Положение арестантов соловецкой тюрьмы усугублялось еще и тем, что в здании острога жили караульные солдаты. Помещением для них служили коридоры между камерами арестантов и комната второго этажа. Власти не придавали значения частым столкновениям солдат с арестантами до тех пор, пока не случилось одно чрезвычайное происшествие. 9 мая 1833 года декабрист Горожанский в припадке сумасшествия убил часового. Этот случай заставил правительство обратить внимание на положение соловецких заточников.

В 1835 году для ревизии соловецкого острога был командирован из Петербурга подполковник корпуса жандармов Озерецковский. Жандармский офицер, видевший всякие картины тюремного быта, вынужден был признать, что монахи переусердствовали в своем тюремном рвении. Положение арестантов Соловецкого монастыря он определил как «весьма тяжкое». Комиссия установила, что некоторые из арестантов «искренно раскаиваются в своих проступках и что многие арестанты несут наказание, весьма превышающее меру вины их»¹.

Такие выводы были доложены царю. После этого Николай I отменил прежний порядок ссылки в Соловки. Как уже отмечалось, до XVIII века этим правом пользовались, кроме царя, патриарх, митрополиты, епископы, а позднее ссыльных стали отправлять в монастырь по резолюциям синода и распоряжениям тайной розыскных дел канцелярии. С 1835 года высылать в Соловецкий монастырь можно было не иначе, как только «по высочайшему повелению». Местное духовенство через епархиальное начальство возбуждало ходатайство о ссылке того или иного человека в Соловки. Дело доводилось до обер-прокурора синода, тот докладывал царю, последний принимал решение. Изменено было положение находившихся на Соловках арестантов: 7 человек были освобождены из заключения, а 15 определены рядовыми на военную службу.

После ревизии Озерецковского арестантское отделение Соловков опустело, но продолжалось это недолго. С 1836 года камеры стали опять заполняться.

В 1836 году соловецкий игумен Иларий поставил перед синодом вопрос о выводе из тюремного здания стражи. Свою просьбу старец обосновывал тем, что в остроге караульной команде «быть неприлично, при том беспокойно и утеснительно для нее». Синод согласился с этими доводами. К 1838 году на арестантском дворе построили новое двухэтажное здание казармы, в которое вывели из острога инвалидную команду. Остались там только часовые.

В 1838 году неофициальный визит на Соловки нанес бывший когда-то декабристом архангельский гражданский губернатор А.Н. Муравьев. Как экскурсант он осмотрел на острове «тамошние древности и библиотеку», а также острог. Тюрьма произвела на Муравьева удручающее впечатление. Губернатор предложил построить для арестантов на монастырском дворе особый флигель и тем «сделать несчастным такое необходимое облегчение». Соловецкий архимандрит забаллотировал это предложение и со своей стороны выдвинул идею расширения «теперешнего арестантского здания», что было бы, по его мнению, «и дешевле особаго флигеля и гораздо удобнее»². Синод одобрил инициативу настоятеля.

К 1841–1842 годам по проекту архитектора Щедрина здание соловецкой тюрьмы было увеличено надстройкой третьего этажа, что дало еще 9 камер, но сделало острожный дом выше крепостной стены.

Игумен Иларий не щадил розовых красок, когда перечислял «удобства» выстроенного им острога. Камеры темницы он называл «комнатами», не лишенными домашнего уюта. Как достижение отмечал то, что «всякий содержащийся имеет необходимую единообразную ме-

¹ ЦГИАЛ, ф. 797, оп. 5, 1835, д. 21151, л. 64.

² ЦГИАЛ, ф. 797, оп. 4, д. 15909, л. 22 об., 25 об., 64 об. и 65.

бель, вещи и даже единообразную недавно мною устроенную одежду».

Описывая «прелести» тюремного замка, архимандрит говорит, что ужас перед Соловками исчез якобы при Николае I: «Давно не слышно здесь звука цепей, нет страшных подземельев и погребов, где страдало человечество, где наказывалась злоба и пороки, а нередко и невинность. Это несчастное время осталось теперь только в воспоминании нашем и время просвещения изгладило уже следы его».

Однако в рассуждениях архимандрита есть одна неточность. Он настоящее соловецкой тюрьмы называет ее прошлым. Сам факт существования огромной трехэтажной гробницы на Соловках в XIX веке свидетельствовал о том, что «несчастное время» не миновало, что порядки инквизиционных времен не канули в Лету.

Даже в середине 70-х годов соловецкая тюрьма производила на путешественников отвратительное впечатление. «Эта сырая каменная масса внутри сырой каменной стены переносит разом за несколько веков назад», – говорил о тюрьме Вас. Ив. Немирович-Данченко, брат известного театрального деятеля. Писателя охватил «суеверный страх», когда он вошел внутрь тюрьмы: «Узкая щель без света тянулась довольно далеко. Одна стена ее глухая, в другой – несколько дверей с окошечками. За этими дверями мрачные, потрясающе мрачные темничные кельи. В каждой окно. В окне по три рамы, и между ними две решетки. Все это прозеленело, прокопчено, прогнило, почернело. День не бросит сюда ни одного луча света. Вечные сумерки, вечное молчание. Я вошел в одну из пустых келий. На меня пахло мраком и задушающею смрадною сыростью подвала. Точно я был на дне холодного и глубокого колодезя»¹.

В режиме соловецкой тюрьмы заметных изменений в XIX веке не произошло. Верно, что исчезли пытки, забыты были батоги, шелепы, плети и «нешадное битье» колодников, но сохранились цепи, веревки, ручные и ножные кандалы, избивание арестантов и «смирение» их голодом, чего не было даже в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях. Втихомолку использовались старые, уже известные читателю, внутрстенные казематы и каменные мешки Корожанской и Головленковой башен, темные клетки на Анзерском скиту, а также земляные тюрьмы.

В XIX веке, как и в XVIII, на Соловки обыкновенно ссылали людей без указания срока или с пометкой «навсегда». Этим объясняется длительность пребывания многих арестантов в тюрьме и устойчивый состав ссыльных.

Есаул войска донского Евлампий Котельников «за распространение вредных толков о вере и богопротивные деяния» просидел в тюрьме 28 лет! Крестьянин графа Головкина Антон Дмитриев «за оскотление себя и своего господина» провел в монастыре 62 года – с 1818 по 1880, из них 48 лет он маялся в одиночном заключении. Но, оказывается, и это не предел. Своеобразный рекорд установил «вечный узник» крестьянин Вятской губернии Семен Шубин. За старообрядчество и «произношение на святые дары и святую церковь богохульных слов» его мучили заключением целых 63 года – с 1812 по 1875.

В отличие от прежних времен в XIX веке среди присылаемых на Соловки ничтожно малое число поступало на поселение среди братии. Абсолютное большинство прибывало в арестантское отделение, то есть в тюрьму, часто с припиской «в черные монастырские работы» или «в монастырские работы вместо штатного (платного.– Г. Ф.) служителя, но под воинской стражей». Иными словами, в XIX веке в монастыре сохранялся каторжный труд, в том числе и детский.

Так, например, 11 июня 1829 года в соловецкую тюрьму заключили 10-летнего «казацкого сына» Ивана Панасенко за убийство им восьмимесячной крестьянской дочери. Велено было содержать ребенка 15 лет в тюрьме «под крепким караулом с употреблением во всякие монастырские тяжелые работы», а после окончания срока «водворить его на местожительство, где по ревизии записанным состоит»². Едва ли можно сомневаться в том, что девочка была убита по неосторожности, случайно. Тем не менее неумышленный убийца был заключен в тюрьму и пробыл в ней 6 лет. Только после ревизии Озерецковского его сдали в солдаты.

¹ Немирович-Данченко Вас. Ив. Беломорье и Соловки. Воспоминания и рассказы. Изд. 4-е, Киев, 1892, стр. 259.

² ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 115, 1834, д. 1063, л. 2–16.

На такой же срок был сослан в 1814 году в Соловецкий монастырь 11–13-летний грузинский крепостной мальчик Симонике Ломатадзе за участие в убийстве помещика Шнеля¹.

О характере и тяжести монастырских каторжных работ говорит положение штатных монастырских служителей².

В июне и в сентябре 1834 года на имя царя поступили две коллективные жалобы штатных монастырских служителей, рисующие яркую картину подневольного труда и бесправия приписанных к «святой обители» крестьян.

Штатные служители писали, что работают они в монастыре вдали от своих сел, «по 30 и по 40 с лишком годов, то есть до самого изнеможения». Домой на побывку их отпускали через три – пять лет партиями по четыре-пять человек и то лишь в зимнее время, когда они не могли помочь семьям по хозяйству, от чего последнее терпело нужду и разорялось. Даже на женитьбу служителя требовалось согласие архимандрита. Дети рабочих, достигшие совершеннолетнего возраста, поступали в распоряжение монастыря и должны были вместе с отцами впрягаться в каторжный труд на братию. В летнее время служители работали с 3 часов утра до 9 часов вечера. Работы были «чрезмерно отяготительны, а при том несоответственны по скудно поставляемой пище». Не освобождали крестьян от работ и зимой, в морозы и пургу. Даже в праздничные дни гнули спину на дом «святых угодников» Зосимы и Савватия, а потому у служителей не было свободного времени «для починки платья и обуви». За невыполнение дневной нормы выработки служителей наказывали. За каждый пропущенный по болезни день удерживали по 30 копеек из 40–70 рублевого годового жалованья!

Рассказав о своих «крайних и несносных нуждах и бедствиях», крестьяне просили определить, сколько лет они должны работать на монастырь, по сколько часов в сутки, назвать праздничные дни и указать, «сколько на обед полагать свободы»³.

Зверская эксплуатация монастырских тружеников была столь очевидной, что пришлось синоду заслушать 17 июня 1835 года дело «о долговременных и отяготительных работах служителей». Решили рекомендовать соловецкому архимандриту поступать со служителями «с большей умеренностью и внимательным попечением», чтобы не доводить их «до ропота и жалоб».

Призывы к благоразумию и воздержанию от излишеств не доходили до монахов. Наоборот, усмотрев в жалобе рабочих «восстание против своего начальства», старцы начали мстить служителям. 1 ноября 1835 года те же крестьяне жаловались в синод на то, что после их писем в столицу «последовали со стороны господина архимандрита крайние стеснения и обида».

В эпоху «великих реформ» и в последующие годы монахи эксплуатировали даровой труд богомольцев, работников по обещанию, и вольнонаемных.

Эксплуатация «свободных» людей была столь жестокой и обращение с ними таким варварским, что даже архангельский губернатор Гагарин вынужден был 13 декабря 1867 года обратиться к министру внутренних дел с письмом, в котором потребовал ликвидации автономии островов и подчинения их общему полицейскому надзору. Губернатор назвал известные ему факты вопиющего насилия монахов над богомольцами.

Двух богомольцев, заподозренных в краже вещей на Соловецком подворье, монахи едва не замучили до смерти. Один из них «был привязан к столбу среди двора таким образом, что едва касался земли ногами, все тело его вытянулось, кисти стянутых назад рук почернели от натиска крови», а другой «был на ночь притянут к оконной решетке также руками назад». Мучители остались безнаказанными: «Дело кончилось уверением, что такие истязания не повторятся, что позорный столб снят и что монах-каратель лишен рясофора»⁴. Если таковы были условия жизни и работы штатных служителей и богомольцев, то положение арестан-

¹ ЦГИАЛ, ф. 797, оп. 2, 1815, д. 5540, л. 85 об. В купчей помещика год рождения Симонике Ломатадзе не был указан. На суде мальчик сказал, что ему 11 лет, но врачи, осмотрев подростка, полагали, что ему около 14 лет.

² По штату 1764 года к Соловецкому монастырю было прикреплено 25 крестьян Кемского уезда. Они выполняли в монастыре различные работы: водили суда, заготавливали дрова и сено, плотничали и сапожничали.

³ ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 115, 1834, д. 1031, л. 11 и 16–16 об.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 797, оп. 4, д. 15909, л. 20 об.–21.

тов, присланных «в тяжкие труды под конвоем», не поддается описанию. Арестанты были бесправными людьми. Жаловаться на своих мучителей они не могли. Некоторые из заключенных предпочитали смерть каторжным работам и готовы были решиться на самоубийство.

Как и в предшествующие столетия, ссылали в Соловки в административном порядке, без суда и следствия, без указания вины арестанта. О причине ссылки обычно говорилось в общих словах «за соучастие в злоумышленном обществе», «за дерзкое порицание установленного государственными законами образа правления», «за раскольниковство», «за старообрядчество», «за отпадения от православия». Из сектантов только скопцов называли своим именем.

В XIX веке соловецкая тюрьма стояла по-прежнему вне контроля судебных и тюремных учреждений. Ею единолично распоряжался архимандрит, пользовавшийся комендантскими правами. Ему поручено было «личное за арестантами наблюдение»; он должен был требовать от караульного начальника выполнения возложенных на него обязанностей по охране тюрьмы и заключенных. Штаб-офицер подчинялся игумену и содержал арестантов по инструкции, которую давал ему комендант крепости и острога. Караульный офицер обязан был каждое утро являться к архимандриту и рапортовать о состоянии арестантов. Осуществлять тюремные функции игумену помогала старшая братия, которая, по словам архангельского губернатора, получила значение «обособленной и безответственной в отношении к арестантам власти».

Строгость режима во многом зависела от характера и нрава начальника тюрьмы. При менее жестоких настоятелях с постройкой здания острога несколько улучшились условия жизни заключенных. Рядовых арестантов запирали в камерах только на ночь, а днем они свободно выходили в коридор, и там разгорались жаркие религиозные диспуты, нередко перераставшие в рукопашные схватки. Солдатам приходилось разнимать фанатиков. Но бывало, что и солдаты принимали участие в дискуссиях. В летописях монастыря отмечены случаи, когда закоренелые «еретики» совращали даже иноков в раскол и скопчество. Поэтому архимандриты с большой осторожностью прикрепляли монахов к арестантам-сектантам для бесед и увещаний. Арестантам разрешалось ходить по очереди на монастырскую кухню за пищей, совершать прогулки по тюремному двору, ходить на монастырский двор за водой и дровами. Правда, все это дозволялось только в зимнее время, когда в монастыре не было богомольцев.

Известно, с каким нетерпением жители севера ждут лета, солнца и тепла. Соловецким арестантам летние месяцы не приносили радости. С приходом из Архангельска первого корабля их загоняли в чуланы и накрепко закрывали на весь период навигации. До ухода последнего судна заключенных не выпускали за ворота тюрьмы. Монахи боялись встреч ссыльных с богомольцами, опасались побегов и разглашения тайны, которая окутывала соловецкую тюрьму и все, что творилось в ее «благочестивых» стенах.

Писатель С. Максимов, посетивший Соловки в июле 1856 года, рассказывает, что монахи охотно показывали монастырское хозяйство, но посетить тюрьму и навестить своего земляка известного беспоповца Популина ему не разрешили, хотя путешественник имел официальную бумагу, предлагавшую оказывать ему возможное содействие. Подгулявший караульный офицер доверительно сообщил писателю, что он не знает ни имен, ни фамилий заключенных, а знает только номера их. По приметам, переданным С. Максимовым, удалось установить, что Популин под № 13 «летней порой сидит в чулане безвыходно»¹.

В таких условиях жили арестанты при «гуманном» игумене Александре через год после отражения вражеского нападения на монастырь, во время которого «они с самоотвержением действовали против неприятеля».

Крутые и строгие настоятели, а таких было подавляющее большинство, летний режим распространяли на зимние месяцы и держали несчастных круглый год взаперти. Камеры днем и ночью были на замке. Ссыльный священник Лавровский так описывает порядки, царившие на Соловках в начале 30-х годов: «...Тюрьма сия действительно была игом несносным. В каждом чулане, всегда почти запертом, трех аршин длиною, в два аршина с двумя-

¹ Максимов С. В. Год на Севере. Собр. соч. Изд. 3-е. т. 8, ч. 1. Спб. (1908), стр. 207.

тремя вершками шириною, находилось по два арестанта; между двух коек был проход только для одного узника; рамы не имели форточек, от чего воздух стесненный делался удушьяющим, и одно милосердие божие спасало страдальцев. Для исполнения естественной нужды не позволялось выходить в нужное место, куда однажды только в сутки выносили арестанты из чуланов свои судна для очищения»¹.

До каких невероятных пределов доходил произвол архимандрита свидетельствует случай, происшедший с магистром богословия Серафимом, присланным на Соловки в середине 70-х годов на жительство среди братии. Причина ссылки Серафима достоверно неизвестна. Но не в этом дело. Как образованный и умный человек, магистр богословия стал вникать в жизнь монашеской общины и свои наблюдения оформлять в виде корреспонденции, которые направлял, минуя монастырскую цензуру, в столичные газеты. В статьях Серафима содержались критические замечания в адрес хозяев монастыря.

В летнее время опальный иеромонах встречался с приезжавшими на остров паломниками, вел с ними откровенные разговоры о монашеской жизни, переправлял на большую землю свои заметки. Все это, естественно, не нравилось братии. Архимандрит Мелетий попросил у синода разрешения применить к Серафиму более строгий режим. Синод посоветовал усилить наблюдение за ссыльным и взять с него расписку о том, что он впредь не будет встречаться с богомольцами. Соловецкий настоятель истолковал эти рекомендации по-своему. Он оборудовал в нижнем этаже игуменского корпуса маленькую келью, куда четверо дюжих хлебопеков насильно затолкали Серафима, жестоко избив его при этом. Каземат Серафима заперли на замок. Пищу узнику подавали через маленькое окошечко во внутренней двери. В этой кутузке магистра богословия продержали шесть зимних месяцев без огня, в полной темноте, несмотря на абсолютную неосновательность его заточения. В течение всей долгой полярной ночи узника никуда не выпускали из каземата и к нему никого не пускали. Серафиму не давали ни бумаги, ни чернил, ни книг. Только в мае 1884 года Серафима перевели на жительство в Архангельский монастырь.

М.А. Колчин, бывший в то время монастырским фельдшером, рассказывает, что на второй день заключения Серафима ему удалось разговаривать с ним через маленькое отверстие в двери. М. Колчин видел через форточку опухшую от побоев шею узника и выслушал его просьбы: «Если я не вынесу этого заключения и умру здесь, то передайте миру все то, что со мной проделали. Пусть знают, что инквизиторы еще не перевелись. Соловецкий настоятель ставит себя выше закона и для произвола его нет границ». Колчин выполнил просьбу магистра богословия².

Пищей, одеждой и обувью монастырь обязан был обеспечивать арестантов за выдаваемые на них казной деньги³. В начале XIX века правительство выплачивало монастырю за каждого арестанта по 20 рублей в год, с 30 апреля 1811 года стало выдавать по 50 рублей в год, с 10 января 1820 года – по 120 рублей в год, с 23 июня 1835 года – по 160 рублей (48 рублей на серебро). В связи с ростом цен на продукты питания этих денег не хватало на одну пищу. В 30-е годы на трехразовое питание вольнонаемного работника монастырь расходовал 60 копеек в сутки (216 рублей в год). Поэтому в дополнение к государственному «жалованью» в монастыре была кружка «для христоролюбивого подаяния», и богомольцы охотно опускали в нее свои медяки, которые должны были идти на арестантские нужды. Должны были... но они не всегда попадали в арестантский котел.

Официально арестантам выдавали пищу, полагающуюся каждому иноку, монашескую порцию, а на самом деле они получали мизерный паек и влачили полуголодное существование: фунт черствого, заплесневелого хлеба на день, щи, рыба и каша, приготовленные из залежавшихся и недоброкачественных продуктов. Монахи бессовестно обворовывали ссыльных, наживались за счет страдальцев.

¹ ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., оп. 5, 1830, д. 284, ч. 2, л. 315 об. и 316.

² Колчин М. А. Указ, соч., стр. 153–156.

³ ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 131, 1850, д. 1295, л. 2. Отдельным именованным ссыльным назначался персональный оклад и деньги выдавались на руки.

В 1820 году заключенные попросили выдавать им на руки по 7 рублей в месяц из определенных на содержание их 120 рублей в год и делить между ними милостыню, вынимаемую из кружки. За эти деньги арестанты хотели через караульного унтер-офицера сами покупать себе пищу. Оставшиеся деньги – по 3 рубля на человека в год – просили употребить на платье и посуду. Архимандрит запросил столицу. Оттуда ответили отказом.

Ссылные продолжали терпеть нужду в питании и в одежде. Уже известный нам Лавровский рассказывал: «Пища доставлялась убогая, арестанты восхищались от радости, когда им изредка приносим был мягкий хлеб. В продолжительные здешние зимние ночи узникам не позволялось при огне и отужинать, посему, держа только перед лицом чашку, ощупью употребляли они пищу. Но всех прискорбий тогдашнего содержания в нынешнем моем положении¹ и объяснить неможно, дабы и самое истинное описание утеснений не вменено мне было в новое преступление».

Узники соловецкой тюрьмы подвергались не только физическим, но и нравственным утеснениям. Часто в одиночную камеру архимандриты помещали двух-трех арестантов, принадлежавших к различным сектам и ненавидевших друг друга за это. Так, архимандрит Досифей вселил в камеру основателя секты духоносцев Евлампия Котельникова сектантов другого рода, которых «хозяин» чулана считал «богохульниками еретиками», ниспосланными самим сатаною «для досады слуха и мучения сердца». Котельников признает, что «сие внутреннее мучение было мне несноснее телесной болезни, от которой я страдал в изнеможении сил»².

Совместное пребывание в одной камере арестантов враждебных религиозных взглядов игумены применяли как исправительную меру, наставляющую «отступников» на путь истинной веры. Из представителей разных сект, помещенных в одну камеру, архимандриты приобретали чутких осведомителей. Это вело к усилению шпионажа в тюрьме.

Другой тяжелой стороной режима монастырского острога на Соловках было совместное содержание психически здоровых и умалишенных арестантов. Многие узники от длительного пребывания в одиночках теряли рассудок. Некоторые прибывали на Соловки в расстроенном уме. Между тем специальной больницы для душевнобольных на Соловках не было. Врачей и лекарств также не имелось. Умалишенных содержали под замком в одиночных камерах тюремного замка. Лечили их обычно голодом, неделями выдерживали «для лучшего восчувствования» на хлебе и воде.

Беспрестанные вопли, отчаянные крики, брань, песни, стоны и плач душевнобольных узников, озлобленных тюремной обстановкой, разносились по тюрьме и слышны были во всех камерах. Соловецкий острог в такие часы уподоблялся аду крошечному.

Буйно помешанные арестанты своим поведением выводили из душевного равновесия психически здоровых людей. Соловецкий настоятель сообщал в синод, что один душевнобольной арестант (Федор Рабочий) «непрестанно почти кричит, все ломает: окно, полы, двери, скамейку, на чем спит, даже всякую посуду с пищею, ибо особенно для него делают оную...» Другой душевнобольной (Петр Потапов) «своим криком и стуком в сильном умалишенном положении даже на всех караульных наводит страх». Уж если на часовых арестант «наводил страх», то как могли чувствовать себя замурованные «навсегда» здоровые узники! Неудивительно, что некоторые из них разделили участь Рабочего и Потапова.

Состав заключенных в соловецкую тюрьму в XIX веке был необычайно разношерстным. В остроге перебивали рабочие и крестьяне, лица духовного звания и чиновники, солдаты и офицеры... Столь же пестрым был и национальный состав: русские, украинцы, грузины, иноземцы.

Как и в былые времена, в XIX веке не существовало никакого наставления, никакой инструкции, которая бы называла проступки и преступления, наказуемые заключением в монастырские тюрьмы. Поэтому преступления, которые карались заточением в соловецкий острог, были самыми разнообразными как по характеру, так и по тяжести, хотя в монастырскую тюрьму должны были бы заключать за преступления против церкви и религии.

¹ Лавровский вспоминал об этом, когда был выпущен из тюрьмы и находился на поселении среди братии.

² ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., оп. 8, 1826, д. 1, л. 294.

На Соловки присылали на смирение «за дерзкие и буйные поступки» отчаянных скандалистов и дебоширов; на исправление, по просьбе родителей, вышедших из повиновения непутевых сыновей. Духовные лица чаще всего попадали на Соловки «за неисправимую нетрезвость». Заключали в соловецкую тюрьму даже за такие «преступления», которые не подходили ни под одну из статей светского карательного кодекса. Так, 30 мая 1830 года на Соловки прибыл «под строгий надзор» иеромонах Тихвинского монастыря Иероним «за сварливый его нрав». Одно несомненно: подавляющее большинство арестантов соловецкой тюрьмы в XIX веке составляли лица, обвинявшиеся в религиозной неблагонадежности, придерживавшиеся и проповедовавшие религиозные учения, несогласные с православием или заподозренные в преступлениях против веры и церкви.

Берем первую попавшуюся в наши руки ведомость соловецких арестантов за 1834 год¹. В ней 46 фамилий. Среди них 30 человек заключены были в тюрьму по религиозным делам.

Особую категорию узников составляли лица, брошенные в соловецкую тюрьму за преступления смешанного религиозно-политического характера. Типичным представителем этой группы арестантов был отказавшийся от офицерского звания бывший хорунжий Оренбургского казачьего войска Василий Шулепов. Его прислали в тюрьму 12 октября 1830 года «за нелепое толкование священного писания и произнесение дерзких на счет российских государей и правительства выражений».

В. Шулепов с позиций старовера осуждал царей российских, которые «возлюбили вместо монастырей театры и трактиры». В найденных у Шулепова бумагах можно прочитать, что «гордые императора Петра I законы богопротивны, но царям ради славы и корысти угодны, и поныне царствуют», что «императрица Елизавета, так же как и Петр, по законам его судила, казнила и вешала без пощады своих подданных христиан». Российскую империю Шулепов называет «зверем, имеющим герб двухглавого орла», государственный герб – «печатью антихриста», действующие законы считает «богопротивными», а начальство «злым»². На Соловках Шулепов лишился рассудка и 19 мая 1833 года «волею божией помре», не раскаявшись.

Большой скандал произошел в монастыре в 1855 году, когда 13 арестантов по своим религиозным убеждениям отказались давать присягу на верность новому царю Александру II и его наследнику. Из них 7 человек после увещаний согласились присягнуть на древнем евангелии и старообрядческом кресте, а остальные 6 человек (Иосиф Дыбовский, Иван Голицын, лжеинок Серафим, Иван Бураков, Петр Воронин и Василий Занегин), «наиболее ожесточенные против православия и власти», решительно отклонили присягу. Синод понимал, что никакой физической силой не сломишь сопротивление фанатически убежденных в своей правоте людей, ненавидящих господствующую религию и власть, и предписал архимандриту Александру «духовными увещаниями убеждать их, чтобы исполнили сей священный долг»³.

Возвращаясь к рассмотрению упомянутой ведомости, устанавливаем, что в ней поименно названы арестанты, содержащиеся в соловецкой тюрьме по чисто политическим мотивам: Михаил Критский, Николай Попов, Александр Горожанский и священник Лавровский.

Ссылка в Соловки политических врагов самодержавия, революционных борцов, стала широко практиковаться с конца 20-х – начала 30-х годов XIX века. Кроме перечисленных в ведомости политических узников, Николай I заключил в соловецкую тюрьму члена Кирилло-Мефодиевского общества Г. Андрузского.

К политическим заключенным монахи относились с особой беспощадностью. Местный краевед и историк соловецкой тюрьмы и каторги А. Иванов передает, что игумен Досифей, составивший упомянутую ведомость, называл политических «погаными» и изощрялся в приемах издевательств над ними: оскорблял их, плевал им в лицо, волочил по земле арестантов, связанных веревками⁴.

¹ ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 115, 1834, д. 1063.

² ЦГИАЛ, ф. 797, оп. 3, 1830, д. 12897, л. 4.

³ ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 136, 1855, д. 892, л. 4.

⁴ Журнал «Соловецкие острова», 1926, № 5-6, стр. 196; Иванов А. П. Указ, соч., стр. 25–26.

Ссылка на Соловки по политическим обвинениям продолжалась и при Александре II в период либеральных реформ. В 60-е годы в монастырский острог заключают руководителей народных выступлений, вызванных реформой 1861 года, и организаторов торжественных поминок по убитым в этих событиях крестьянам.

В 1861 году был сослан на Соловки «под строжайший надзор» священник села Студенки Пензенской губернии Федор Померанцев за неправильное толкование крестьянам царского манифеста об освобождении их от господ. Ф. Померанцев убеждал крестьян в том, что «барщину, вместо отбывать, как указано в Положении 19-го февраля, следует отбивать»¹.

Под влиянием агитации Ф. Померанцева крестьяне Чембарского уезда, села Черногай графа Уварова, «вышли из повиновения и отказались от всяких работ на помещика». Началось открытое крестьянское восстание, принявшее, по определению усмирителя «бунта» генерала Дренякина, «оттенок и приемы пугачевщины». К черногайцам примкнули крестьяне соседних деревень. Волнение крестьян, по словам пензенского губернатора Толстого, приобрело характер «безумного буйства». Ф. Померанцев пробыл на беломорском острове до 1863 года, пока не был переведен по состоянию здоровья в Суздальский монастырь.

Тремя годами позднее Ф. Померанцева на Соловки привезли студента Казанской духовной академии священника Ивана Яхонтова, имевшего прямое отношение к восстанию крестьян в селе Бездна Спасского уезда Казанской губернии. И. Яхонтов был тем человеком, который вместе с иеродиаконем Мелетием в присутствии 150 студентов академии и университета отслужил в Казани в Куртинской церкви на кладбище панихиду по Антону Петрову и другим жертвам Бездненского восстания. Он же был одним из организаторов сбора денег в пользу семей убитых крестьян. За это И. Яхонтова арестовали и после долгого предварительного заключения в 1864 году выслали в Соловецкий монастырь «с тем, чтобы он был там вразумляем к исправлению образа мыслей и нравственных расположений»². В литературе есть упоминание о том, что монахи заточили И. Яхонтова в Головленикову башню³.

Одинокое заключение так сильно подействовало на Яхонтова, что временами он стал терять рассудок. В 1867 году И. Яхонтова освободили из заключения, и он уехал миссионерствовать в Сибирь.

На панихиде, за которую пострадал И. Яхонтов, известный историк и публицист Афанасий Прокопьевич Щапов произнес революционную речь, которую закончил словами: «Да здравствует демократическая конституция!» Биограф А. Щапова Н.Я. Аристов рассказывает, что синод приговорил оратора к ссылке в Соловецкий монастырь на смирение. Это доставило Щапову много неприятностей, и он «совсем было сгоряча написал и подал прошение, чтобы его сослали лучше в Сибирь...»⁴. Только заступничество влиятельных лиц и тот огромный авторитет среди молодежи, которым пользовался историк, помешали привести в исполнение резолюцию синода. Казанский губернатор телеграфно предупредил министра внутренних дел, что «здесь арестовать Щапова неудобно: это может произвести студенческую демонстрацию». Сыграло свое значение и то обстоятельство, что за неделю до панихиды А.П. Щапов уволился из академии и из духовного звания. Это не давало духовным властям формального права настаивать на выполнении решения синода. Не будь этих благоприятных обстоятельств, А.П. Щапову пришлось бы познакомиться с Соловками.

Здесь уместно будет сказать о том, что Соловки угрожали одно время Александру Сергеевичу Пушкину за его оду «Вольность» и открыто высказываемые симпатии к убийце герцога Беррийского. Друзья А.С. Пушкина предотвратили надвигающуюся беду, и писатель вместо Соловков угодил в Екатеринослав.

В конце 70-х годов в монастырскую тюрьму на Соловках попадают рабочие-революционеры Яков Потапов и Матвей Григорьев.

В следующей главе будет подробнее рассказано о лицах, высланных в арестантское от-

¹ «Русская старина», 1885, апрель, стр. 139.

² ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., оп. 5, 1861, д. 116, л. 114 об.

³ Журнал «Соловецкие острова», 1926, № 4, стр. 80.

⁴ Аристов Н. Я. Афанасий Прокопьевич Щапов (Жизнь и сочинения). Спб., 1883, стр. 73.

деление Соловков по политическим делам.

Глава четвертая
ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЗНИКИ XIX ВЕКА

Члены тайного общества братьев Критских в камерах соловецкого острога

Первыми узниками соловецкой тюрьмы, замурованными туда за революционную деятельность, были члены и организаторы разгромленного реакцией подпольного антиправительственного общества братьев Критских.

В двух специальных статьях, посвященных этой организации, в соответствующих разделах обобщающих исследований по истории революционного движения в России в последне-кабристские годы, наконец, в сводных трудах по истории Москвы и первого русского университета полно и обстоятельно раскрыта идеология кружка продолжателей дела декабристов, взгляды и высказывания кружковцев по программным и тактическим вопросам¹. В то же время нередко в нашей литературе в число соловецких арестантов попадают не те участники «злоумышленного общества», которые там действительно находились. Объяснение этому дает следственное дело.

Кружок братьев Критских стал складываться во второй половине 1826 года под свежим впечатлением расправы царизма с лучшими людьми России. Ядро организации составляли 6 человек в возрасте от 17 до 21 года: три брата Критских – Петр, Михаил и Василий, Николай Лушников, Николай Попов и Даниил Тюрин. Из них старший, Петр Критский, закончил Московский университет и служил чиновником в одном из Московских департаментов сената, два его брата и Попов учились в университете, Лушников готовился к поступлению в университет. Д. Тюрин служил помощником архитектора в кремлевской экспедиции. Все учредители Общества вышли из семей разночинцев и сами крепкими нитями связаны были с демократической средой.

Следствие выявило «прикосновенность» еще 13 человек, которые сами «не принадлежали к обществу и сокровенных преступных намерений оно не знали», но «видясь с умышленниками, слышали от них вольные суждения, а другие и сами говорили непозволительное»². Возможно, не все связи кружковцев удалось раскрыть следственной комиссии. Большинство лиц, так или иначе связанных с главными «преступниками», принадлежало к кругу мелких чиновников, коллежских регистраторов, канцеляристов (Алексей Матвеев, Алексей Салтанов, Николай Тюрин, Петр Пальмин, Петр Таманский и др.). Причастны к Обществу были студент университета Алексей Рогов, юнкер 6-го карабинерного полка Порфирий Курилов, книготорговец Иван Кольчугин. Таким образом, по своему классовому составу Общество братьев Критских отличалось от декабристских союзов. Оно объединяло не гвардейско-дворянскую, а студенческую и чиновничью молодежь. Все юноши, сгруппировавшиеся вокруг братьев Критских, были грамотными, мыслящими людьми, мучительно искавшими путей дальнейшего развития своей страны, желавшими ей счастья и процветания.

Каждый член Общества братьев Критских в той или иной степени испытал на себе влияние освободительных идей декабристов. Само создание «крамольного» кружка убедительно свидетельствовало о том, что подавление восстания декабристов не привело к искоренению идей, посеянных ими. Не приходится удивляться тому, что в Москве ходили слухи, будто «злоумышленное предприятие братьев Критских с товарищами их сообщества» представляет

---

¹ Лемке М. К. Тайное общество братьев Критских. «Былое», Пб., 1906, № 6, стр. 41–57. Эта статья М. К. Лемке перепечатана с небольшими сокращениями в сборнике «Декабристы. Тайные общества. Процессы Колесникова, братьев Критских и Раевских». Изд. В. М. Саблина, М., 1907, стр. 261–276. В советское время опубликованы: статья Насонкиной Л. И. К вопросу о революционном движении студенчества Московского университета (Кружок студентов Критских, 1827г.). В сб.: «Вестник Московского университета», 1953, № 4, стр. 153–164; Федосов И. А. Революционное движение в России во второй четверти XIX в. (Революционные организации и кружки). М., 1958, стр. 59–73; «История Москвы». Т. III. М., 1954, стр. 399–403; «История Московского университета». Т. I. М., 1955, стр. 208–209.

² ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., оп. 5, 1827, д. 269, л. 33.

собой «остатки последствий 14 декабря».

Подавление восстания на Сенатской площади и процесс над декабристами явились своеобразным толчком к формированию кружка Критских. Петр Критский признавал на допросе, что «погибель преступников 14 декабря родила в нем негодование. Сие открыл он братьям своим, которые были с ним одинаковых мыслей»¹. Вот откуда брал свое начало кружок, вот где были его истоки.

К моменту правительственных репрессий (середина и вторая половина августа 1827 года) кружок братьев Критских не успел еще организационно оформиться, окончательно не выработал своей программы и тактики и не приступил к практической деятельности. Он представлял собой группу политических единомышленников, которые вступили на путь создания своей революционной организации, приняв за эталон программные и тактические планы декабристов. Поэтому в руки следственной комиссии не попало никаких вещественных, компрометирующих основателей Общества, материалов, если не считать обнаруженной в кармане у Лушников записки, на которой пером была нарисована печать с девизом «Вольность и смерть тирану».

Деятельность кружка в основном сводилась к «крамольным» разговорам в узком товарищеском кругу и к попыткам «распространить» Общество путем «умножения его членов».

Кипучую энергию в этом направлении развивали Василий и Михаил Критские. Первый из них в январе 1827 года познакомился с Лушниковым. Говорили они тогда о всеобщем употреблении в России иностранных языков и сожалели, что русские чуждаются своего отечественного. Разговор этот был повторен между ними через несколько дней в присутствии Михаила Критского – наиболее решительного из трех братьев. Последний «выхвалял конституции Англии и Гишпани, представлял несчастным тот народ, который состоит под правлением монархическим, и называл великими преступников 14 декабря, говоря, что они желали блага своему отечеству»².

Рассуждения младших Критских понравились Лушникову. После нескольких встреч Михаил и Василий открыли собеседнику «тайное желание свое видеть Россию под конституционным правлением с уверениями пожертвовать для того самой жизнью». Н. Лушников объявил себя единомышленником Критских. Спустя некоторое время «зачинщики сообщества» познакомили Лушников со своими соратниками Н. Поповым и Д. Тюриным. В таком составе шестерка политических единомышленников неоднократно обсуждала цели, планы и задачи своего кружка, вербовала новых членов.

Однажды Михаил Критский стал убеждать своих друзей в необходимости совершить покушение на царя. Умыслом на такое «злодеяние» заинтересовалась комиссия. Следствие установило, что при возобновлении разговора в другое время предложено было совершить цареубийство по жребию с тем, чтобы избранный «для сокрытия сообщников» покончил с собой, но исполнение этого намерения думали отложить на 10 лет.

Третье обсуждение этого же вопроса началось с того, что Михаил Критский при своем брате Василии, Попове и Тюрине, обращаясь к Лушникову, сказал: «Как ты думаешь, до корня или с корнем?», то есть лишать жизни всю императорскую фамилию или оставить наследника («змееныша»). Лушников высказался за сохранение жизни «царя-младенца». Михаил Критский не соглашался. Он развернул календарь и, указывая на царские портреты, заявил: «Смотри на этих тиранов и напитывай душу свою кровавой мезью». Затем Михаил Критский, вынув два ружья, охотничий нож и турецкий ятаган, добавил: «Вот у нас есть для них и гостинцы»³.

Такой же ненавистью к деспотизму и к царю были полны Н. Попов, Н. Лушников и другие. По записям следственной комиссии, Попов показал: «Мысль моя насчет жизни государя в одно время была ужасна, что показывает письмо мое к Критским...» В упомянутом письме Попов уверял, что он усиливает пламень ненависти к царю, который горит во всех них. «Ужасная» мысль Попова была выражена на бумаге так: царей и членов императорской се-

¹ «Былое», 1906, № 6, стр. 47–48.

² ЦГАОР ф. 109, 1 эксп., оп. 5, 1827, д. 269, л. 37.

³ ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., оп. 5, 1827, д. 269, л. 39–39 об.

мы он обозначил начальными буквами их имен («А» – Александр I, «Н» – Николай I и т. д.). На каждую из этих букв от помещенной сверху над ними буквы «Н», обозначающей народ, падали стрелы. Это должно было символизировать народную месть царям.

Ненависть к самодержцам находила свое выражение и в чтении кружковцами «дерзновенных стихов» А. И. Полежаева:

Когда бы вместо фонаря,
Что светит тускло в непогоду.
Повесить деспота царя,
То заблестал бы луч свободы

Разночинской молодежи, объединившейся вокруг Критских, присущ был горячий патриотизм. Братья Критские, по словам Лушников, были исполнены «возвышенной любовью к Отечеству». А о себе Лушников говорил: «Я любил свое Отечество, любил его славу и благоденствие; и на нем-то остановились первые думы, первые наблюдения ума»¹. Как истинные патриоты, участники Общества братьев Критских осуждали все то, что сковывало силы народа и задерживало развитие их Родины: самодержавие, засилье иностранцев, крепостное право и все его порождения в социальной, экономической и политической областях.

Основатели Общества заводили антиправительственные разговоры с Н. Тюриным, А. Салтановым, А. Матвеевым, А. Роговым, П. Таманским и другими, которых «готовили быть своими единомышленниками». П. Критский и Н. Лушников встречались и беседовали с солдатами кремлевского гарнизона; они же распропагандировали рядового Астраханского гренадерского полка Франка Кушнерюка.

На одном из своих совещаний кружковцы договорились написать прокламацию к московским гражданам «в том смысле, что пора уже восстановить власть конституции» и в день коронации 22 августа 1827 года положить ее на пьедестале памятника Минину и Пожарскому на Красной площади.

Московский военный губернатор, ссылаясь на Лушникова, доносил царю, что «злумышленники» хотели разбросать по всему городу «возмутительные записки», а у монумента Минина и Пожарского вывесить сведения, сколько было невинно повешенных и сосланных в Сибирь. Таким путем они собирались 22 августа «сделать революцию», то есть поднять восстание, но в ночь на 15 августа начались аресты.

Из собранных следствием материалов видно, что кружок братьев Критских ставил своей целью борьбу за отмену крепостного права и завоевание для России конституции путем народного восстания. Это уже не слепое копирование тактики декабристов, а внесение в их планы военной революции поправки на народ. В намерениях группы братьев Критских «проявилась самостоятельная работа мысли над осознанием опыта декабристов, над применением каких-то новых способов более широкой агитации»².

Николай I покарал своих врагов без суда, самолично, с присущей ему беспощадной суровостью.

На докладе следственной комиссии рядом с именами главных обвиняемых царь написал: «Николая Лушникова и Петра Критского отправить в Швартгольмскую крепость, Михаила и Василия Критских – в Соловецкий монастырь, Николая Попова и Данилу Тюрина – в Шлиссельбургскую крепость»³. Срок заключения в крепости и в монастырский острог не оговаривался.

Близкие к кружку люди были высланы на службу в Оренбург, Вятку, Пермь, Вологду и отданы под надзор полиции. Солдата Ф. Кушнерюка, по приговору военного суда, прогнали сквозь строй в тысячу человек четыре раза и отправили в Бобруйскую крепость на каторжные работы.

В конце декабря 1827 года организаторов тайного общества стали развозить попарно по тюрьмам. Никому из них не разрешили повидаться и проститься с родственниками и друзьями. Поэтому никто точно не знал, что сделали Критские с товарищами и что правительство

¹ Насонкина Л. И. Указ, соч., стр. 158.

² «История Москвы». Т. III. М., 1954, стр. 402.

³ ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., оп. 5, 1827, д. 269, л. 63.

сделало с ними.

Убитая горем мать Критских слезно просила начальника II округа корпуса жандармов Волкова сообщить ей о судьбе сыновей. Только 9 апреля 1830 года Бенкендорф разрешил Волкову уведомить Критскую о том, что «сыновья ее Михаиле и Василий находятся в Соловецком монастыре, а Петр содержится в Нейшлотской крепости», и разрешил ей переписку с ними через III отделение. В мае 1830 года через руки жандармов два письма Критской – на имя Василия и Михаила – направили в Соловецкий монастырь. Неизвестно, кому они были вручены. Одного из арестантов, а именно Василия Критского, на Соловки не привозили и в монастырской тюрьме он не сидел. Шеф жандармов сам не знал, где содержится Василий Критский, ввел в заблуждение подчиненных, несчастную мать и некоторых историков.

В литературе встречаются утверждения, что кто-то исправил ошибку царя и не стал помещать обоих братьев Критских в арестантское отделение Соловков вместе¹. Есть и иное мнение. Василий якобы по ошибке, вопреки резолюции царя, был направлен в Соловки². Оба эти высказывания грешат против истины. Если считать «ошибкой» приговор Николая I в отношении Василия Критского, то нужно сказать, что «исправил» ее он сам. Потому никто не имел ни малейших неприятностей.

В январе 1828 года, когда братья находились на полпути к Соловецкому монастырю, Николай разъединил их. Василия, по его повелению, вернули с дороги и увезли в Шлиссельбург, а оттуда направили в Соловки Попова. «Операция» по обмену узниками проходила по линии главного штаба, минуя III отделение и Бенкендорфа.

13 мая 1828 года соловецкий архимандрит Досифей сообщил в синод о том, что он заключил в арестантские «покои» под строгий присмотр «государственных преступников» Михаила Критского и Николая Попова. Они прибыли на острова из Архангельска 12 мая первым рейсом навигации 1828 года. Есть сведения о том, что М. Критского и Н. Попова привезли на Соловки «в железных заклепах».

О жизни Критского и Попова на Соловках мы располагаем крайне скудными сведениями. До 1833 года в полугодовых ведомостях арестантов против имен «изобличенных в соучастии в злоумышленном обществе» находим неизменную запись: «Оные Критский и Попов со времени прибытия их в Соловецкий монастырь провождают жизнь смиренно и содержатся на общем положении»³. Что означало это «общее положение» – хорошо известно: смрадные, тесные и холодные камеры, полуголодный рацион.

С 1834 года характеристика Н. Попова меняется. Соловецкий тюремщик записывает, что «Попов по временам оказывает грубости, во нраве вздорен», но в чем конкретно проявлялись эти грубости – не поясняет.

Весной 1835 года судьбой Михаила Критского и Николая Попова неожиданно заинтересовалось военное министерство. Оттуда последовал запрос синодальному обер-прокурору: «показываются ли в списках арестантов Соловецкого монастыря, присылаемых духовному начальству, высланные в монастырь по высочайшему повелению в 1827 году Михаил Критский и Николай Попов; если же переведены отоль, то куда именно и когда»⁴. О судьбе юношей, запертых в страшный изолятор на крайнем острове, забыли, и обер-прокурору пришлось самому наводить справки, чтобы ответить на вопрос военных властей.

В 1835 году, по представлению Озерецковского, М. Критского и Н. Попова перевели из соловецкой тюрьмы рядовыми в военную службу. «Потерявшее рассудок правительство» принимало русскую армию «за исправительное заведение или за каторгу», – резюмирует А. И. Герцен⁵.

В октябре 1835 года Михаила Критского и Николая Попова определили рядовыми в Мингрелию, в действующую армию. Михаил Критский вскоре был убит в сражении с лезгинцами, а как сложилась дальнейшая судьба Николая Попова – неизвестно.

¹ «Былое», 1906, № 6, стр. 54.

² «Декабристы. Тайные общества. Процессы Колесникова, братьев Критских и Раевских», стр. 257.

³ ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 112, 1831, д. 487, л. 9; оп. 114, 1833, д. 1236, л. 8 и 27.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 797, оп. 5, 1835, д. 21136, л. 1-1 об.

⁵ Герцен А. И. Собр. соч. в тридцати томах. Т. 7. М., 1956, стр. 218.

Декабрист Александр Семенович Горожанский

В числе заключенных в Соловецкий монастырь по политическим делам находился декабрист Александр Семенович Горожанский. Тяжкие испытания выпали на его долю. Только в одиночных камерах Соловков Горожанский провел свыше 15 лет – с 21 мая 1831 года по 29 июля 1846 года – и никогда за все это время не сожалел о своем участии в событиях, за которые так жестоко был наказан. До конца своей жизни Горожанский ненавидел царя, деспотизм и произвол.

Следственная комиссия по делу декабристов собрала о поручике Кавалергардского полка Александре Семеновиче Горожанском такие сведения:

«Он вступил в Северное Общество полтора года назад; принял в члены двух и еще вместе с корнетом Муравьевым трех человек. По его словам, цель Общества, ему известная, состояла в введении конституции монархической. Но Свистунов уличал его, что в июне 1824 года открыл ему намерение Южного Общества о введение республиканского правления и что после того повторил ему, Горожанскому, слышанное от Вадковского, что для истребления священных особ императорской фамилии можно бы воспользоваться большим балом в Белой зале и там разгласить, что устанавливается республика. Сверх того корнет Муравьев показал, что Горожанский, будучи горячим членом, подстрекал его к ревности в пользу Общества и при чтении конституции брата его, Муравьева, изъявлял, что она не нравится ему по умеренности своей, и ссылался на конституцию Пестеля, говоря, что она должна быть гораздо либеральнее; но Горожанский ни в чем не сознался и на очных ставках с Свистуновым и Муравьевым. Сам он показал, что по смерти покойного государя слышал о намерении воспользоваться сим случаем, и что положено было стараться возбудить в полках упорство к присяге. 14 декабря, уже после присяги, он поручил унтер-офицеру Михайлову говорить людям, что манифест фальшивый и что цесаревич не отказывается от престола. Сам то же говорил часовому, стоявшему у квартиры генерала Депрерадовича, и некоторым людям. На совещаниях Общества не был, но во время возмущения подходил к каре, брал за руку Одоевского и на вопрос сего последнего: «что их полк?», отвечал: «идет сюда». После сего ушел в Сенат и пробыл там, пока все кончилось. Из сведений, доставленных от командующего гвардейским корпусом, видно, что во время присяги Горожанский не был при своей команде, а по возвращении говорил некоторым нижним чинам, что напрасно присягали и что они обмануты, а также, что он посылал унтер-офицера уговаривать нижних чинов, чтоб они не выезжали»¹.

29 декабря А.С. Горожанский был арестован и доставлен в Петропавловскую крепость. Декабристу было тогда 24 года. Царь решил не предавать Горожанского суду, а наказать его в административном порядке «исправительной мерою: продержав еще 4 года в крепости, перевести в Кизильский гарнизонный батальон тем же чином и ежемесячно доносить о поведении». Это было строгое наказание.

После четырехлетнего заключения в С.-Петербургской крепости А. С. Горожанского направили на службу в 7-й линейный Оренбургский батальон (бывший Кизильский гарнизонный батальон) «под бдительное наблюдение его начальства». Однако находиться на свободе, хотя и под надзором, декабристу долго не пришлось. 16 декабря 1830 года дежурный генерал главного штаба уведомил Бенкендорфа, что, по полученным от командира отдельного Оренбургского корпуса генерал-адъютанта графа Сухтелена донесениям, ссыльный офицер не смирился, буйствует, недоволен существующими порядками и властями, обнаруживает «особенное против всего ожесточение». Декабрист не скрывал своих антиправительственных взглядов. Он объявил батальонному адъютанту подпоручику Янчевскому, что не признает над собой власти царя и при этом «произносил разные дерзкие слова на особу его величества». Это же он «дерзнул повторить батальонному своему командиру и коменданту Кизильской крепости, который, узнав от Горожанского, что он совершенно здоров и удостоверясь по сему, что он имеет дерзкие намерения, приказал посадить его под строгий надзор»².

¹ «Восстание декабристов». Т. VIII. Л., 1925, стр. 71.

² ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., оп. 5, 1826, д. 61, ч. 172, л. 7.

Видя, что крепость и ссылка не перевоспитали Горожанского, царь совершает новую бессудную расправу над революционером. Он распорядился отправить поручика Горожанского в Соловецкий монастырь, который в правительственных кругах «славился строгостью заведенного в нем порядка», и содержать его там под караулом.

Николай I сознательно обрекал непокорного декабриста на верную гибель. Срок заточения его в Соловках не был оговорен.

15 декабря 1830 года управляющий главным штабом генерал-адъютант граф Чернышев уведомил синодального обер-прокурора князя Мещерского о том, что повелением Николая I Горожанский «за дерзкий поступок и произнесение неприличных слов на счет особы его величества» высылается в Соловки под строгий надзор. Одновременно обер-прокурора синода ставили в известность, что Горожанского пришлет в монастырь архангельский военный губернатор.

На следующий день Мещерский сообщил о содержании письма Чернышева синоду, и тот, заслушав предложение обер-прокурора, постановил: «О сем высочайшем повелении Соловецкого монастыря к архимандриту Досифею послать указ с тем, чтобы по доставлении поручика Горожанского в Соловецкий монастырь был он содержан во оном под строгим надзором и чтоб употребляемы были как лично им, архимандритом, так и через посредство искусных монашествующих кроткие и приличные меры к приведению его в раскаяние в содеянном им преступлении и о образе жизни его доносимо было святейшему синоду по полугодно»¹. По просьбе Мещерского тогда же, в декабре 1830 года, министр финансов предписал Архангельской казенной палате отпускать на содержание Горожанского по 120 рублей (36 рублей серебром – Г. Ф.) в год со дня поступления его в монастырь по требованию настоятеля.

11 февраля 1831 года Горожанского привезли в Архангельск и посадили в отдельную камеру губернской тюрьмы под строгий караул. Поскольку в зимнее время не было связи с островами Соловецкого архипелага, в монастырь декабриста отправили лишь с открытием навигации.

17 мая 1831 года под охраной офицера Бенедиксова и жандарма Першина революционера увезли на беломорские острова. На дорогу ему дали 2 рубля 50 копеек кормовых.

21 мая 1831 года архимандрит Досифей «почтительнейше доносил» в синод и в Архангельск, что в этот день доставлен в монастырь «государственный преступник» Горожанский, который «принят исправно и содержится теперь с прочими арестантами за военным караулом».

31 декабря 1831 года «усердствующий соловецкий богомолец» направил в синод первый полугодовой рапорт «об образе жизни» декабриста, в котором писал, что Горожанский «ведет жизнь смиренную, но в преступлениях своих ни в чем не признается. Примечательно в нем помешательство ума»². Из последующих донесений видно, что расстройство умственных способностей у Горожанского усиливалось, хотя оно, по словам игумена, «таилось в нем скрытно и только по временам оказывалось из некоторых сумасбродных речей его». Караульный офицер подпоручик Инков обратил внимание на то, что Горожанский «неоднократно производил крик и разговоры сам с собою даже в ночное время», хотя из частных разговоров с ним ничего не мог заметить.

Нарушение психики началось у Горожанского, очевидно, еще до прибытия его в Соловки. Первым заметил это брат декабриста Петр Горожанский в часы свиданий с Александром Семеновичем в каземате Петропавловской крепости в апреле 1829 года. Во время службы в 7-м линейном Оренбургском батальоне Горожанский, будучи дежурным по караулам, легко ранил стоявшего на часах рядового Стугина, который не окликал его. От угрожавшего тогда Горожанскому военного суда его спасло заключение лекаря, который обнаружил у репрессированного офицера расстройство нервной системы и умственных способностей – следствие истощения физических и духовных сил.

10 августа 1832 года мать декабриста 60-летняя Мария Горожанская первый раз обрати-

¹ ЦГИАЛ, ф. 797, оп. 3, 1830, д. 12909, л. 1 и 3 об.

² ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 111, 1830, д. 821, л. 6.

лась к царю с письмом, в котором просила подвергнуть ее сына медицинскому осмотру и, если выяснится, что он потерял рассудок, отдать ей его на поруки «под самым строгим надзором местного начальства»¹. Мать гарантировала уход и «благонадежное состояние» сына. На этом прошении М. Горожанской царь наложил резолюцию: «Освидетельствовать и что откроется донести». Но выполнение «высочайшей воли» затянулось. Архимандрит Досифей и архангельский военный губернатор Галл считали необходимым привезти Горожанского для освидетельствования в Архангельск. Бенкендорф решительно воспротивился этому. Он предложил «для такового освидетельствования лучше командировать в Соловецкий монастырь благонадежного лекаря».

Тем временем, пока шла переписка, главный соловецкий тюремщик Досифей стал «врачевать» больного революционера по-своему. Он решил, что узник игнорирует его проповеди потому, что «от уединенной жизни пришел о себе в высокоумие» и для смирения строптивого политического замуровал Горожанского в земляную тюрьму, которая сохранилась до XIX века только в одном Соловецком монастыре.

Не лишним будет напомнить, что указом от 1742 года повелевалось немедленно засыпать находившиеся в Соловецком монастыре земляные тюрьмы. Но эти страшные остатки средневековья сохранялись в монастыре после отчетов о их ликвидации, сочиненных «святыми» ханжами и лицемерами.

Приведем лишь один пример. 25 декабря 1788 года из каземата бежал «секретный колодник», разжалованный поручик «волоцкой нации» Михаила Попескуля. В тот же день он был пойман и «по приказанию господина отца архимандрита Иеронима из оной его прежней караульной кельи в вечеру переведен в тюрьму **под Успенское крыльцо** (земляная «Салтыкова» тюрьма. – Г.Ф.), где был колодник же Михайло Ратицов, а тот Ратицов (кстати сказать, земляк Попескуля.– Г.Ф.) переведен в караульную келью его, Попескуля»².

Разумеется, в синод не сообщалось о том, что Ратицов сидел в земляной тюрьме. Скрыли монахи и заточение в эту тюрьму Попескуля. Ради этого пришлось даже умолчать о побеге разжалованного офицера.

По архивным материалам можно установить, что последним узником земляной тюрьмы на Соловках был декабрист А. С. Горожанский.

В деле А.С. Горожанского по III отделению хранится рапорт жандармского капитана Алексеева от 24 марта 1833 года, рисующий жуткую картину глумлений и издевательств над заключенным декабристом. Документ этот не использовался в литературе о декабристах. Приводим его с незначительными купюрами: «Государственный преступник Горожанский был отправлен в Соловецкий монастырь. Мать его, богатая женщина, посылала к нему через тамошнего архимандрита платье, белье и другие необходимые вещи, а также деньги на его содержание; наконец, получив позволение, поехала сама проведать (сына) и нашла его запертого в **подземельи** (подчеркнуто нами. – Г. СР.) в одной только изношенной, грязной рубашке, питающегося одной гнилою рыбою, которую ему бросали в сделанное сверху отверстие. Горожанский совершенно повредился в уме, не узнал матери и та не могла добиться от него ни одного слова, только чрезвычайно обрадовался, когда она ему надела новую рубашку и поцеловала оную. ...Госпожа Горожанская подарила архимандриту две тысячи рублей и тотчас оне перевели его **из подземелья в комнату** (подчеркнуто нами – Г.Ф.) и стали лучше кормить, но монахи по секрету ей объявили, что по ее отъезде архимандрит опять его посадит в прежнее место и будет содержать по-прежнему. Очень вероятно, что ежели она что и посылает туда, то все удерживается архимандритом в свою пользу, а не доходит до ее несчастного, лишенного рассудка, сына...»³.

На полях напротив рапорта Алексеева неизвестной рукой сделаны карандашом такие записи: «Когда получится отзыв о произведенном Горожанскому медицинском свидетельстве, тогда сию бумагу доложить». И вторая другой рукой: «Переговорим». Однако из дела не видно, чтобы по упомянутой докладной с кем-нибудь велся разговор. За издевательство над

¹ ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., оп. 5, 1826, д. 61, ч. 172, л. 10–10 об.

² ЦГАДА, ф. 1201, оп. 5, ч 2, 1785–1789, д. 5334, л. 19.

³ ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., оп. 5, 1826, д. 61, ч. 172, л. 17–17 об.

Горожанским монахов следовало привлекать к ответственности. Правительство не хотело этого. Рапорт Алексеева положили под сукно.

«Комнатой», в которую перевели Горожанского после визита матери, жандарм называет чулан тюремного здания, размером до 3 аршин в длину и 2 аршина в ширину, напоминающий собой собачью конуру. В этих «кабинах» заключенные не могли двигаться: лежали или стояли. «Вообрази себе, каково сидеть в таких клетках всю свою жизнь!» – писал в 1838 году один из основателей Союза Благоденствия А.Н. Муравьев в перлюстрированном III отделением письме¹. Здесь же, в коридорах тюрьмы, у самых дверей арестантских казематов, размещались караульные солдаты. Они раздражали А. Горожанского, издевались над ним.

Доведенный режимом Соловков до крайнего психического расстройства, Горожанский 9 мая 1833 года заколол ножом часового Герасима Скворцова. Причину убийства объяснил тем, что солдаты не дают ему покоя, постоянно «кричат, шумят, а он, часовой, должен их унимать и для чего не унимает». Только после этого «чрезвычайного происшествия» на Соловки выехал для освидетельствования Горожанского «в положении ума его» член Архангельской врачебной управы акушер Григорий Резанцев.

В представленном заключении Г. Резанцев писал, что он нашел бывшего кавалергарда молчаливым, пасмурным, занятым «мрачными своими мыслями, при совершенном невнимании ко всему, его окружавшему»². Узник оживлялся, когда разговор касался настоящего его положения. В этом случае апатия покидала Горожанского, и он громко произносил жалобы на несправедливость подвергнувших его заключению, на беспрестанные обиды и притеснения от всех как в Оренбургской губернии, так и в монастыре от солдат и архимандрита. Горожанский не оправдывал свой поступок и не искал смягчающих вину обстоятельств. Он заявил акушеру, что «обидами и притеснениями» доведен до отчаянного состояния, терпению пришел конец и, чтобы избавиться от мучений и «разом решить свою участь, готов сделать все». На основании наблюдений над поведением Горожанского и бесед с ним Резанцев сделал такой вывод: «Я заключаю, что поручик Горожанский имеет частное помешательство ума».

Диагноз, поставленный Резанцевым, не позволил правительству совершить над Горожанским новый задуманный Николаем акт произвола. Военное министерство уже имело предписание царя судить Горожанского военным судом за совокупность всех совершенных им преступлений в том случае, если, по освидетельствованию врача, он окажется симулирующим умопомешательство.

16 июня 1833 года по докладу Бенкендорфа царь распорядился «оставить его (Горожанского. – Г.Ф.) в настоящем монастыре, а в отвращение могущих быть во время припадков сей болезни подобных прежним происшествий и для обуздания его от дерзких предприятий употребить в нужных случаях изобретенную для таковых больных куртку, препятствующую свободному владению руками»³. Об этом 31 июля III отделение уведомило архангельского военного губернатора Галла. В августе 1833 года Бенкендорф сообщил Марии Горожанской волю царя и на этом основании отклонил ее неоднократные просьбы о возвращении «потерянного и злополучного сына в расстроенном его ныне состоянии» или о помещении его в «заведение для душевнобольных». Такой ответ, разумеется, не мог ее удовлетворить. Она пыталась убедить Бенкендорфа, что «дальнейшее содержание несчастного узника в монастырской тюрьме есть тяжчайшее его страдание и неизбежная гибель». Мария Горожанская слезно и настойчиво повторяла свои просьбы «извлечь сына из настоящего убийственного заключения» и определить его в больницу для умалишенных в центре страны.

Убийство Горожанским часового вынудило правительство ближе познакомиться с соловецкой тюрьмой. Ревизия острога Озерецковским в 1835 году привела, как известно, к изменению порядка ссылки на Соловки и к смягчению участи отдельных арестантов.

Царские «милости» не распространялись на поручика Горожанского. В его положении после ревизии Озерецковского улучшения не наступило. Дальнейшая судьба Горожанского

¹ ЦГИАЛ, ф. 797, оп. 4, д. 15909, л. 22.

² ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., оп. 5, 1826, д. 61, ч. 172, л. 33.

³ ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., оп. 5, 1826, д. 61, ч. 172, л. 50 об.

определялась синодом и правительством на основании тех характеристик, которые давал своей жертве рясофорный тюремщик. Досифей несколько раз отправлял в синод одну и ту же, словно переписанную под копирку, характеристику Горожанского. В ней говорилось, что Горожанский «никаких увещательных слов слышать не может, отчего даже приходит в бешенство и считает себя вправе и властным всегда и всякого убить и если б дать ему ныне свободу, то он с убивственной злобою на каждого бросался б. А дабы он не мог сделать кому-либо вреда, то содержится в чулане без выпуска»¹. Такая аттестация, повторяемая из года в год, лишала Горожанского возможности увидеть когда-либо свободу.

Издательства монахов над Горожанским продолжались. Мы не знаем, одевалась ли на декабриста «смирительная куртка», рекомендованная царем, но есть основание думать, что из камеры общего острога Горожанского после ревизии 1835 года перевели, как это и предсказывал жандарм Алексеев, в каземат Головленковой башни. На такое предположение наводят нас два обстоятельства. Во-первых, на одном из камней камеры названной башни местные краеведы обнаружили надпись «14 декабря 1825 года». Думается, что, кроме Горожанского, едва ли кто из заключенных тех лет мог сделать такую надпись, тем более, что в ведомостях о колодниках, направляемых в синод два раза в год, не упоминалось об узниках Головленковой башни. Во-вторых, с 1836 года мы не находим упоминания имени Горожанского в бумагах, исходящих из «канцелярии» Соловецкого монастыря. Это в духе монастырских традиций. Тюремщики в рясах всегда умалчивали о колодниках, заточенных настоятелем в секретные тюрьмы.

29 июля 1846 года на Соловках А.С. Горожанский «волею божией умер». Так писал в синод на следующий день после смерти декабриста настоятель монастыря.

В общей сложности А.С. Горожанский просидел в одиночных камерах С.-Петербургской крепости и Соловецкого монастыря 19 лет. Он понес столь же тяжкое наказание, как основные руководители декабристских организаций и главные участники восстаний на Сенатской площади и Черниговского полка, осужденные по первому разряду². В Петропавловской крепости, в Оренбургской ссылке, в Соловецком монастыре Александр Семенович Горожанский, несмотря на периодические приступы тяжелой душевной болезни, вел себя мужественно, никогда не просил пощады у карателей, верил в правоту того дела, за которое боролся на свободе и страдал в застенках николаевских тюрем.

Ссылка в Соловки по подозрению в революционной пропаганде

С начала 30-х годов XIX века в составе тюремных жителей Соловков появилась новая категория «преступников». То были попавшие в заключение по обвинению в пропаганде против крепостного права путем распространения прокламаций в народе. Появление таких узников свидетельствовало о широком размахе антифеодального демократического движения в стране.

Первым арестантом соловецкой тюрьмы, обвинение которого связывалось с борьбой за социальное и политическое освобождение народа, был священник Троицкого девичьего монастыря в городе Муроме Владимирской губернии Андрей Степанович Лавровский. Он был объявлен одним из организаторов революционного протеста масс против крепостничества во Владимирской губернии, протеста, который получил отклик в других районах страны и приобрел всероссийский характер.

В начале 1830 года в Муромском, Ковровском и Судогодском уездах Владимирской губернии появились «возмутительные разного рода бумаги, возбуждающие народ к вольности». Письма, возмущавшие крестьян против помещиков, жандармы находили целыми пачками в разных местах: на улицах городов и деревень, на проселочных дорогах, ведущих к Тамбовской губернии, в селах, расположенных по большому сибирскому тракту, и т. д. Всего было собрано несколько сот неизвестно кем подкинутых подметных листов.

Нет надобности пересказывать содержание листов, такая работа уже проделана

¹ ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 111, 1830, д. 821, л. 17 об. и оп. 115, 1834 д. 1063, л. 13 об.

² «Государственные преступления в России в XIX веке». Сб. составлен под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского). Т. 1 (1825–1876 гг.) Спб., 1906, стр. 61 и 67.

историками¹. Заметим лишь, что одни воззвания намечали политическую программу и содержали прямой призыв к восстанию («лучше всем умереть с оружием в руках, защищая свою свободу, нежели безвинно вечно жить рабом и невольником»), другие не поднимали важных вопросов русской жизни, сохраняли веру в царя и в угоду дворянству и купечеству ущемляли права народа.

Но при всем различии одна общая идея красной нитью проходит через все воззвания: вдохновенный протест против крепостничества, отрицание законности и справедливости крепостного права.

В раннем «пасквильном сочинении», поднятом в марте 1830 года в Муроме, читаем: «Никакой земной царь не смеет сказать человеку «ты мой» и во всем свете нигде сего нет, а у нас и дворяне по научению врага человеческого – дьявола – овладели уже двести лет людьми, как скотиною, и продают нас, как свиней»². Нашедшему эту прокламацию рекомендовалось передавать ее содержание соседям, а также снимать копии с воззвания и рассылать списки знакомым во все города и села.

Очевидно, грамотные крестьяне, мастеровые люди, дворовые, сельское духовенство следовали такому совету: размножали, видоизменяли и подкидывали листки. Только этим можно объяснить огромные размеры, какие приняло разбрасывание «пасквилей» и их многообразие. Прокламации явились плодом коллективного народного творчества.

Мысли о крепостном праве, высказанные в цитированном письме, повторяются в различных вариантах в последующих бумагах. Так, в листке, найденном 5 апреля 1830 года, говорилось: «Россияне! Царь В.И. Шуйский издал указ о запрещении вольного перехода крестьян в 1607 году. Помещики от сего овладели людьми, как скотиною, и стали даже продавать. Боже милостивый! Прошло уже 222 года, как мы невольники, и ни одна еще голова не смела сказать правду».

Некоторые «возмутительные» сочинения призывали крестьян писать письма в армию, своим сыновьям солдатам, поднимать их на борьбу за уничтожение крепостного права. Это особенно беспокоило царя и правительство.

Переполюшилась провинциальная и столичная администрация. 15 апреля 1830 года Владимирский гражданский губернатор Курута строчит Бенкендорфу первый донос о распространении во вверенной ему губернии «бунтарских» воззваний. В конце апреля шеф жандармов передает содержание письма Куруты Николаю I. Царь приказывает употребить «все возможные средства к неременному открытию сочинителя или подметчиков сих листочков».

Особое усердие в розыске «преступников» проявил начальник 5-го округа корпуса жандармов полковник Маслов. Прежде чем начать формальное следствие, Маслов собрал сведения о всех подозрительных лицах, проживающих в местах, где были разбросаны листовки. По требованию столицы наведены были справки о некоторых однофамильцах декабристов. Затем начались массовые аресты, допросы, очные ставки.

Следствие обратило внимание на то обстоятельство, что много писем «недозволенного содержания» было найдено в окрестностях села Иванова, принадлежащего помещику Нарышкину. Поэтому к дознанию привлекли большую группу дворовой интеллигенции Нарышкина: живописцев, архитекторов, капельмейстеров, учителей, гувернанток. Выяснилось, что многие дворовые люди знали содержание подметных писем. Был случай, когда вольноотпущенный музыкант Герасим Хитров при архитекторе Десетирове и художнике Никонове читал крестьянам найденную им листовку и заключил чтение словами: «Молодец, кто писал, верно, на господ пошел перебор»³.

Следственное дело разрослось до пяти объемистых томов и составило в общей сложности 1257 листов, но обнаружить «виновных в составлении и подкинутии тех пасквилей» так

¹ Сабуров А. Дело о возмутительных листках в 1830г. «Каторга и ссылка», 1830, кн. 4, стр. 74–94; кн. 5, стр. 24–51; Федосов И. А. Революционное движение в России во второй четверти XIX в М., Соцэкгиз, 1958, стр. 79–84; Гернет М. Н. Указ. соч. Т. 2, стр. 325–332.

² ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., оп. 5, 1830, д. 284, ч. 1, л. 3 и 111.

³ «Каторга и ссылка», 1930, кн. 5, стр. 37.

и не удалось.

Самое большое подозрение пало на священников Гавриила Лекторского, Андрея Лавровского и дьякона Канакина. Эти лица духовного сословия известны были властям как либералы и вольнодумцы, люди мятежного темперамента.

Талантливый и по-столичному образованный протоиерей Г. Лекторский некогда увлекался сочинениями «французских дерзких писателей» – Вольтера, Дидро, Руссо, Гельвеция, сам сочинял конституцию. За 15 лет до появления во Владимирской губернии «воровских бумаг», в 1815 году, Г. Лекторский обратился с амвона кафедрального собора в Муроме с проповедью к горожанам, принес публичное покаяние в грехах. Это событие произвело в то время впечатление разорвавшейся бомбы. Лекторского объявили сумасшедшим и заключили в Суздальский монастырь. С тех пор он безвыпускно содержался в заточении, перестал существовать для света. По одному этому Г. Лекторский не мог участвовать в составлении воззваний.

Подозрение в отношении А. Лавровского, человека ученого и умного, тоже имевшего репутацию вольнодумца, было усилено анонимным доносом, который прямо, без всяких обиняков, упрекал священника в сочинении «зловредных» бумажек.

А. Лавровский и Г. Лекторский были друзьями детства, когда-то вместе учились, до ареста Лекторского поддерживали между собой тесную связь и переписывались «секретным образом». А. Лавровский признался на допросах, что он всегда с большим уважением относился к Лекторскому, до конца «дышал пламенным чувством к своему злополучному другу». Взвесив все это, полковник Маслов высказал предположение, что Лавровский «мог быть сочинителем сих возмутительных листов».

И Канакин любил поговорить о свободе, о тяжелой доле бесправного народа. У философствующего дьяка нашли разнообразные выписки с «вольными» рассуждениями, политические статьи, сатирическую поэму в стихах под названием «Ведомость из ада».

А. Лавровского, Г. Лекторского и Канакина обыскали и допросили. Канакин сознался, что однажды дворовый человек передал ему найденную прокламацию, но он якобы сразу же сжег ее.

А. Лавровскому полковник Маслов предложил в Муроме 18 вопросов по трем пунктам: 1) участвовал ли он в сочинении с Лекторским конституции и нового духовного регламента, предусматривающего введение многоженства; 2) какого рода листочки были присланы ему Лекторским 15 лет назад и куда он их дел? 3) показывал ли ему, Лавровскому, дьякон Канакин письмо, полученное им для прочтения от одного дворового человека, или, по крайней мере, знал ли Лавровский содержание того письма. На первый вопрос Лавровский отвечал, что хотя Лекторский действительно был его приятелем до своего заключения в Суздальский монастырь, но он никогда никаких сочинений с ним не составлял. На второй вопрос Лавровский отвечал, что полученные им письма Лекторского ничего предосудительного не содержали и в свое время он их уничтожил. На последний вопрос Лавровский отвечал, что дьякон Канакин «и писем мне не показывал, и о содержании их не сказывал»¹.

Прошло после допроса полтора месяца. А. Лавровский совсем было успокоился, как вдруг над его головой разразилась новая буря. Утром 3 марта 1831 года к дому священника подкатила повозка с фельдъегерем. Без законных оснований Лавровский был арестован, отвезен в Петербург и заключен в Петропавловскую крепость. Такая же участь постигла и его единомышленников.

26 марта 1831 года комендант Петропавловской крепости Сукин сообщил Бенкендорфу, что он в этот день принял Лавровского и Канакина и посадил их в казематы Невской куртены в особые арестантские камеры. 11 июля туда же был помещен Лекторский. Для увещательных допросов к арестантам приставили протоиерея Мысловского, того самого, которому поручались декабристы.

В крепости арестованных непрерывно допрашивали. Больше других досталось Лавровскому. В течение целого года ему периодически приходилось отвечать на те же, примерно, вопросы, которые ставились Масловым в Муроме. Однако допросы, как и красноречие Мы-

¹ ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., оп. 5, 1830, д. 284, ч 2, л. 315–315 об.

словского, не достигли цели. Узники решительно отрицали свою причастность к делу, в котором их обвиняли.

В конце концов сам Мысловский в записке, поданной Бенкендорфу 8 ноября 1831 года, высказал то мнение, что Лекторский не мог быть автором прокламаций, и подкрепил свои соображения убедительными доказательствами. Это не помешало ему предложить держать Лекторского по-прежнему в заключении. Лавровскому же агент политического розыска в поповской рясе дал такую характеристику, которая отяготила его участь и навлекла тяжкую кару: «Он сделался закрыт и безмолвен, как могила пустынная. Лавровский – это сухая фигура, напоминающая тощую египетскую корову, пожравшую сытых и жирных. Лавровский, в лукавом взоре коего всегда отражается что-то необыкновенное, кажется, навсегда утвердился в этой мысли, что, где нет прямого свидетельства, там можно лгать безбоязненно»¹.

Думается, что Лавровский, Лекторский и Канакин не принимали непосредственного участия в составлении листовок, призывавших к ликвидации крепостного рабства, и их энергичное отрицание своей причастности к этому делу не может быть поставлено под сомнение. Однако косвенное отношение к антиправительственным прокламациям все они имели. Лавровский и Канакин общались с народом, многим были известны их «вольные рассуждения». Иногда тот и другой очень неосторожно высказывали пастве «крамольные» мысли. Экспансивный Канакин, например, говорил народу, что «чернь угнетена, правосудие обращено в кривосудие», а в беседе с людьми, с которыми имел только шапочное знакомство, заявлял: «У нас закон один, как ясный день, но его затмевают тучи и темные облака, ибо чернь угнетена и богатый виноватый прав, а бедный правый виноват». Подобные мысли высказывал в разговоре с прихожанами и А. Лавровский, слывший среди местного населения вольнолюбцем.

Из-за отсутствия прямых улик и неопровержимых доказательств виновности А. Лавровского и его товарищей, а также решительного отрицания арестованными своей причастности к делу, самодержавие расправилось с ними незаконным внесудебным путем. В марте 1832 года появилось такое распоряжение царя: «Протоиерея Лекторского, как человека вредного для общества своим пылким умом, направленным к странным преобразованиям, возвратить в Суздальский монастырь под строгий надзор тамошнего начальства. Священника Лавровского заключить в какой-нибудь отдаленный монастырь с запрещением ему священнослужения до тех пор, пока он совершенно не исправится и не очистит себя покаянием и искусом монастырским. Дьякона Канакина также заключить в монастырь с запрещением священнослужения и с разрешением оногo в таком только случае, если он опытами глубокого покаяния и истинного смирения успеет заглазить все происшедшее»².

31 марта синод решил сослать Канакина в Валаамский монастырь. А. Лавровскому местом для «исправления» и «очищения» назначался Соловецкий монастырь.

Соловецкому настоятелю предписывалось, чтобы по доставлении Лавровского на остров содержан он был под строжайшим надзором и чтобы приложено было старание по приведению его в раскаяние. Три раза в год монастырь должен был уведомлять синод об образе мысли и поведении нового заключенного.

25 мая 1832 года соловецкий архимандрит Досифей уведомил синод, что 23 мая им был принят и отдан под военную стражу арестант А. Лавровский.

Три с половиной года А. Лавровский находился на Соловках в тюрьме, которая, по его словам, была «игом несносным». В крохотном чулане (три аршина на два), всегда запертом, помещалось два арестанта. В камере не было форточки, отчего «воздух стесненный делался удушающим». Кормили узников впроголодь. В длинные зимние ночи в камерах не было освещения. К этому добавлялись душевные истязания: соседями Лавровского по заключению были сектанты, которые гнушались православными и не хотели разговаривать со священником. В тюрьме Лавровский оставил здоровье и повредил зрение. Физические и духовные силы заключенного были напряжены до предела. Он был готов покончить с собой. На его счастье, в соловецкий острог приехал для ревизии подполковник Озерецковский. А. Лавровский

¹ Гернет М. Н. Указ. соч. Т. 2, стр. 331.

² ЦГИАЛ, ф. 797, оп. 4, 1831, д. 15051, л. 12–12 об.

всеми страшными клятвами поклялся Озерецковскому, что он невинный страдалец. Таким путем заключенному удалось вымолить облегчение своей участи. В 1835 году Николай I освободил Лавровского из тюрьмы и передал его под надзор соловецких монахов.

Со времени поступления в Соловецкий монастырь А. Лавровский на все вопросы и увещания монахов отвечал, что он ни в чем не виновен и даже не знает, за что прислан в тюрьму. Об этом соловецкий настоятель в каждой сводке сообщал в синод. В ведомости за вторую половину 1832 года, в которой впервые упоминается фамилия Лавровского, говорится о нем: «Сей арестант ни в чем не признается и якобы не знает, за что сюда послан»¹. Эта же запись о Лавровском дословно повторялась во всех последующих арестантских ведомостях Соловецкого монастыря. Иногда к уже известным словам делалась приписка: «Впрочем, живет смиренно и в церковь божию ходит».

Изучив рапорты, касающиеся Лавровского (на это потребовалось свыше 6 лет!), синод 30 сентября 1838 года специальным указом предписал архимандриту Иларию внушить арестанту, что «отзыв его, якобы не знает, за что послан в Соловецкий монастырь, вовсе не основателен, ибо из предшествовавших заключению его в монастырь обстоятельств и деланных ему допросов он уже ясно мог понимать, в чем именно заключалась приписываемая ему, Лавровскому, вина, а потому благоразумными советами и увещаниями расположить его, Лавровского, дабы он прямо и откровенно объяснил степень виновности своей в известном деле; если же он действительно в том, в чем подозревается, чувствует себя невинным, то подробно объяснил бы, почему именно пало на него в том подозрение, и о том, какой получен будет от него, Лавровского, ответ, донести святейшему синоду».

10 июня 1839 года синод получил ответ Илария на свой указ от 30 сентября 1838 года. К ответу было приложено собственноручное письмо Лавровского соловецкому архимандриту от 10 мая 1839 года. 28 июня 1839 года синод слушал рапорт Илария, в котором повторялись уже известные фразы о том, что Лавровский не признает за собой никакой вины. Об этом же шла речь и в письме Лавровского, где высказано предположение, что составление и «рассеяние» листов могло быть делом рук поляков, которые «решаясь объявить открытую войну России, умыслили прежде возмутить внутреннее ее спокойствие».

В сентябре 1839 года по докладу Бенкендорфа царь «повелеть соизволил: заключенного в Соловецкий монастырь священника Андрея Лавровского освободить из монастыря и, не разрешая ему впредь до усмотрения священнослужения, отправить его на жительство в его родину с учреждением за ним надзора со стороны гражданского начальства и местного благочинного». Из-за прекращения навигации А. Лавровский пробыл в Соловецком монастыре до лета 1840 года.

В 1842 году Лавровскому разрешили священнослужение, но негласный надзор за ним начальства сохранили. Еще раньше, в 1837 году, вернулся в Муром под полицейский надзор Канакин, а Лекторский 9 апреля 1841 года умер в Суздальском монастыре «от продолжительной болезни». Такие тяжелые испытания выпали на долю трех передовых русских людей, заподозренных в пропаганде против крепостного права и произвола самодержавия.

Кирилло-мефодиевец Георгий Львович Андрузский

В XIX веке в тюремном замке Соловецкого монастыря томились не только русские революционеры. Туда ссылали участников национально-освободительной борьбы других народов России. Одним из таких узников был Г.Л. Андрузский, заключенный в соловецкую тюрьму за принадлежность к Кирилло-Мефодиевскому обществу и «рассеивание волновавших его идей».

Кирилло-Мефодиевское общество, именуемое в следственных материалах Украинско-славянским, оформилось в Киеве на рубеже 1845–1846 годов. Видным участником этой организации был гениальный украинский поэт и мыслитель Т.Г. Шевченко. Конспиративное политическое общество просуществовало немногим более года. К моменту разгрома оно еще не успело оформиться в организационном отношении, четко не определило своих тактиче-

---

¹ ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 114, 1833, д. 1236, л. 16.

ских положений, но проявило себя как прогрессивный кружок украинской интеллигенции, придерживавшейся и распространявшей антиправительственные взгляды. Полного единства мнений среди членов Общества не было. Левое, радикальное направление кирилло-мефодиевцев резко отрицательно относилось к самодержавной форме правления вообще и к русскому царизму, угнетавшему Украину, в частности, выступало против крепостного права и всех его порождений в хозяйственной, социальной и юридической областях, склонялось к признанию необходимости революционных методов борьбы с царизмом и феодализмом.

История возникновения и состав Кирилло-Мефодиевского общества, идеология и тактические наметки организации с достаточной полнотой освещены в специальном исследовании профессора П.А. Зайончковского¹.

Из программных документов Украина-славянского общества, а также из конфискованных бумаг и показаний кирилло-мефодиевцев на допросах видно, что политические идеалы Общества заключались в стремлении создать единую всеславянскую федеративную демократическую республику, ведущая роль в которой отводилась Украине, и уничтожить крепостное право.

Далеко не последнюю роль в Кирилло-Мефодиевском обществе играл Г. Андрузский. Следственные материалы называют его «пылким украинофилом». Андрузский был посвящен во все тайны Общества, знал его сокровенные цели и участников, в том числе Т.Г. Шевченко, сам сочинял стихи «возмутительного содержания и проекты о государственном преобразовании».

Георгий Андрузский родился 26 мая 1827 года в селе Вечорках Пирятинского уезда Полтавской губернии в семье мелкопоместного помещика, отставного майора. В Кирилло-Мефодиевское общество вступил в годы учебы в Киевском университете.

3 марта 1847 года по доносу провокатора правительству стало известно о существовании тайного общества. В апреле Г. Андрузский был взят под стражу и доставлен в Петербург в III отделение.

Начальник Киевской губернии сообщил в следственную комиссию, что при аресте у Андрузского обнаружили «тетрадь из разных стихотворений и сверх того два проекта о преобразовании России, писанные собственноручно Андрузским и, по уверению его, им же самим сочиненные, в чем никто другой не принимал участия».

«Трофеи» доставили в Петербург вслед за владельцем.

Личные бумаги Андрузского сохранились в архиве III отделения. Из них наибольший интерес представляют два его черновых наброска, из которых один озаглавлен «Проект достижения возможной степени равенства и свободы (преимущественно в славянских землях)», второй – «Идеал государства». В первом документе, самом интересном по содержанию, говорится: «Ныне всякий порыв к реформе был бы бесполезным и препятствием тому служат: 1) Разделение народа на сословия, друг другу чуждые и нередко враждебные; 2) Произвол монарха; 3) Неправильное направление образования.

Требуется: а) Слить сословия или общим благородным интересом связать их; б) Дать воле монаршей препон законами и внушением как монарху, так и подданным христианских понятий о человеке и человеческих обязанностях; в) Образовывать более сердце, чем ум, более для семейной и служебной жизни, чем для света. Любовь к Отечеству и вера должны оживлять и внедрять всякое познание»².

Кроме этого, проект предусматривал уничтожение привилегированных сословий, личную свободу граждан и т. д.

Осуществить намеченные планы автор проекта собирался путем постепенного распространения просвещения, лишения неспособных и необразованных дворян их исключительных прав и званий, назначения на ответственные должности людей всех сословий.

В проекте, именуемом «Идеал государства», выдвигалось требование создания Народного сейма, который должен утверждать государственные законы. Однако автор проекта не по-

¹ Зайончковский П. А. Кирилло-Мефодиевское общество (1846–1847). Издательство Московского университета, 1959.

² ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., оп. 5, 1847, д. 81, ч. 8, л. 10.

яснил, как создается Народный сейм, кто в него входит и что он собой представляет. Помимо Народного сейма проект предусматривал издание «Народной оппозиционной газеты», которая должна критиковать правительство и требовать преобразований.

Еще более противоречивые положения встречаются по крестьянскому вопросу. Осуждая рабство и феодальный гнет, Андрузский не выдвигал требований немедленной ликвидации крепостного права. Автор проектов считал, что каждый крестьянин должен иметь в личном владении движимую и недвижимую собственность, предлагал смягчить феодальную эксплуатацию крестьян, ввести ее в «законные» рамки, а «ослабленное само падет».

Интересен отзыв властей о бумагах Г. Андрузского. Приведем его: «В одних и тех же проектах Андрузский полагал сначала оставить в России самодержавное правление и ограничить государя только законами, им же издаваемыми, потом ограничить государя представительными властями (депутатами), допущением оппозиционных журналов и прочее; наконец, находил, что лучше ввести республиканское правление. Относительно народных сословий он полагал сначала уничтожить дворянство и оставить только производительные классы: купечество, цехи и земледельцев, прибавив к ним еще духовенство; потом, не уничтожая дворянство, определить точные права дворян и принять меры к постепенному выкупу крестьян из крепостного состояния... В таком роде написаны проекты Андрузского: без системы, без твердых убеждений, сначала говорит одно, а там другое, и везде сам себе противоречит. На вопрос «отчего это произошло?» Андрузский отвечал, что он старался составить лучшее, по его понятию, государственное постановление и записывал в тетрадь свою все, что ему приходило в голову».

Иную оценку находим в отзыве о стихотворениях: «Стихотворения самого Андрузского большей частью на малороссийском наречии и только немногие на русском языке. Некоторые из них исполнены вольных мыслей. Например, в одном («Украина») он описывает мнимые бедствия Малороссии; в другом («Горелка») рассказывает, что русские пригласили к себе малороссиян как братьев, но надели на них оковы, в третьем (без названия) угрожает утеснителям народным восстанием и гибелью их».

Правительственные рецензенты правы в том смысле, что записки и проекты Андрузского далеко не совершенны. Они столь путаны и противоречивы, что не позволяют установить идеологических позиций автора. Стройной теории и своей системы взглядов самый молодой член антиправительственного общества не успел выработать. Бумаги Андрузского интересны лишь как свидетельство того, что под влиянием старших и более искушенных в политике товарищей по «крамольному» Обществу 19–20-летний студент понял, что существующий монархический строй негоден, мучительно думал, чем и как заменить его, но положительного решения пока не находил. Ясно и другое: взгляды Г. Андрузского, как верно подметили правительственные чиновники, эволюционировали, развивались в республиканском направлении.

Первый допрос Андрузского состоялся 14 апреля 1847 года. Арестованный сделал довольно откровенные признания, хотя в целом показания его были столь же противоречивы, как и записки. Стремясь блеснуть своей осведомленностью, Андрузский выболтал все, что знал, назвал участников Общества, многое перепутал, кое-что домыслил. Довольно точно он определил основные задачи Общества. «Главная цель, соединявшая всех, – заявил Андрузский, – была: соединение славян воедино, принимая за образец Соединенные Штаты или нынешнюю конституционную Францию»¹. Даже в этой удачной формулировке есть элемент вымысла Андрузского. Ни в одном программном документе тайной организации не говорилось о конституционной монархии, как об образце для будущего государственного устройства общеславянской державы. В этом позднее сознался Андрузский. Кирилло-мефодиевцы боролись за демократическую республику. Сам Г. Андрузский, по определению обвинительного заключения, доходил в своих стихах и сочинениях «до республиканских мыслей».

Первое показание Андрузского ценно еще и тем, что в нем содержится свидетельство об огромной популярности Т.Г. Шевченко на Украине и указание на влияние творчества и революционно-демократической деятельности любимого народного поэта на кирилло-

¹ ЦГАОР, ф 109, 1 эксп., оп. 5, 1847, д. 81, ч. 8, л. 99 об.

мефодиевцев. По словам Андрузского, поэтическая слава Тараса Шевченко «гремела по всей Малороссии», писателя-борца «превозносили до небес». Член Общества А. Навроцкий «чуть ли не наизусть знал сочинения Шевченки», другой участник кружка студент И. Посяда «Шевченку почитал великим поэтом».

На следующем допросе 17 мая 1847 года Андрузский отказался от своих показаний, сделанных 14 апреля, заявив, что они не имеют под собой никакого основания, от начала и до конца вымышлены им. Он пояснил: «Желая открыть всю истину, я написал мои ложные обвинения, преувеличив все виденное и слышанное и читанное мною донельзя». Арестованный студент раскаивался в своих первоначальных показаниях, просил прощения у правительства и оговоренных им товарищей, но здесь же добавлял, что «ни от родины, ни от языка ее не отрекается».

Как бы ни фантазировал Андрузский, показания его, хотя и избыликованные неточностями и ошибками, были первыми, которые раскрыли правительству цели Общества и помогли установить состав организации.

Правительство, учтя молодость и раскаяние Андрузского, отнеслось к нему довольно снисходительно. Г. Андрузский был направлен для завершения курса наук в Казанский университет, по окончании которого предполагалось определить его на службу в одну из великорусских губерний под надзор полиции без права поездок на Украину. Сам Андрузский объяснял причину своего перемещения «бумагами и стихами мятежного содержания, имеющими целью восстановление малороссийской народности»¹.

7 июня 1847 года Андрузский прибыл в Казань. Из Казани он продолжал рассылать письма в государственные учреждения, в которых оправдывал своих друзей по Обществу. Правительство было недовольно этим. Оно хотело избежать лишних разговоров об арестах, допросах по секретному делу, которые и без того волновали население. По распоряжению шефа жандармов Андрузского предупредили, что если он и дальше будет вести себя так, то «подвергнется строгой ответственности». Не надеясь на устное внушение, с Андрузского взяли подписку в том, что он «не будет разглашать сведений о секретном Украинско-славянском обществе».

Своим поведением в Казани Андрузский, по мнению власть имущих, не загладил прошлого. Если А. Навроцкий и И. Посяда вели себя «скромно и благородно» (первый – в тюрьме, а второй – в ссылке), то Андрузский, по отзыву инспектора студентов Казанского университета, оказался «человеком характера строптивного и поведения посредственного». За нарушение правил внутреннего распорядка в университете, самоуправство и оскорбление должностных лиц он подвергнулся аресту на одни сутки.

Неизвестно, сколько хлопот принес бы еще университетскому начальству опальный студент, если бы не представился случай избавиться от него.

24 декабря 1847 года министр просвещения Уваров сообщил шефу жандармов Орлову, что «по причине тупеющего с каждым днем зрения» Андрузский не может далее продолжать учебу. Ввиду такого заключения медицинской комиссии правительство решило направить Андрузского на службу в Петрозаводск под надзор полиции. Коль здоровье не позволяет записывать лекции профессоров, пусть переписывает бумаги в канцелярии на далеком севере, вдали от родины, – решили блюстители законного порядка. Это было циничное издевательство над человеком. Андрузский понимал, что его перевели в Петрозаводск не только вследствие повреждения глаз, но и по причине «неспокойного поведения».

18 февраля 1848 года под конвоем жандарма Андрузский прибыл в Петрозаводск. Сопровождавшее его предписание обязывало местные власти иметь над Андрузским секретное наблюдение и через каждые шесть месяцев доносить о его поведении в III отделение, а также не разрешать поднадзорному поездки на Украину.

12 марта 1848 года Андрузского определили канцелярским служащим Олонецкого губернского правления. Там он числился писцом при газетном столе.

Как и следовало ожидать, перемещение Г. Андрузского из Казани в Карелию не способствовало улучшению его зрения. Скорее наоборот. Уже 12 октября 1848 года местный врач-

¹ ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 131, 1850, д. 649, л. 9.

окулист М. Лебедев сообщил губернатору, что «золотушное худосочие» глаз у Андрузского прогрессирует «от здешнего холодного климата». К этому времени ссыльный уже не видел на правый глаз, а левый глаз был у него «близорук в сильнейшей степени». Казалось бы, что были серьезные основания предоставить Андрузскому свободу в выборе занятий и места жительства. Но жандармы думали иначе. На докладе Олонецкого гражданского губернатора Писарева появилась собственноручная виза Дубельта следующего содержания: «Андрузский должен оставаться в Петрозаводске и заниматься исполнением своих обязанностей по мере возможности». Такое решение, несмотря на всю его жестокость, высвободило Андрузскому время для дел, далеких от тех, которыми жили чиновники губернского правления.

Болезнь Андрузского не избавляла его от секретного надзора. Как было приказано, начальник 1 округа корпуса жандармов, куда входил Петрозаводск, генерал Полозов два раза в год отправлял в Петербург своему патрону рапортчики о поведении ссыльного. В первых трех докладных содержится хвалебная аттестация поднадзорного. Генерал Полозов сообщал в столицу, что «Андрузский служит весьма усердно, живет тихо и уединенно, поведения очень скромного и незаметно ничего, что бы могло служить поводом к невыгодному о нем заключению»¹. Однако вскоре оказалось, что жандармский генерал выдавал желаемое за действительное.

В Петрозаводске Андрузский познакомился и сблизился с кирилло-мефодиевцем Белозерским, который отбывал там наказание. Два члена разгромленного тайного общества часто встречались на квартире у Белозерского, вспоминали минувшее, рассуждали о настоящем, строили планы на будущее. Об этом мы узнаем из письма Белозерского от 31 марта 1850 года. Дружба кирилло-мефодиевцев не позволила Полозову в письме от 8 января 1850 года говорить утвердительно «о чистоте нравственности Андрузского». Впрочем, он выражал уверенность в том, что «молодые люди эти, за бдительным наблюдением начальника губернии, исправятся».

Надежды не оправдались. В марте 1850 года до губернатора дошли слухи, что Андрузский имеет у себя «какие-то подозрительные бумаги». Тотчас же, 19 марта, в квартире ссыльного произвели обыск. Результат оказался неожиданным. У Андрузского обнаружили 14 исписанных больших тетрадей, над заполнением которых он трудился больше года.

Содержание изъятых при обыске бумаг свидетельствует о том, что в карельской ссылке убеждения Андрузского не изменились, его взгляды остались прежними, очень близкими к тем, которых придерживалось Кирилло-Мефодиевское общество.

Одновременно с бумагами Андрузского были конфискованы записки жившего вместе с ним на одной квартире его земляка дворянина Киевской губернии Виктора Липпомана, тоже политического ссыльного, высланного на 6 лет в Олонецкую губернию «за написание возмутительных стихов».

В качестве гипотезы можно высказать предположение, что Г. Андрузский и В. Липпоман пытались вести пропаганду своих взглядов и, в частности, идей национального и социального освобождения Украины среди петрозаводских чиновников, стремились создать кружок по образцу Кирилло-Мефодиевского общества, и кем-то из служащих, посещавших их квартиру, были выданы правительству. На такую мысль наводит письмо Н. Писарева Орлову от 28 марта 1850 года².

В первой тетради Андрузского оказалась конституция республики, штаты которой состоят из Украины, Черномории, Галиции с Краковым, Польши с Познанью, Литвою и Жмудью, Бессарабии с Молдавией и Волахией, Остзеи, Сербии, Болгарии и Дона.

В последующих тетрадях записаны стихотворения Т.Г. Шевченко, народные песни, а также обнаружены попытки автора составить украинский новый алфавит и словарь, собрать украинские поговорки и пословицы.

В тетради № 6 Андрузский со злой иронией высмеивает рептильное поведение недалеких предков своих соотечественников, которые, потеряв чувства патриотизма и национальной гордости, покорно подчинялись царизму, порабошавшему Украину.

¹ ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., оп. 5, 1847, д. 81, ч. 8, л. 173.

² ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., оп. 5, 1847, д. 81, ч. 8, л. 177.

Вспоминая события времен гетманщины, Андрузский делает такие записи:

«Шереметьев бесстыдно выгоняет гетмана Юрия. Что же делает Украина? А мне какое дело!

Брюховецкий подличает перед Москвой, выдает казаков на казнь. Что же Украина? А мне какое дело!

Алексей приказал перевести на русский язык литовский статус и судить в судах по этому же переводу. Что же Украина? А мне какое дело!

Петр не подтверждает уже казацких прав, вызывает Полуботка и других в столицу, бесчестит их, морит в кандалах, посылает казаков на каторжную работу в Ладугу, Воронеж и далее. Что же Украина? А мне какое дело!

Петр, как государь, властвует в Киеве, разоряет Батурин, казаками же вырезывает Ромен. Что же Украина? А мне какое дело!»¹.

Интересные взгляды высказывает Андрузский о цензуре и влиянии ее на нравственное воспитание молодежи: «Цензура смотрит только, чтобы царя не бранили и против бога не писали, а не обращает внимания на вред, который производят эти серые книжки, приучающие детей к неправильному взгляду, картинками и писаниями забивают их головы. Что же после того удивительного, что молодые люди рано приучаются к картам, вину и девкам, страшась бездны премудрости».

Через все бумаги Андрузского красной нитью проходит стремление к национальному самоопределению славянских племен на республиканской основе, любовь к Украине, ее народу, языку, обычаям. Поэтому в жандармской переписке об Андрузском говорится, что его рукописи доказывают «преступный образ мыслей» автора.

28 марта 1850 года губернатор отправил тетради Андрузского шефу жандармов со своей рецензией, в которой находим такое резюме: «Из отобранных бумаг... изволите усмотреть, что Андрузский, как упорный малоросс, остался при тех же нелепых и преступных мыслях, которые обнаруживал в учрежденной в 1847 году под начальством вашим комиссии...» На основании знакомства с содержанием конфискованных тетрадей губернатор вынужден был констатировать, что «умственное направление Андрузского и его мечты и даже знания не изменились и не улучшились». Одновременно в тот же адрес были высланы и найденные у Липпомана стихи «неблаговидного содержания».

5 апреля 1850 года граф Орлов представил царю доклад об Андрузском, в котором, перечислив все его «грехи», делал такое заключение: «Из вышеизложенного описания действий и образа мыслей Андрузского, равно из того, что он сам о себе говорит в своих тетрадях, очевидно, до такой степени молодой человек сей вреден обществу и как мало имели на него влияния первое арестование его и те убеждения, кои были делаемы ему мною. Я полагаю совершенно излишним далее рассматривать дело о нем и осмеливаюсь испрашивать, не изволите ли, ваше величество, высочайше повелеть Андрузского, как человека неисправимого, в предотвращение того вреда, который может происходить от него для общества, заключить в Шлиссельбургскую крепость»².

Николай распорядился отправить Андрузского на исправление в Соловецкий монастырь без указания срока. Царь знал, что тюрьма Соловецкого монастыря по строгости режима не уступает Шлиссельбургской крепости.

6 апреля 1850 года Орлов писал синодальному обер-прокурору. «Государь-император по всеподданнейшему моему докладу о вредном образе мыслей и злонамеренных сочинениях жительствоющего в городе Петрозаводске под надзором полиции бывшего студента Георгия Андрузского высочайше повелеть изволили отправить его в Соловецкий монастырь, поручив строжайшему наблюдению монастырского начальства»³. Далее шеф жандармов просил обер-

¹ «Былое», 1907, № 9, стр. 132–133. Материалы петрозаводских тетрадей Г. Андрузского частично использованы в литературе. См.: Н. Виноградов. К истории политической ссылки в Карелии, Георгий Львович Андрузский. В кн.: «Карелия», ежегодник Карельского государственного музея за 1928 год Петрозаводск, 1930, стр. 88–93.

² ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., оп. 5, 1847, д. 81, ч. 8, л. 234–234 об.

³ ЦГИАЛ, ф. 797, оп. 20, отд. 2, стол 1, 1850, д. 44503, л. 1.

прокурора сделать соответствующее распоряжение по своему ведомству.

Колесо завертелось. 30 апреля 1850 года синод, по представлению обер-прокурора, предписал соловецкому архимандриту Димитрию поместить «государственного преступника» Андрузского в отдельную келью, учредить за ним строжайший надзор и поручить «опытному в духовном назидании старцу увещевать его об исправлении жизни своей и вредного образа мыслей, донося синоду о последствиях надзора и увещаний по истечении каждого полугода»¹.

19 апреля 1850 года Андрузского отправили из Петрозаводска в Архангельск под конвоем жандармов.

До вскрытия Северной Двины Андрузского держали в секретной камере архангельского тюремного замка, строго следя, чтобы он ни с кем не имел никаких встреч и связей.

19 мая 1850 года под конвоем жандарма Быкова на монастырском судне узника отправили на Соловки.

23 мая 1850 года архимандрит Димитрий выдал Быкову справку о том, что в этот день Андрузский прибыл на остров и «принят исправно». 2 июня 1850 года Архангельский военный губернатор контр-адмирал Бойль отчитался за Андрузского перед министром внутренних дел, сообщив ему, что арестант благополучно доставлен к месту назначения.

Завершение хлопот для губернского начальства, связанных с Андрузским, было началом хлопот для хозяев Соловецкого монастыря.

Обязанность делать Андрузскому увещания «к исправлению его жизни и приведению в раскаяние о содеянном им преступлении» добровольно принял на себя сам архипастырь.

30 декабря 1850 года Димитрий с чувством самодовольства доносил в синод, что он «при помощи божией» исправил «преступника». В доказательство этого архимандрит выслал в синод полученное им 29 декабря от Андрузского собственноручное письмо последнего, в котором узник рассказал о своей жизни и политических взглядах. Он писал: «Я никогда не восставал против монархии, ни против личных основ царской власти, а только, полагая, что во всероссийской державе должно быть и всероссийское господство, вооружался на исключительное господство великороссиян и в защиту давно отжившей малороссийской народности»². Особенно по душе архимандриту пришлись такие строки: «Сознаюсь, ваше высокопреподобие, что мое пребывание в Соловецком остроге принесло мне великую душевную пользу. Ваши назидательные беседы, хождение в церковь и чтение книг во многом совершенно изменили мои понятия... » Встречаются в письме и иронические фразы, вроде такой: «Заключение, одиночество, порядок, присмотр научают меня скромности, умеренности, смиренности, послушанию, размышлению о прошедшей жизни, о христианских обязанностях».

Цитируемое письмо не делает чести Андрузскому даже в том случае, если оно не выражало подлинных мыслей узника. Можно предполагать, что Андрузский льстил и лгал монахам, рассчитывая таким путем получить свободу. Кстати, такие подозрения были и у наставника заключенного. Не случайно он обещал синоду продолжать «перевоспитание» Андрузского и наблюдать, «будет ли приносимое им раскаяние искренно и постоянно **при дальнейшем его здесь заключении**» (подчеркнуто нами – Г.Ф.). Об одном можно сказать определенно: цели Андрузский не добился – из тюрьмы его не выпускали и не собирались этого делать.

В синодальных и жандармских кругах покаянному письму Андрузского вообще не придали никакого значения.

Трудно сказать, когда увидел бы Андрузский свободу и увидел ли бы вообще когда-нибудь ее, если бы не Крымская война. Г. Андрузский отличился при отражении нападения англо-французской эскадры на Соловецкий монастырь 6–7 июля 1854 года. В награду за это хозяева монастыря просили освободить Андрузского из заключения и предоставить ему право выбора места жительства. Соглашаясь с этим, духовное начальство считало необходимым сохранить над Андрузским полицейский надзор по месту его жительства. Шеф жандармов Орлов имел на этот счет свое мнение. 28 августа 1854 года он ответил обер-прокурору сино-

¹ ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 131, 1850, д. 649, л. 2–2об.

² ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 131, 1850, д. 649, л. 9.

да, делавшему по просьбе монастыря представление на Андрузского: «Бывшему студенту Андрузскому, не полагаясь на искренность его слов и на уверение, что он восчувствовал свою вину (имеется в виду письмо от 29 декабря 1850 года. – Г.Ф.), ибо помилованный уже однажды, снова сугубо провинился, я не нахожу возможным дозволить служить в Великороссийских губерниях, как ходатайствует духовное начальство, но поначалу бы для вящего удостоверения в его раскаянии определять его на службу в Архангельск впредь до совершенного его исправления и под строжайшим надзором местного начальства»¹.

Доводы Орлова взяли верх. Г. Андрузский был освобожден из монастырской тюрьмы и направлен в Архангельск под строжайший надзор полиции «до совершенного и полного исправления».

В 1858 году по просьбе сестры Андрузскому разрешили вернуться на родину, в Полтавскую губернию, под полицейский надзор.

Участники Казанской демонстрации в остроге соловецкой крепости

Политическими узниками монастырской тюрьмы на Соловках были два молодых петербургских рабочих Яков Потапов и Матвей Григорьев². Оба они подверглись аресту и суду за участие в «первой социально-революционной демонстрации в России», как назвал В. И. Ленин знаменитую демонстрацию, состоявшуюся 6 (18) декабря 1876 года в Петербурге на площади у Казанского собора³. Особенно активную роль сыграл в этой манифестации 18-летний рабочий фабрики Торнтон Яков Потапов. Поднятый во время демонстрации товарищами на руки, он впервые в истории России развернул над толпой боевое красное знамя революции с вышитой на нем надписью «Земля и воля», стал первым знаменосцем русской революции.

Царизм свирепо расправился с участниками первой открытой политической демонстрации: 32 человека были арестованы, 21 человек, по указанию царя от 17 декабря 1876 года, предан суду особого присутствия правительствующего сената. Высокое судилище обвинило участников демонстрации «в дерзком порицании установленного государственными законами образа правления» и приговорило их к различного рода наказаниям – от ссылки на поселение в Сибирь до каторжных работ в рудниках.

Среди приговоренных к ссылке в Сибирь были знаменосец демонстрации Яков Потапов и двое других рабочих – 18-летний Матвей Григорьев и 23-летний Василий Тимофеев.

19 мая 1877 года, по ходатайству того же особого присутствия сената, царь смягчил приговор этим трем участникам демонстрации. Велено было Я. Потапова, М. Григорьева и В. Тимофеева разослать в отдаленные монастыри «на покаяние» на 5 лет каждого «с поручением их там особому попечению монастырского начальства для исправления их нравственности и утверждения их в правилах христианского и верноподданнического долга»⁴.

Облегчение участи демонстрантов-рабочих правительство лицемерно объясняло молодостью Я. Потапова и его товарищей. Г.В. Плеханов не без оснований усматривает в этом преднамеренную политику, своего рода демагогический шаг властей. Правительство силилось уверить себя и общественное мнение в том, что рабочие только под влиянием «чуждой им интеллигентной среды» перестают быть верными подданными монарха. Поэтому, оставляя в силе первоначальный приговор в отношении большинства «бунтовщиков-студентов», сочли возможным смягчить приговор «бунтовщикам-рабочим»⁵.

Однако власти просчитались. Ни один «бунтовавший» интеллигент не причинил духовным властям столько беспокойства, сколько причинили Я. Потапов и М. Григорьев. Оба они в ссылке под монашеским присмотром и в тюрьме под охраной часовых вели себя независи-

¹ ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., 1854, д. 412, ч. 2, л. 21 об. – 22.

² Первый из них – уроженец Тверской губернии, Старицкого уезда, деревни Казнаково. Второй – уроженец Ярославской губернии, Мышкинского уезда, деревни Волохановой. Поэтому в официальных документах Я. Потапов и М. Григорьев именуется крестьянами.

³ Ленин В. И. Сочинения. Т. 5, стр. 295.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 158, 1877, д. 193, л. 2.

⁵ Плеханов Г. В. Сочинения. Т. III. М., 1923, стр. 154–155.

мо, непреклонно сохраняли свои убеждения, бесстрашно боролись с деспотизмом и произволом.

Выполняя волю царя, 3 августа 1877 года синод решил поместить Я. Потапова в Вологодский Спасо-Каменный монастырь¹. М. Григорьева – в Чуркинскую общежительную Николаевскую пустынь Астраханской епархии и В. Тимофеева – в Крестный монастырь Онежского уезда Архангельской губернии. Этим же постановлением синода местным епископам было предписано, чтобы «по доставлении помянутых крестьян в означенные обители сделано было должное распоряжение о подчинении их строжайшему надзору».

16 ноября 1877 года Яков Потапов прибыл на место ссылки. Начальник Вологодской губернии предложил местному владыке установить за Потаповым во время пребывания его в монастыре самый бдительный надзор, дабы предотвратить возможность побега ссыльного.

Третье отделение было настолько убеждено в том, что монастырь «смягчит полученное Потаповым в юности вредное направление мыслей» и «бунтовщик» избавится от «заблуждений», что не требовало от монахов периодических сведений о поведении ссыльного. Однако спасо-каменные «воспитатели» не оправдали возлагаемых на них жандармами надежд. Монахи делали все от них зависящее, чтобы сломить непокорность Потапова, но революционер оказался непоколебимым в своих взглядах.

Через каких-нибудь два месяца после ссылки в монастырь третьему отделению стало известно, что Я. Потапов написал письмо студенту медико-хирургической академии Никольскому, в котором рассказывал о возлагаемых на него монахами работах. В этом же письме революционер сообщал своему приятелю, что он не намерен долго оставаться в ссылке и просил у Никольского денег на платье².

Получив такое сообщение, блюстители «законного порядка» в голубых мундирах всполошились. 26 января 1878 года главный начальник III отделения Мезенцов официальным отношением предложил синоду усилить наблюдение за Потаповым. 11 февраля обер-прокурор синода столь же официально доложил шефу жандармов, что «местною консисториею предписано настоятелю Спасо-преображенской Белавинской пустыни, чтобы он усилил надзор за содержащимся в оной крестьянином Яковом Потаповым, приставил к нему днем и ночью надежных людей и вполне приспособил помещение к тому, чтобы лишить Потапова всякой возможности к побегу, особенно ночному, если бы он на него решился».

Через год поступил более серьезный сигнал. 11 апреля 1879 года Вологодский епископ Феодосий сообщил обер-прокурору синода о следующих неприятных событиях в своих владениях: «Ныне строитель³ Белавинской пустыни иеромонах Афонасий рапортом от 14 марта сего года донес мне, что крестьянин Потапов... 1) Из обители почасту делает самовольные отлучки, неизвестно куда и зачем, и на справедливые со стороны строителя замечания отвечает только грубостью, и даже не скрывает своего намерения уйти из-под надзора монастырского. 2) Нередко получают им, Потаповым, неизвестно откуда и от кого письма и посылки деньгами и вещами, и сам он ведет переписку неизвестно с кем. 3) Являясь к строителю часто безвременно, почти насильственно требует того, в чем удовлетворить нет ни малейшей возможности... Получив просимое, он почти всегда остается недоволен и недовольство свое выражает не одними только оскорбительными для строителя словами, но неоднократно высказывал свое намерение, при представившемся удобном случае, нанести ему побои. 4) Главное же он нарушает спокойствие братии, стараясь между ней поселить раздоры и ссоры. Почему строитель просит моего ходатайства перед святейшим синодом об удалении его, Потапова, из Белавинской пустыни, так как в обители нет ни удобного помещения для удержания от побегов Потапова, ни лица для надзора за ним, между тем как присмотр за ним, по его буйному характеру, требуется не монастырский, а строгий полицейский»⁴.

¹ Спасо-Каменный монастырь соединился с Белавинской пустыней и стал называться Спас-белавинская пустынь, или Спасо-преображенская пустынь. Она находилась на острове Кубенского озера.

² Подлинника письма Я. Потапова в деле нет, а его пересказ датирован 25 января 1878 года. См.: ЦГАОР, ф. 109, 3 эксп., 1876, д. 253, ч. 3, л. 85.

³ Настоятель

⁴ ЦГАОР, ф. 109, 3 эксп., 1876, д. 253, ч. 3, л. 248–249.

«Святые» вологодские отцы были не на шутку встревожены. Я. Потапов, несмотря на все злоключения ссыльной жизни, не только сохранял свои убеждения, но силой революционной агитации и личным мужеством воздействовал на низшую монашескую братию, не без успеха, как можно судить по докладным епископа, распространял свои антиправительственные взгляды, разлагал монашескую общину. Не удивительно, что вологодская духовная администрация стремилась как можно быстрее избавиться от присутствия в Спасо-Каменском монастыре такого опасного постояльца.

Отец Феодосий поддержал мнение строителя Белавинской пустыни о необходимости перевода Потапова из Спасо-Каменского монастыря «в более благонадежное место». Вместе с тем епископ докладывал своим столичным хозяевам, что местная консистория предписала строителю пустыни «принять все возможные меры к усилению строгого надзора за Потаповым».

Тревогу вологодского духовенства разделяли синодальные старцы. Обер-прокурор синода, получив сообщение Феодосия, 18 апреля 1879 года передал его содержание начальнику III отделения Дрентельну и, со своей стороны, просил перевести непокорного рабочего из монастыря в один из окраинных районов страны.

Шеф же жандармов полагал, что «высылка Потапова в отдаленную местность, вне монастырских стен, была бы нарушением последовавшей о нем воли монарха», распорядившегося отправить революционера на пять лет в один из отдаленных монастырей под надзор и попечение духовного начальства, и посоветовал синоду перевести юношу в Соловецкий монастырь, где он будет «подчинен более строгой дисциплине и лишен возможности самовольные отлучек».

Синод принял совет Дрентельна к исполнению и на своем заседании от 18 мая 1879 года признал целесообразным поместить Я. Потапова в Соловецкий монастырь. Об этом тотчас были извещены Вологодская епархия и Московская синодальная контора. Последней было предложено немедленно сделать «должное распоряжение о подчинении крестьянина Якова Потапова, по доставлении его в Соловецкий монастырь, строжайшему там надзору, дабы он не мог укрыться из места заключения, и о поручении его особому попечению монастырского начальства для исправления и утверждения в правилах христианского и верноподданнического долга»¹.

Как видим единомыслие у попов с жандармами было полное, сотрудничество тесное. Действовали они рука об руку, сообща искореняли «революционную крамолу» и боролись с ее носителями, в одинаковой степени угрожавшими как светским, так и духовным эксплуататорам.

Выполняя директиву синода, московская контора направила 3 июля 1879 года соловецкому архимандриту Мелетию от своего имени указ, которым обязывала его установить над Потаповым строгий надзор и приложить старание к «исправлению» мировоззрения и «испорченной нравственности» революционера. С этой целью контора советовала настоятелю подчинить «государственного преступника» духовному руководству такого монаха, который «наиболее способен строгостью своей жизни и сознательной твердостью своих убеждений и правил послужить Потапову примером к исправлению». Помимо чисто полицейских и воспитательных функций на архимандрита возлагались обязанности цензора. Он должен был перехватывать и прочитывать всю переписку революционера, если таковая будет, и о содержании ее докладывать в III отделение.

3 августа 1879 года московская контора получила донесение Мелетия о том, что Я.С. Потапов 22 июля 1879 года доставлен в Соловецкий монастырь и «заключен в одном из арестантских помещений под строгий присмотр караульной команды, и для исправления и утверждения в правилах христианского и верноподданнического долга Потапов поручен иеромонаху Соловецкого монастыря Паисию»².

Соловецкий тюремщик выполнял указания центра в отношении содержания политических врагов царизма с завидной оперативностью. Вопреки приговору сената, осудившего Я.

¹ ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 160, 1879, д. 138, л. 9–9 об.; ЦГАОР, ф. 109, 3 эксп., 1876, д. 253, ч. 3, л. 258 об.–259.

² ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 160, 1879, д. 138, л. 16 об.–17.

Потапова на 5-летнее жительство в монастыре для исправления и духовного назидания, Мелетий подверг рабочего одиночному тюремному заключению. Никто за это не одернул архимандрита. Одно это свидетельствует о всемогуществе местных духовных властей в ту пору. Соловецкий администратор сам был судьей и исполнителем приговоров. Он же по своему усмотрению изменял смысл судебных постановлений государственных учреждений и ухудшал, как это видно на примере Я. Потапова, условия содержания революционеров. Однако и соловецкий острог с его суровыми порядками и вышколенными тюремщиками, на которых надеялись III отделение и синод, также не сумел «исправить» революционера.

Мелочные придирки, непомерные строгости, постоянные нарушения приговора об условиях ссылки еще больше ожесточили молодого рабочего.

Не прошло и двух лет, как Мелетий 20 марта 1881 года направил обер-прокурору синода К. Победоносцеву редкое по своей ценности письмо, рассказывающее о небывалом случае, происшедшем на острове:

«По прибытии (в Соловецкий монастырь. – Г.Ф.) Потапов был помещен под строжайший надзор в арестантском отделении и для исправления его нравственности и священного долга верноподданничества поручен опытному и умному иеромонаху Паисию наставлять его в правилах веры и нравственности. Иеромонах Паисий постоянно раза три и четыре в неделю ходил и ходит беседовать о правилах нравственности христианской и долге верноподданнической преданности, часто отзывался о Потапове, что мало надежды Потапов подает от предлагаемых нравоучений, которых вовсе и не слушает или слушает, но невнимательно, наконец стал с кощунством принимать его наставления и добрые советы. Караульные, которые провожают его в храм божий к богослужению, отзываются о Потапове так, что нельзя его водить в церковь, потому что он так неприлично держит себя в храме, что стыдно смотреть на него, не молится, стоит развалившись на стену, и ходит только по принуждению, а не добровольно, и просили, чтобы его вовсе не водить в церковь.

Наконец, когда получено было в Соловецком монастыре известие о печально грустной кончине государя императора Александра Николаевича и 19 марта была совершена первая заупокойная литургия настоятелем с братией соборно и после литургии панихида, при которой все было братство обители в храме, все годовые богомольцы, проживающие в обители, и военная команда и все арестанты, из числа коих прописанный Яков Потапов по выходе моем из алтаря по окончании богослужения, среди храма подходит ко мне и говорит: «теперь свобода» и, замахнувшись, ударил меня по правому виску в голову, но более не мог нанести дерзости потому, что сейчас же его задержали и караульный воин, и посторонние тут стоявшие люди и отвели его в свое место заключения. После сего унтер-офицер караульной команды подходит ко мне с рапортом и говорит: «Позвольте Потапова не водить в церковь, потому что кроме кощунства и кривляний и насмешки ничего из него не выходит». После сего я решил, чтобы до времени пока и до усмотрения и распоряжения высшего начальства не водить его в церковь, чтобы еще большего какого-либо неприятного действия не произвел.

О каковом поступке Потапова и дерзости его в храме в 19 марта осмеливаюсь довести до вашего сведения и прошу вас, ваше высокопревосходительство, довести до сведения высшей власти и как держать его под строгим надзором. Наставник его иеромонах Паисий почти отказывается ходить к нему для увещаний и нравоучения, потому что он вовсе не внимает его наставлениям; я решил впредь до дальнейшего распоряжения высшей власти держать его под строгим надзором в заключении и не водить в храм при богослужениях...

Вашего высокопревосходительства смиренный всегдашний богомолец настоятель Соловецкого монастыря архимандрит Мелетий»¹.

Правда, изложение игумена не было до конца искренним.

Я. Потапов объяснил на следствии свой поступок невыносимо тяжелыми условиями жизни и постоянным издевательством монахов. Со времени ссылки в Соловецкий монастырь революционер совершенно не пользовался никакой свободой. Содержали его под замком в одиночной камере. Несмотря на неоднократные просьбы, Я. Потапова не выпускали на прогулки. Измученный тюремным режимом и тяжелыми испытаниями одиночного заключения,

¹ ЦГИАЛ, ф. 797, оп. 51. 1881, отд. 3, стол 4, д. 58, л. 2 об.–4

он решил протестовать.

19 марта Я. Потапова привели в церковь на панихиду по императору Александру II. Далее, по показанию обвиняемого, развернулись следующие события: «По окончании богослужения, когда настоятель отправился в трапезу, я на середине церкви подошел под благословение и тут же просил его о смягчении моего заключения, но он, не обращая внимания на мои слова, приказал сопровождавшему солдату взять меня. Услышав это распоряжение, я замахнулся и ударил настоятеля по правой части головы около виска и тут же сказал: «Теперь я свободен и доволен, держите, сколько угодно», но тут же был взят и отведен в место заключения». Слов «Теперь свобода» я не произносил»¹. К сказанному революционер смело добавил: «Не ручаюсь за себя, что я мог нанести и более ударов, если бы не был схвачен в то же время».

Ознакомившись с рапортом соловецкого настоятеля, Победоносцев сделал на полях несколько пометок, содержание которых было суммировано им в письме к Мелетию от 11 июня 1881 года: «Означенного Потапова следует держать самым строгим образом в одиночной камере, если же у него есть какая-либо корреспонденция, то покорнейше прошу доставить мне об этом сведения»².

Напрасно беспокоился Победоносцев. Мелетия не нужно было учить строгости в обращении с жертвами.

Под строжайшим заключением в одиночной камере Я. Потапова содержали с момента поступления в Соловецкий монастырь, а не после чрезвычайного происшествия 19 марта 1881 года, как можно понять из письма Мелетия Победоносцеву, а что касается переписки заключенного, то «божий старец» пояснял обер-прокурору 26 июня 1881 года, что Я. Потапову «воспрещена всякая корреспонденция с начала его помещения в арестантском отделении, и потому ни он ни к кому не писал и к нему не было писем ни от кого».

Пока продолжалась эта переписка, на Соловках произошел новый скандал, о котором Победоносцев узнал из письма Мелетия от 15 июня. В письме читаем: «Начальник соловецкой военной команды при тюремном замке г. Верцинский донес мне словесно что в 13 число сего июня в 10 часов вечера, во время моего служения всеобщего бдения, которое совершалось под воскресенье в Троицком соборе... арестант Яков Семенов Потапов убежал из соловецкого тюремного помещения... на монастырский двор и через сельдяные ворота прибежал к монастырской гавани, где его богомольцы схватили и привели в острог в три четверти девятого часа и сдали унтер-офицеру с патрулем, который уже его искал. И притом офицер сообщил еще, что Потапов хвастает, не стыдясь: «Я еще не такую штуку сделаю» — и опять обещает убежать и именуется себя не верующим в бога и святые его иконы и считает ненужным иметь их у себя в камере. После чего приставил к его камере особый караул, заковав его в кандалы»³. Письмо не нуждается в комментариях

М.А. Колчин и пользовавшийся его книгой о ссыльных и заточенных в острог Соловецкого монастыря как первоисточником М.Н. Гернет датируют попытку побега Я. Потапова из тюрьмы 1880 годом⁴. Это явная ошибка. Далеко не точно передал наш земляк и отдельные детали этого события, хотя по свежим следам вовсе не трудно было восстановить их — в монастыре проживали свидетели отчаянно смелого поступка узника.

По словам Я. Потапова, к которым мы можем отнести с полным доверием, на побег он решился после новых изощренных издевательств, посыпавшихся на него после «совершенного над архимандритам насилия». Достаточно оказать, что с 19 марта «бунтовщика» посадили на хлеб и воду. В другой пище ему было отказано. Такое глумление над человеческой личностью терпеливо переносили заключенные в соловецкие казематы сектанты, различные «еретики», дворянские революционеры, но его не мог стерпеть рабочий-революционер.

Перелистывая страницы архивного дела, невольно проникаешься уважением к отважному непокорившемуся революционеру. Нужно было обладать незаурядным мужеством, нена-

¹ ГААО, ф. 68, оп. 5, 1881, д. 12356, т. 1, л. 8 об.

² ЦГИАЛ, ф. 797, оп. 51, 1881, отд. 3, стол 4, д. 58, л. 5 об.

³ ЦГИАЛ, ф. 797, оп. 51, 1881, отд. 3, стол 4, д. 58, л. 6–6 об.

⁴ Колчин М. Указ, соч., стр. 151; Гернет М. Н. Указ. соч. Т. 3, стр. 349.

видеть своих классовых врагов и палачей свободы, безгранично верить в правоту своего дела, чтобы продолжать единоборство с русской бастилией.

Я. Потапов выработал план побега из кельи, находившейся на третьем этаже тюремного каменного замка. О том, как он осуществлялся и почему не привел к счастливому исходу, хорошо рассказал сам Я. Потапов: «Побег из места заключения совершен мной 13 июня при следующих обстоятельствах: разогнув решетку, вделанную в окно камеры, настолько, насколько требовалось просунуться человеку, я связал три полотенца вместе и одно из них как более широкое разорвал пополам и из этих четырех отдельных частей составил одно целое; один конец привязал к решетке окна и по этим полотенцам спустился на двор монастыря, будучи никем не замечен. Так как это было около семи часов вечера, то ворота монастыря еще не были заперты. Я вышел за ограду и прошел в гавань, где стоят суда, с мыслью достать какую-либо лодку и уплыть на ней в г. Кемь. За этим я даже обратился к некоторым из богомольцев, неизвестным мне, но получил отказ. И когда на вопрос их «кто я такой» объяснил, что арестант, то они хотели меня вести в острог, но я пошел сам в сопровождении их, видя, что побег не удался»¹.

Перед острогом Я. Потапов был сдан караульной команде, уже разыскивавшей беглеца. Принявший пойманного узника унтер-офицер угрожал заколоть Я. Потапова, на что измученный революционер ответил: «Коли – будет лучше». Во дворе острога солдаты избили Я. Потапова и связали веревками по рукам. После этого его заключили в камеру второго этажа тюрьмы и применили к нему самый строгий режим. Во избежание новых неприятностей для монахов революционера заковали в ножные кандалы, в которых «нахожусь и теперь», – пояснил Я. Потапов на следствии.

Страшно становится, когда знакомишься с пожелтевшими от времени листами допроса монастырского мученика. Трудно поверить, что то, о чем рассказывает Я. Потапов, творилось в Соловецком монастыре в послереформенный период. Но не верить нельзя. Никто не опровергал показаний Я. Потапова, и никого из тюремщиков не наказали за издевательство над человеком, попавшим в лапы извергов «в чине ангельском».

Следствие по делу Я. Потапова, обвинявшегося в нанесении Мелетию удара по голове и в побеге из места заключения, вел судебный следователь Кемского уезда Плещеев². В оформлении этого необычного уголовного дела принимали участие ответственные чиновники империи в ранге министров. Губернский прокурор, ссылаясь на предписание министра юстиции, несколько раз в раздраженном тоне требовал от Архангельской палаты уголовного и гражданского суда «принять меры к скорейшему составлению приговора по делу о... крестьянине Якове Потапове». И дело по обвинению революционера было закончено производством в рекордно короткий по тому времени срок. В июне 1881 года Плещееву поручили расследовать дело. 3 июля материалы дознания поступили в Архангельскую палату уголовного и гражданского суда. 4 сентября 1881 года палата вынесла приговор.

Архангельская палата уголовного и гражданского суда сочла возможным не подвергать Я. Потапова особому наказанию за побег из тюрьмы, поскольку он не сопровождался насилием против стражи. А что касается «оскорбления действием» архимандрита, то в этом вопросе палата нашла отягощающее вину Я. Потапова обстоятельство. Состояло оно, по мнению судей, в том, что Я. Потапов нанес священнослужителю удар в самом храме, когда он благословлял богомольцев, то есть исполнял одну из своих служебных обязанностей. Поэтому палата истолковала действия Я. Потапова как оскорбление не только личности священнослужителя, но церкви и святыни. Исходя из этого, Архангельская палата уголовного и гражданского суда решила лишить Я. Потапова всех прав состояния и сослать его на поселение в

¹ ГААО, ф. 68, оп. 5, 1881, д. 12356, т. 1, л. 9.

² В государственном архиве Архангельской области хранятся следственное и судное дела Я. Потапова. Первое из них озаглавлено «Судебного следователя Кемского уезда дело о сосланном в Соловецкий монастырь крестьянине Якове Потапове, обвиняемом в нанесении архимандриту Мелетию удара по голове и в побеге из места заключения» (ГААО, ф. 68, оп. 5, 1881, д. 12356, т. 1); второе имеет заголовок «По представлению судебного следователя Кемского уезда о крестьянине Якове Потапове, обвиненном в нанесении удара по голове архимандриту Соловецкого монастыря Мелетию» (ГААО, ф. 68, оп. 5, 1881–1882, д. 12356, т. II).

отдаленнейшие места Сибири с преданием церковному покаянию¹.

26 января 1882 года правительствующий сенат, куда поступило на ревизию дело Я. Потапова, утвердил приговор Архангельской палаты уголовного и гражданского суда. Затем последовало отношение товарища министра внутренних дел Дурново (от 22 марта 1882 года) генерал-губернатору Восточной Сибири, в котором было названо место новой ссылки Якова Потапова... Якутская область².

23 мая 1882 года Я. Потапова заковали в Соловецком монастыре в ручные и ножные кандалы и передали полиции для отправки в Якутск.

Не сумев «исправить» рабочего-революционера 20-месячной ссылкой в Спасо-Каменском монастыре и почти трехлетним одиночным заключением в соловецкой тюрьме, правительство вспомнило первоначальный приговор сената, по которому Якова Потапова и его товарищей ждала Сибирь. Только в данном случае имели в виду не ту Сибирь, которой угрожало Потапову особое присутствие сената. По приговору 1877 года местом ссылки Я. Потапова должны были служить «менее отдаленные места Сибири». Сейчас Потапова ссылали в отдаленнейший район Сибири. 20 января 1884 года он был доставлен в Якутск и отправлен на поселение в Вилюйский округ.

Долгое время ничего не было известно о жизни Я. Потапова в Якутской ссылке. Его имя называлось лишь в воспоминаниях Ю. М. Стеклова, который в начале второй половины 90-х годов XIX века встречал Я. Потапова в далекой Якутии³.

В 30-е годы нашего века биограф Я. Потапова Г. Лурье делал попытки навести справки о сибирском периоде жизни Я. Потапова, но они не увенчались успехом.

И лишь совсем недавно советский исследователь С.С. Шустерман, работая в архивах Якутской АССР, выявил там документы, восполняющие этот пробел. Историк установил, что Я. Потапов не изменил своих взглядов и поведения в сибирской ссылке. Он конфликтовал с якутскими богачами (тойонами) и попами. Местный священник недоволен был новым ссыльным и жаловался на то, что Потапов не исполняет наложенного на него церковного покаяния, не бывает у исповеди и причастия, издевается над «словами божьими».

Знаменосец первой политической демонстрации в России дожил в сибирской ссылке до победы социалистической революции в нашей стране, за которую он всю жизнь боролся.

Умер Яков Семенович Потапов 3 мая 1919 года в Якутске⁴, в возрасте 59 лет.

Таким же неугомонным и «трудновоспитуемым», как и Потапов, оказался второй участник революционной демонстрации Матвей Григорьев. Монахи Чуркинской общежительной Николаевской пустыни, куда М. Григорьев был доставлен на покаяние 17 ноября 1877 года, не могли похвастаться успехами в выполнении возложенных на них обязанностей.хлопот своим «воспитателям» политический ссыльный принес много. Дело кончилось тем, что монахи добились перевода Григорьева в Соловецкий монастырь. Это произошло следующим образом.

30 августа 1878 года петербургская жандармерия сообщила в III отделение, что в ее руки попало письмо Матвея Григорьева «возмутительного содержания», которое он отправил из Чуркинского монастыря своему брату Ивану, проживавшему в столице. Вследствие этого тогда же было предложено астраханским властям и духовному начальству Чуркинского монастыря принять меры «к пресечению вредного направления... Матвея Григорьева»⁵. Меры «к исправлению и вразумлению Григорьева» были приняты монахами, но они, выражаясь поповским языком, «остались недействительными» и не изменили антиправительственных убеждений рабочего.

Летом 1879 года епископ Астраханский и Енотаевский Герасим, ссылаясь на донесение настоятеля пустыни архимандрита Августина, сообщал в синод, что М. Григорьев ведет себя

¹ ГААО, ф. 68, оп. 5, 1881–1882, д. 12356, т. II, л. 18 об.–19.

² ЦГАОР, ф. 102, 5-е делопроизводство, 1882, д. 1844, л. 2 об.

³ Стеклов Ю. М. Борцы за социализм. Ч. 2. Изд. 2-е, М. – Л, 1924, стр. 232–233.

⁴ «Вопросы истории», 1960, № 11, стр. 215.

⁵ ЦГАОР, ф. 109, 3 эксп., 1876, д. 253, ч 3, л. 157 об.; ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 160, 1879, д. 138, л. 13–13 об.

в монастыре «неодобрительно» и «крайне нахально», издевательски относится к богослужению, дерзит настоятелю, когда тот делает ему «вразумления и наставления», самовольно отлучается в соседние поселки, подолгу беседует с крестьянами окрестных деревень и оказывает на них «вредное влияние».

Особенно усилилась антиправительственная агитация М. Григорьева после неудачного выстрела Соловьева 2 апреля 1879 года в Александра II.

5 апреля 1879 года, когда в монастыре совершалось «благодарственное молебствие» по случаю избавления монарха «от руки злодея», М. Григорьев попросил у настоятеля телеграмму об этом событии и, прочитав ее, сказал во всеуслышание: «Дурак, взялся стрелять, но не умел попасть в цель». А когда архимандрит попробовал увещевать Григорьева и сказал ему. «Побойся бога, что ты говоришь», – революционер не стал его слушать и ушел. В эти же дни М. Григорьев случайно оказался свидетелем разговора монаха Иннокентия с послушником Леонтием Гребенкиным. Монах, осуждая «варварский поступок посягнувшего на жизнь государя императора», заключил свою беседу словами: «...Исполнились слова пророка Давида «да не коснется рука нечестивого помазанника моего». М. Григорьев прервал эти верноподданнические разглагольствования фразой: «Что за важность, одного помазанника убили бы, а другого помазали бы»¹.

Вскоре после этого от одного монаха поступил новый донос на ссыльного. Шпион общал, что М. Григорьев, прочитав в газете заметку об убийстве шефа жандармов Мезенцова (убит 4 августа 1878 года Кравчинским. – Г.Ф.), отозвался об этом террористическом акте «одобрительно, относя при этом к личности покойного генерал-адъютанта Мезенцова крайне дерзкую и площадную брань».

Можно себе представить степень беспокойства монахов, если к сказанному добавить, что при обыске в келье Григорьева была обнаружена книга революционного содержания «Деятели сорок восьмого года» Верморелля.

Должностных лиц монастыря и Астраханской губернии больше всего пугала революционная агитация ссыльного среди рядовой монашеской братии, богомольцев и, главным образом, среди крестьян. Такая деятельность М. Григорьева была чревата, по мнению епископа, «вредными последствиями», и местные власти решили пресечь ее.

На М. Григорьева посыпался град новых репрессий. После предварительного следствия, произведенного 6 мая 1879 года адъютантом Астраханского губернского жандармского управления прапорщиком Марченко и товарищем губернского прокурора Голубковым, революционера арестовали и посадили в астраханскую тюрьму.

Астраханский губернатор считал необходимым выслать М. Григорьева «в одну из ставок в калмыцком народе»². Министр внутренних дел опасался, как бы от калмыков революционер не убежал, и предложил сослать Григорьева в Восточную Сибирь. Такого же мнения был и шеф жандармов. Однако царь решил, что самым подходящим местом для исправления революционно мыслящего рабочего может быть тюрьма Соловецкой крепости. 6 июля 1879 года он подписал соответствующее распоряжение, о чем III отделение дало знать начальнику Архангельского губернского жандармского управления.

5 августа 1879 года Матвея Григорьева привезли из Архангельска на беломорский остров, заключили в одиночную камеру и передали «под строжайший присмотр соловецкой воинской команды»³. Соловецкие тюремщики считали, что одиночное заключение является наиболее действенным средством смирения инакомыслящих.

М. Григорьева, как и Я. Потапова, из сосланного под надзор превратили в узника одного из самых страшных застенков самодержавия. Вот к чему в конечном итоге свелось царское «милосердие» по отношению к двум рабочим, участвовавшим в Казанской демонстрации.

В монастырской тюрьме на Соловках М. Григорьев, по сводкам Мелетия, вел себя «хорошо и покойно».

Трудно, конечно, предположить, чтобы за такой короткий срок М. Григорьев изменил

¹ ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 160, 1879, д. 138, л. 13–13 об.

² ЦГАОР, ф. 109, 3 эксп., 1876, д. 253, ч. 3, стр. 262 об.

³ ЦГИАЛ, ф. 797, оп. 52, 1882, 3 отд., 4 стол, д. 54, л. 1.

свои убеждения, которые он много раз публично высказывал. Думается, что соловецкий архимандрит сознательно преувеличивал свои заслуги. М. Григорьев не бил по лицу настоятеля, не ломал решетки в тюремной келье, словом, выгодно отличался в глазах Мелетия от Я. Потапова, и это радовало тюремщика.

В июле 1882 года, когда Я. Потапов находился в пути в Якутию, царь, по ходатайству архимандрита Мелетия, освобождает М. Григорьева из соловецкой тюрьмы и разрешает ему поселиться на родине под гласный надзор полиции на один год. 8 августа 1882 года М. Григорьев покинул Соловки¹.

Яковом Потаповым и Матвеем Григорьевым закончилось заточение в соловецкую тюрьму по политическим обвинениям. Но ссылка в монастырь по религиозным делам не прекратилась. В Соловки продолжали поступать лица духовного звания, провинившиеся против монастырского устава, и различные «еретики», виновные или только заподозренные в религиозном свободомыслии.

Соловецкий монастырь оставался оплотом оголтелой реакции, рассадником суеверий, очагом религиозного фанатизма и мракобесия.

* * *

Около четырех веков Соловецкий монастырь был местом страданий борцов из среды русского народа за свои политические и религиозные убеждения. Представители всех трех поколений русских революционеров побывали в казематах жестокого духовного тюремщика.

Соловецкая тюрьма просуществовала до начала текущего века. Первый удар по монастырскому острогу был нанесен в 1886 году, когда с Соловецкого архипелага вывели воинскую команду, в обязанность которой входило караулить заключенных. Накануне первой русской революции, осенью 1903 года, была упразднена и сама тюрьма. Тюремный корпус передали в собственность Соловецкому монастырю и перестроили под больницу для монахов и богомольцев. После внутренней перепланировки и многочисленных переделок в нем ничего специфически тюремного не осталось. В двухэтажном флигеле, занимаемом ранее офицером и солдатами, устроили аптеку и квартиры для врача и фельдшера. Так прекратила свое многовековое существование печально знаменитая тюрьма Соловецкого монастыря, одна из самых страшных тюрем царского самодержавия.

Здесь рассказано о трагической судьбе небольшой группы политических узников крепостных казематов и камер тюрьмы Соловецкого монастыря. Такие же тяжкие испытания выпали на долю многих сотен религиозных вольнодумцев, в разное время томившихся в каменных мешках Соловецкого кремля.

Нужно срывать благочестивые маски со «святых отцов» и решительно давать отпор церковникам, которые в наши дни идеализируют историческую роль монастырей, скрывают от своей паствы их мерзкие дела.

Автор будет вознагражден, если собранный им материал поможет учителям, преподавателям, лекторам в их работе по атеистической пропаганде и формированию научного мировоззрения у советских людей.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АГВ – «Архангельские губернские ведомости».

АЛОИИ – Архив Ленинградского отделения института истории.

ГААО – Государственный архив Архангельской области.

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи.

ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов СССР.

ЦГАОР – Центральный государственный архив Октябрьской революции.

ЦГВИА – Центральный государственный военно-исторический архив СССР в Москве.

ЦГИАЛ – Центральный государственный исторический архив в г. Ленинграде.

---

¹ ЦГИАЛ, ф. 797, оп. 52, 1882, 3 отд., 4 стол, д. 54, л. 7–7 об.

ОГЛАВЛЕНИЕ

- Глава первая. Соловецкая тюрьма в XVIII веке. Положение арестантов
Глава вторая. Политические узники XVIII века
Глава третья. Тюрьма Соловецкого монастыря в XIX веке, ее режим и узники
Глава четвертая. Политические узники XIX века
Список принятых сокращений
Примечания

Георгий Георгиевич Фруменков

УЗНИКИ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ

Редактор Р. В. Карташова
Обложка художника Н. Г. Наговицына
Технический редактор Н. Б. Буйновская
Корректор Н. К. Галкина
Северо-Западное книжное издательство,
г. Архангельск, набережная В. И. Ленина, 85.
Типография им. Склепина,
г. Архангельск, набережная В. И. Ленина, 86.